

Смена

№ 12 июнь 1978

навстречу XI всемирному фестивалю
молодежи и студентов.
рассказ о молодежи демократического йемена

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Смена

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц.

№ 12 (1226) ИЮНЬ 1978

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
рассказ
о молодежи
демократического
Иемена.

Фото Олега СПАССКОГО

- 1** ФЕСТИВАЛЬ ПОЭМЫ.
ШУКРУЛО. «СВЕТ».
- 2** АВТОБИОГРАФИИ.
Анна ЛОШКАРЕВА, кавалер ордена Ленина.
«ДОРОГИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ».
- 4** РЕШЕНИЯ XVIII СЪЕЗДА ВЛКСМ—В ЖИЗНЬ!
Сергей БАТКАЕВ, инженер. «ВСТРЕЧНЫЙ».
- 6** НИ ОДНОГО ОТСТАЮЩЕГО РЯДОМ!
Владимир ФРАНЮК. «ОТ ВЕСНЫ ДО ВЕСНЫ».
- 9** Валерий КРАСНОВ. «ВОКРУГ НОВИЧКА».
- 10** РЕПОРТАЖ ОБ ИНТЕРЕСНОМ.
Борис РАДЧЕНКО.
«...КОГДА СОЛНЦЕ ПРИЙДЕТ НА ПОЛДЕНЬ».
- 13** ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.
Николай ГОРБАЧЕВ. «АКАДЕМИК КОЛМОГОРОВ».
- 16** НОВОЕ ИМЯ.
Рассказ Нины СОРОТОКИНОЙ
«СКАЖИТЕ, ПОЖАЛУЙСТА, МОЖНО У ВАС ЛАЯТЬ?»
- 18** ЭКСЛИБРИС «СМЕНЫ».
«ЛИТЕРАТУРНО-КРИТИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ».
- 20** ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ.
Обзор зарубежной печати.
- 22** Повесть Артура ХЕЙЛИ и Джона КАСТЛА
«ПОСАДОЧНАЯ ПОЛОСА 08».
- 25** НАВСТРЕЧУ XI ВСЕМИРНОМУ ФЕСТИВАЛЮ
МОЛОДЕЖИ И СТУДЕНТОВ.
Олег СПАССКИЙ. «ЖАР-ПТИЦА В РУКАХ».
- 28** КРАСОТА РОДНОЙ ЗЕМЛИ.
«КРАЙ БЕЛОЙ ВОЛОЖКИ». Фотоочерк Михаила
ЧВАНОВА и Льва ШЕРСТЕННИКОВА.
- 30** Стихи Владимира СОКОЛОВА.

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНЮШЕВСКИЙ,
А. Ю. КОМАРОВ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), В. Г. ПОБЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, В. И. СЕВАСТЬЯНОВ, Г. В. СЕМЕНОВ, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник С. П. Тюнин. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена». 1978 г.

Нащупав палкою порог,
С воины вернулся он домой,
Все ж ни земли своей родной,
Ни милой увидать не смог.
Мир для него навек погас:
Война его лишила глаз.

I

С тревогой я следил за ним.
Часами, нем и недвижим,
Сидел он, в думы погружаясь,
Со всем живым утратив связь.
Случается по временам
Так уходить в себя и нам,
Но, точно пробудившись вдруг,
Мы озираемся вокруг,
И праздник мира, блеск и цвет,
Спеша нам подсказать ответ,
Доводят мысли до конца.
...Иное дело — у слепца.
Не ободрить его лучом:
Во мрак навек он заключен.

II

Мне думалось, что тишина
Слепцу особенно страшна,
Когда не слышит он людей,
И одиночество и страх,
Казалось мне, — еще лютей,
И тишина звучит в ушах:
«Все радости твои ушли,
Не для тебя краса земли!»

III

«Не для него?!»
Но я вчера
Слепого повстречал с утра.
Я видел, как входил он в сад,
Тихонько трогал цветы,
Выхала чистый аромат
Расцветшей за ночь красоты,
Деревья гладил он рукой
И слушал, как журчит арык...
И понял я, что в этот миг
В него, струясь, проник покой,
Что сада звонкое тепло
Цвета и формы обрело
В сознанье, в памяти слепца...
Я не видел светлей лица!..

IV

И убедился я тогда:
Не одинок он и не сир,
Душа слепца за зрямый мир
Высокой гордостью горда!

А сколько зрячих на земле,
Чье сердце навсегда во мгле!
Расчетами поглощены,
Они не чувствуют весны.
Что им осенней пряжи нить
Иль дней мюльских благодать —
Все то, чего нельзя купить,
Все то, чего нельзя продать?
Всех радостей себя лиша,
Бесславно спленил их душа!

V

А он деревьев слышал речь
И что-то им шептал в ответ...
Как смог он в сердце убечь
Всю чуткость юношеских лет?!

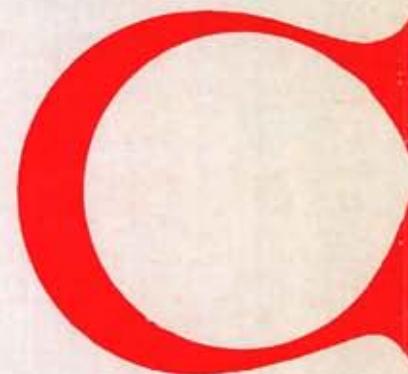
Ведь он прошел сквозь рубежи
Таких мучений и обид!.
Казалось, что не знал он лжи,
Что не был он когда-то сбит
Предательским ударом с ног...
Да как же позабыть он смог
Все зло, что встретил на войне,
Тех, что его лишили глаз?!

В какой душевной глубине
Тайл он радости запас?..
Как душу он для жизни спас?..

VI

Казалось, у него внутри —
Свет первой утренней зари,
Которой наслаждался он,
Когда он понял, что влюблен,
Когда весь мир — и синь и ал —
Пред ним, как радуга, сиял,
Земля была нежней сестры,
А люди — ласковы, добры,
Когда не верил он, что есть
Предательство, жестокость, лесть
И зависти смертельный яд,
Когда, живя с природой влад,
В кипеньи пробужденных сил
Не думал он о кознях зла...
Слепой, во тьме он сохранил
Все то, чем молодость светла.

Фестиваль поэмы

VI
Пусть очень много лет пройдет,
Но зреем внутренним своим

Он видит яркий мир,

И тот —

Неизменяем, нерушим,

И для слепца — черты жены

Неувядаем юны.

Он часто говорит ей: — Сядь!

Погладить волосы мне дай!..

Что для него — седая прядь?!

С любимой рядом — тот же рай!

Не видит он померкших глаз,

Морщинок возле губ и век...

Признается, думал я подчас:

«Да он счастливый человек!»

В нем — прежний образ навсегда.

Года над ним теряют власть,

И время не угасит страсть...»

«Счастливый!»

Можно ль без стыда

Такое выговорить вслух

О том, чей взгляд навек потух?!

VII
Родные говорили мне,
Что улыбался он во сне,
И думалось со стороны,
Что видят он цветные сны:
Места, где он ребенком рос,
Луга — в мерцанье звездных рос
И лица прежние друзей...
И он во сне жене своей
Шептал, восторгом окрылен:
— Взгляни!.. Ты видишь?.. Я прозрел!
Но, вздрогнув, прерывался сон...
Вокруг слепого — та же тьма,
Все та же черная тюрьма...
...Да минет нас такой удел!

VIII
Конечно, в глубине своей
Хранит он память о былом...
Но дети?.. Облики детей?
Всех тех, кто в мир пришел потом?..
Внук для него — лишь плач и смех.
А личико?.. А ясный взгляд?..
Возможно ль жить, не видя тех,
Что, верно, счастливо проделят
Ту жизнь, которая была
Так нелегка и все ж мила!..

IX
Я приходил к нему домой,
И все ж расспрашивать не мог.
В ответ на мой вопрос немой
Тяжелый раздавался вздох.
Не до того сейчас ему!..
Как видно, нужно самому
Постичь все трудности пути,
Каким пришлось ему идти..
Каков он раньше был?..
Каков
Любий из наших земляков,
Кого война — година бед
Застигла в восемнадцать лет.
Он знал гулянки и пиры,
Веселье удалой игры
И тяжесть будничных забот...
Он проливал на поле пот
И сладость знания вкусил...
Тогда, в расцвете буйных сил
Он был, как все... Как вы, как я —
Частица мира, бытия...
...Я помню, как вернулся он.
Послевоенною весной
В дни свадеб или похорон
Встречали мы его с женой.
Красавица была жена:
И величава и стройна.

ВЕТЪ

Глаза струили теплый свет...
А он за ней влечился вслед.
Как тень за солнцем...
Рядом с ней
Казался он еще грустней.
В лице его застыла боль,
И эти черные очки...
И люди смыслу вопреки
Жалели женщины: «Легко ль
Делить с ним жребий до конца?»...
Как можно быть женой слепца?»...
И не задал никто вопрос:
«Да как же это с ним стряслось?»

X
Я все же смог узнать: когда
Свалила с ног его беда,
Низвергнув злобно в темноту...
Сам, сам избрал он слепоту!..
Одно лишь слово... Только шаг...
...Контуженный, попал он в плен.
Сулил златые горы враг:
— Служи нам!.. Все дадим взамен!
Смерть иль довольство!.. Выбирай!
А он твердил:
— Люблю свой край!
Предать?.. Нет, это не по мне!
— Наглец!.. Иди к своей стране —
Вслепую, без проводника!..
И тут когтистая рука
К лицу приблизилась, впилась...
И мрак ожег... Бредово дик
Сквозь боль
Был смех — звериный рык...
...Так у него не стало глаз.
— Он с места не сойдет, слепец!
А как шагнет — то пропадет!..
Так или нет, ему — конец!..
И все же он шагнул вперед,
Как только зверский смех затих.
Он шел — все далее от них.
Во тьме шагал он наугад.
Но, чувством Родины влеком,
Сквозь мрак, сквозь тысячи преград
Он все-таки в родной свой дом
Вернулся...
Разве он один?..
Немало их — таких судьбин!

XI
Сталь закаляется в огне,
Тогда она прочна втройне,
Но, в пламя угодив едва,
В пах рассыпается листва.
Где обрести такую сталь,
Чтоб не листвой, а сталью стать?!

Кто дух слепого поддержал
И сделал стойким, как металл?
Чей образ жил в его уме,
Чей свет маячил впереди,
Когда он, пробудясь во тьме,
Себе приказывал: — Иди!..
Не проще ль было бы лежать
И погружаться в смертный сон?!

Ведь смерти не боялся он!..
И все же он вставал опять
Ишел, себя преодолев,
Домой, в родимые края...
Что умножало силы?.. Гнев?..
Простая жажда бытия?..
И не твое ли волшебство,
Любовь, проникло в черный склеп
И укрепляло дух того,
Кто был измучен, слаб и слеп?!

Что душу сделало стальной,
Впиталось в разум, в плоть и кровь?..
Любовь к единственной-одной?..
Иль к милой Родине любовь?..

XII
Ах, если в нем всего сильней
Была любовь к далекой, к ней,
К той девушке, в чей образ он
Был с самых юных лет влюблен?!

О, как он мучился в пути!..
«Пусть я смогу к тебе дойти,
Пусть я предстану пред тобой,—
Что я тебе теперь — слепой?!

XIII
В пути он вспоминал тот год,
Когда блаженствовал народ,
Звенел над полем птичий гам,
Бродили пары по холмам,
Как розы, девушки цветли
И с песнями венки плели
И для себя и для подруг...
Дышало счастьем все вокруг.
И на лугу и на песке
Был отблеск солнца золотой,
Справляли в каждом кишлаке
За пышным тоем пышный той.
Казалось, счастье — наш оплот,
Казалось, горе не дойдет
До здешних солнечных краев...
Как вдруг войны свирепый рев
Нарушил все... Затмилась даль,
Все сердца влилась печаль.

XIV
В то лето
будущий слепой,
Закончив курс, к себе домой
Вернулся, молод и силен,
И втайне в девушку влюблен.
Но не спешил открыться ей,
Не понимая — почему...
И в одиночку, без друзей,
— Хоть непривычно одному! —
Бродил все лето по холмам
И замирал, то здесь, то там,
Как будто грезя наяву...
Приляжал в роще на траву,
И замолкает птичий хор,
Похоже, кто-то из сестер
Шепнул: — Молчите!.. Здесь чужак!..
Но вскоре подавала знак
Личуга — та, что посыпает,
А там — другая, вслед за ней...
И он, в душистой тишине,
Как влагу, пил за звуком звук,
Забыв, казалось, о войне,
О горькой музыке разлук...

XV
То утро ясно помнит он.
Одним прыжком взлетел на склон,
Над речкой — глянул он окрест,
И вдруг — лицо знакомых мест
Увидел, точно в первый раз,
Увидел так, как будто с глаз
Внезапно спала пелена.
Пред ним предстала Ферганы
Всей прелестью своей цветной:
Поля блистали белизной,
Садами расщепленный дол,
Как празднично накрытый стол,
Казалось, приглашал на пир,
А горы, словно бы друзья,
Расселись вокруг, смотря на мир...
Внизу, среди хлопка, Сырдарья
То горбилась, а то текла
Прозрачней чистого стекла.
Был безмятежен этот вид,
Безоблачен...

Так отчего
Стеснилось сердце у него
И вдруг он зарыдал навзрыд?..

XVI
Не смог он больше в этот день
Беспечно продолжать свой путь,
Резвясь, как молодой олень,
Простору подставляя груду.
В жестоком приступе тоски
Поник он в травах у реки
И низко голову пригнул,
И словно бы подземный гул,
Растущий ролот темных сил
Он чутким ухом условил.
Он раньше знал: идет война,
Он это понимал умом,
Но сердцем, нервами, нутром
Сейчас лишь ощущил сполна.
О чём он зарыдал, джигит?..
О том ли, что беда грозит
Лугам привольным и садам,
Всем человеческим трудам?..

Что тучи с каждым днем грозней?..
Что стольким, стольким из друзей
Погибнуть суждено в бою?..
Жалел всю Родину свою?..
Или предчувствия крыло
Его коснулось в этот миг,
Огнем внезапно обожгло,
И он в судьбу свою проник?..
Иль предков доблестная кровь,
Тех предков, что с его земли
Чингиса прочь прогнать смогли,
В нем буйно возродилась вновь,
И яростный ее напор
Был так мучительно остер?!

XVII
Души стремителен полет,
И в некий день — а может, год? —

Она взрывает свой предел...
Вот так и он тогда прозрел
И ощутил всю боль земли
С невыразимою тоской...
Сидел он тихо над рекой
И мыслями блуждал вдали,
Не видя, что невдалеке
Белеет что-то на реке
И близится по водам вплавь...
Но зашуршили камыши,
И перед ним предстала вьявь
Она — избранница души!

XVIII
Ступая на берег, она
Была совсем обнажена
И, лилий девственных белей,
Светясь, мерцала меж ветвей.
...И будто к месту он прирос...
Смотрел он, точно в забытьи,
На волны влажные волос.
По маленькой ее груди
Сбегали капельки, блестя
На коже, розовой едва,
На темной родинке...
Сперва
Она смеялась, как дитя,
Прохладой наслаждаясь... Вдруг
Лицо ее, все существо,
Как током, пронзил испуг,
Она заметила его
И засияла огнем стыда:
«Как быть?.. Укрыться мне куда?..
Что он застыл?.. Хоть бы взглян,
Смутился, отвел от наготы!..
Нет, каменны его черты!
Так на любимых не глядят!..
Сидит, молчит, оледенев...»
И буйно закипевший гнев
Уже излился был готов,
Но, раздраженные подавки,
Она сдержала свой порыв
И молча скрылась меж кустов.

XIX
Что ж не помчался он вслед?..
К развязке быстрой все вело:
Густое летнее тепло,
Недвижность вод и мягкий свет,
Бездыядные рощи, тишина —
Ни шороха, ни ветерка...
Иль страсть была не столь сильна
Иль чересчур была робка?..
Иль за собой вслед не влек
Тот образ, что мелькнул тогда:
Румянец гнева и стыда,
Глаза, в которых весь Восток?..
Иль не был он, подобно всем,
Нетерпелив, горяч и юн?..
Что ж он молчал — и глух и нем,
Как инструмент, лишенный струн?!

XX
Да, он с трудом смирил свой пыл
И чувство подчинил уму.
Он устоял... А почему?..
Лишь потому, что он любил
И в этот день постиг сполна,
В чем суть любви заключена.
Он понял, что любви зерно —
Не наслаждение одно,
Любовь не в том, чтобы грубо смять
И бросить наземь, как цветок,
Которому не цвететь опять...
В любви — всех высших чувств залог
И бескорыстия горький мед...
Он знал, что их разлука ждет,
События разбросают их...
Так можно ль девушку обречь
На горе после двух-трех встреч?!

Когда бы он ее настиг,
Как поступил бы он?.. Как тот,
Кто беззащитных предает!
Он стать предателем не мог...
Не здесь ли сил его исток?..

XXI
Недели, месяцы текли...
И хоть сраженья шли вдали
От наших солнечных полей,
Но стали Ферганы тусклей.
Все реже между берегов
Друзья, сойдясь, готовят плов.
Притих, насупился наш край,
Теперь не попиваются чай,
Ведя беседу, в чайхане,
А праздник хлопка подойдет,
Никто не веселит народ:

Канатоходцы на войне!
Седлают девушки коней,
На поле замения парней,
Мужских забот они полны.
Зурнай с карнаем не слышны,
Все чаще в нашем кишлаке
Протяжный раздается стон
И отзовик дальних похорон...
Поблекли девушки в тоске.
Без нежных слов, без теплоты
Они увяли, как цветы.
И он, джигит, грустил с тех пор,
Порой с собой вступал он в спор:
«Кто знает?.. Может, я не прав,
Что затаился, промолчав?
Что, если и она по мне
Тоскует втайне?.. Грустный взгляд
Я подмечал уже не раз...»

Когда ж приспал военкомат
Повестку, а точней — приказ,
Когда остались у него
Лишь считанные дни всего
Дышать с ней воздухом одним,
Прилив нахлынувшей тоски,
Разумным мыслям вопреки,
Был горек и неодолим...
«Кто знает, буду ли я жив
И возвращусь ли в отчий дом?..»
И он, сомненья отложив,
Решил открыться ей во всем.

XXII
Он к ней пришел в тот самый день,
Когда последний срок истек...
И, словно траурная тень,
Она скользнула на порог.
Платок зажат в ее руке,
Слеза сбегает по щеке...
Что с ней?.. Не сдерживая слез,
Она шепнула наконец:
— Сегодня... Почтальон принес...
Пал смертью храбрых мой отец.
Отец?.. Тяжеле нет утрат!
Потуясь, он стоял пред ней.
Где смерть прошла с косой своей,
Там о любви не говорят.
Что делать?.. Он опять смолчит...

...Но увидав, что он обрят,
Руки его заметив дрожь,
Сказала девушка ему:
— Ты слышишь?.. Траур не сниму,
Пока ты с фронта не придешь.
Я буду ждать. Хоть много лет...
Все буду ждать, пока жива...
И как торжественный обет
Звучали тихие слова.
Он эту клятву взял с собой,
С ней встретил он свой первый бой
И в черноте слепых дорог
Как талисман ее берег.

XXIII
Он шел, он ехал много дней
И про себя шептал в пути,
Как будто обращаясь к ней:
«Пусть я смогу к тебе дойти,
Ты пожалеешь и солжешь.
Но сердце распознает ложь,
Подделку тотчас различит.
Пусть я слепец, но я джигит
И смелости былой накал
С глазами вместе не терял!
Я молча отойду во тьму...
Что ж, можно жить и одному.
Когда вокруг — язык родной...
Что ж, прятну я как-нибудь...»
И все же струею ледяной
Отчаянье врывалось в грудь
При горькой мысли, что она
Забыла, клятве не верна...

Когда б он мог узнать о том,
Как милая его ждала,
Как тосковала досветла
Над смытым маленьким письмом,
Полученным уже давно!..
И горе... Горе, говорят,
Не ходят никогда одно.
Вернулся с фронта младший брат,
Он ногу потерял в бою.
А девушка в родном краю,
Кого любил он всей душой
Любовью трепетной, большой,
Его не захотела знать:
«Мне, мол, калека не под стать!..»

— О недостойной не грусти!
Знать, сердце у нее в шерсти,
Ни жалости в нем, ни стыда!—
Сестрица брату говорит,
А сердце у самой болит.
И думает она: «Когда,
Когда бы ты, любимый мой,
Вернулся, наконец, домой,
Будь ты калека-инвалид,
Будь ты без ног,
Будь ты без рук,
Я упаду к тебе на груди!..
Мне б голоса услышать звук,
Разок бы на тебя взглянуть!..»

Потом все получилось так:
Когда вернулся он в кишлак,
Он убедился, что не прав,
Что в ней он сомневался зря.
Одежду траурную сняв,
Она сияла, как заря,
И, оживая, как цветок,
Надела свадебный наряд...
Хоть видеть он ее не мог,
Слова ее в душе звучат:
— Когда ты без вести исчез,
Казалось, я попала в лес,
Где заросла травой тропа.
Душа моя была слепа.
Но ты пришел, и сгинул страх,
И вновь я различаю след.
Пусть свет померк в твоих глазах,
В сердцах у нас не гаснет свет!
Укажет путь в любой глухи
Любовь — жемчужина души!

XXIV
Промчался год... И не один.
Нигде в стране следов руин,
Как ни старайся, не найдешь...
Неизнаваемо хорош
Кишлак, где вырос мой герой.
Пусть у него в глазах темно,
Но ощущать ему дано
Дыхание земли родной,
Куда сквозь тучи бед и зол
Слепой, но все-таки прошел!
Пусть новый дом ему незрим,
Но что прекрасен новый дом,
Он сердцем чувствует своим,
Граница меж добром и злом
Внутри него, а не извне...
И кажется нередко мне,
Что злобным силам вопреки
Он сохранил свою зоркий взгляд:
Орлиных глаз его зрачки
Остались в сердце

и глядят...

Он в темноте не одинок,
От мира счастья и тревог
Не огражден глухой стеной...
Детишки раннею весной
Резвятся вокруг его крыльца,
И шутки их смешат слепца.
Он улыбается игре...
Но вдруг темнеет, погрустнев...
В лице его — печаль и гнев.
Он думает о детворе:
Что будет с ними?.. Ради них
Он погрузился в черный мрак...
...Уйдя в былое, он притих.
В ушах — не гомон детских драк,
А стоны горькой сироты,
Вдовы бездомной тихий плач...
...О люди, люди!.. Все, кто зряч!,
Не проявите слепоты!
Смотрите зорко!.. Вы должны
Спасти весь мир, спасти детей
От всех грозящих им смертей,
От бомб нейтронных!.. От войны!..
Пусть солнце светит им всегда!..
И да минует нас беда!..

Но чаще он весенним днем
Спокойно думал о своем...
Вот он с улыбкой морщит бровь,
Как будто бы ловя лучи...
...Что сберегло его в ночи?!

К великим Родине любовь?

Или возлюбленной обет?..

Иль чувства два сплелись в одно?

И потому он видит свет,

Хотя в глазах его темно.

Перевела с узбекского
Юлия НЕЙМАН.

Весной 1944 года вместе с несколькими девочками, моими подругами, подала я в военкомат заявление на фронт. Нам отказали, объяснив, что уже не сорок первый и на войне без нас обойдется, но зато в другом месте мы можем быть очень нужны.

Линия фронта с каждым днем продвигалась к западу, оставляя позади разрушенные города, заводы, электростанции. В ту пору ЦК комсомола обратился к молодежи с призывом ехать в освобожденные районы на восстановление народного хозяйства.

ДОРО

Ну, что ж, на фронт попасть не удалось, и я написала второе заявление, на этот раз в Челябинский обком комсомола. На стойку, думала я, отказать никак не могут. И действительно, вскоре получила комсомольскую путевку, направлявшую меня в распоряжение ЦК комсомола Украины. Шел мне тогда девятнадцатый год...

Уезжали из Челябинска первого мая. Были со мной еще три знакомые девочки — Катя, Тоня и Тамара Федосеева. Тамару в начале войны эвакуировали к нам из Ленинграда; не захотела она ждать, когда сможет вернуться в родной город, и, едва исполнилось восемнадцать лет, взяла вместе с нами комсомольскую путевку.

Ехали долго, целый месяц. Вагоны стояли, как их называли, «телячьи» — деревянные нары вдоль стен, вот и все удобства. Часто останавливались, пропуская воинские эшелоны: с ранеными — на восток, с техникой и свежим пополнением — на запад.

...В Фастове наш поезд бомбили. Первый раз я видела самолеты с черными крестами, огонь, взрывы. Первые вагоны загорелись. Страшно это было... Люди выпрыгивали из дверей и окон, отбегали подальше в поле. А я залезла под вагон, сижу на шалах, трясет меня вся, как в лихорадке. И сквозь страх одна только мысль: неужто не доеду?

Кончился налет, отцепили горящие вагоны. Прибежали и ко мне люди, отругали: ты что ж, говорят, ненормальная, не ушла от поезда, чудом ведь живой осталась...

Потом, до Киева, доехали без происшествий.

Родом я из села Черноречье, Челябинской области. Колхоз у нас был большой, три села в него входило. Назывался он красиво и символично: колхоз «Согласие». Среди первых организаторов времен коллективизации — мой отец. (В сорок втором пришло известие о том, что он пропал без вести. Ничего я не знала о фронтовой судьбе отца, но одно знаю твердо: он до конца оставался настоящим человеком.)

Деревенские дети с ранних лет к работе привыкли. 12–13 лет — это и тогда считалось и сейчас считается вполне «рабочим» возрастом, когда пора помогать взрослым колхозникам. С тринадцати лет я занималась с детьми в колхозных яслях и садике — они у нас в одном доме располагались. Бывший купеческий деревянный дом, две большие комнаты; внизу подвал был — там кухня находилась. На этом «посту» и застала меня война...

Мужчины все на фронт ушли; женщины и старики в поле пропадали от зари до зари. Принесли мне детей в садик, об одном просили: ты, Нюра, последи, чтобы поели вовремя, голодными не сидели. А как в то время с продуктами было, рассказывать, думаю, не надо. Тогда я не о правильном рационе питания думала, а лишь бы всем поровну досталось... Потом еще маленьких отвёзли на речку, искупать надо — в общем, забот до позднего вечера хватало, пока женщины с поля не возвращались.

В сорок четвертом работала я в колхозе избачом. Нынешняя молодежь только понаслышке о такой должности знает, а тогда избач был един во многих лицах: сам себе и библиотекарь, и агитатор, и художественная самодеятельность. Мне же поручали и коров по дворам собирать. Техники нет, лошадей нет — приходилось пахать на буренках. Колхозных оставалось мало, я и просила по дворам личную скотину.

Ох, и тяжелое же это дело было! Подхожу к воротам, и, поверите, ноги не идут. Хозяйка вчера похоронку на мужа получила, семеро голодных ртов по лавкам сидят, а я иду единственную кормилицу забирать. Походивши в плуте, много ли молока она даст?..

Бывало и так, что запирали ворота. Найду какую-нибудь щель в подворотне, отгоню

видом «механизации» у нас были носилки. Обдирая кожу, складывали на них куски бетона, камень, осколки и перегружали все это в машины. Однажды подсчитали: чтобы погрузить 12 кубометров железобетона, бригаде потребовалось семь минут.

Поселила нас в общежитии (проще сказать, бараке), в семиметровой комнате без всякой мебели. Для начала нас собирали листьев, устроили из них одну большую общую постель. Позже привезли несколько железных кроватей, и мы с девочками спали на них по двое, а то и по трое. Но ничего, никто не жаловался — ведь многие тогда и того не имели. Намаявшись за день на погрузке железобетона, засыпали как убитые — в тесноте, да не в обиде.

Через четыре месяца первой в Запорожье наша бригада получила звание фронтовой.

ГНЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

**Анна ЛОШКАРЕВА,
кавалер ордена Ленина,
бывший бригадир
бетонщиков Днепростроя.**

14 октября должен был состояться торжественный вечер по случаю годовщины освобождения города, и мне как бригадиру первой фронтовой бригады поручили зачитывать на том вечере письмо Сталину от тружеников Днепростроя.

Собрались в клубе металлистов. Мне вместе с группой других рабочих нужно было из фойе пройти в президиум. Все-то прошли, а я... Выглядела я, надо сказать, весьма неказисто. Короткие уральские сапоги, порядком потрепанные; простенькая синяя юбочка из диагонали; косынка красная набок завязана; фуфайка цементом припорошена. Короче говоря, не пустили меня швейцар (или гардеробщик, не знаю уж, кем он там работал), да еще милиционером пригрозил, если сейчас же не скроюсь с глаз его.

Вот уже вечер начался, в зале и в президиуме все расселись, ждут Анну Лошакареву. Я же, напуганная сурвым швейцаром — и смех и грех, как вспомни! — забралась подальше, на балкон, спряталась между сиденьями. Вдруг смотрю: вроде знакомая фигура. Ну да, это ведь Люба Болтянская, член комитета комсомола Днепростроя. И она меня заметила:

— Ой, Анька, ты?! А тебя кругом все ищут, с ног сбились!

Вытащила из моего убежища, повели в президиум. Швейцар передо мной извинился, а милиционер ему еще и внушение сделал за то, что прогнал члена фронтовой бригады.

Прочла я то письмо и от себя несколько слов добавила, обещала не уезжать с Днепропетровском, пока не зажгутся огни электростанции.

Из сорока семи бетонных бычков плотины удалось четырнадцать. Вся правая сторона разрушена практически полностью. Чтобы перейти через плотину, построили висячий мост — только так можно было попасть на правый берег Днепра. Для восстановления плотины требовался бетон — как можно больше и быстрее. Но его не было...

Строительство бетонного завода поручили нашей бригаде. За несколько месяцев на стройке мы научились не только разбирать завалы. Стали каменщиками, бетонщиками, слесарями, штукатурками и малярами. Петр Дмитриевич Кижава — великий ему спасибо! — научил нас всему. Фронтовик, опытный строитель, он старался отдать нам все, что знал сам, готовил к сдаче техническимумы,

прикрепляя к наставникам, лучшим каменщикам, бетонщикам.

Транспорта не хватало. Иногда, чтобы подвезти стройматериалы, мы сами запрягались в сани, груженные кирпичом. В одежонке, ветром подбитой, тянули эти сани, в перерывах подбадривая друг друга то шуткой, то частушками, которые сами же и сочинили...

Через три месяца, в марте 1945 года, завод выдал первый бетон. С того времени вся работа нашей бригады на Днепрострое связана с этим заводом. Начинали мы на стройке подсобными рабочими, а стали мотористами, дозировщиками, электриками, слесарями на заводе. Готовили бетон строителям. Это был очень ответственный участок — ведь без бетона невозможно было вести никакие другие работы.

Здесь, на бетонном, в сорок шестом году и произошла моя встреча с первым секретарем обкома партии Леонидом Ильичом Брежневым.

В своих воспоминаниях Леонид Ильич так писал о нашей бригаде: «Всякий раз, когда приходилось бывать на Днепрострое, еще издали слышал звонкие голоса делкат, которые подавали бетон в тело плотины. До бровей закутанные платками, обсыпанные цементной пылью, в жару ли, в холод, они не теряли бодрости никогда. Спросишь, как идет дела, и всегда в ответ звонко: «Хорошо!» Это была бригада Анны Лошакаревой, занесенная в Книгу почета республики».

Все верно: и про цементную пыль и про работу. Давали мы тогда по две — две с половиной нормы в смену. А начальник наш, Логинов Федор Георгиевич, говорил Леониду Ильичу: эта бригада, наверное, домой никогда не уходит, с «бетонкой» не хочет расставаться.

И еще я помню прославленного бетонщика Романа Ходжиева. Он работал в считанных метрах от завода, восстанавливая щитовую стенку. Как заявил Роман, что едет секретарь обкома, обязательно кричит: «Давай бетон, Анна! Ну, и мы ему в ответ: дескать, не волнуйся, Роман, все в порядке, бетон будет. Потому, наверное, и запомнились Леониду Ильичу наши голоса... Потом мы встречались на партактиве. В своей книге Леонид Ильич пишет, как спросил меня тогда:

— А ваша бригада тоже ведь фронтовая?

— Была фронтовой.

— Нет, Анна, не согласен. Предстоит паводок, нужен хороший бетон, от вас зависит качество работы всех бригад. Ваш фронт еще впереди».

Что изменилось со временем появления на стройке товарища Брежнева? Мы, простые рабочие, заметили, насколько строже стало выполнение графиков, как улучшилось планирование. Диспетчерская управления ДнепроЗЭРНГО стояла на самом верху; оттуда была видна вся стройка: где как идет работа, где чего не хватает.

И еще нам нравилось, что этот человек в армейской гимнастерке успевает подметить все «мелочи» — например, почему у нас мотор работает, а транспортер стоит; не забывает спросить, нужна ли его помощь.

Самые дорогие годы моей жизни связаны с Днепростроям. Здесь я встретила большого праздника — День Победы. 9 мая 1945 года был яркий весенний день, уже цветли абрикосы. Остановилась работа на стройке, остановились заводы, молчал и наш бетонный. Я выступала на митинге у створа плотины, у могилы неизвестного солдата, спящего ДнепроЗЭРНГО от полного уничтожения. В тот день праздничные митинги шли по всему Запорожью.

Кончилась война, но еще долго мы залечивали нанесенные ею раны.

По-прежнему было трудно с продовольствием. Однажды мы потеряли продовольственные карточки, а сказать об этом не решались, зная, что многие семьи живут впроголодь. Но одним воздухом съят не будешь, и мы придумали: каждый день выделяли кого-нибудь из бригады в помощник заведующему столовой Кириллю — пилить дрова. А нам за это вечером отдавали остатки каши. Так продолжалось до тех пор, пока секретарь комитета комсомола Днепростроя не узнал каким-то образом о нашей беде. Но в то время нам всем и в голову не приходило говорить о своих несчастьях.

Как-то, помню, подали к заводу под разгрузку вагон с песком. Обычный товарный вагон с дверями на колесиках. То ли колесико выскочило из полоза, то ли еще что, только двери никак не поддавались. Приподняли их немногим, и... рухнули эти двери прямо на меня. Удар был сильный, сознание я потеряла. Тут переполох поднялся, «Скорая» приехала — и в больницу меня. Погова-

Продолжение на 12-й стр.

«Ни одного отстающего рядом!»

Это значит: не иметь не только отстающих предприятий, но и бригад, участков, цехов.

Это значит: ни в одном трудовом коллективе не должно оставаться работников, не выполняющих сменных заданий.

XVIII съезд ВЛКСМ наметил широкую программу деятельности комсомольских организаций по воспитанию у молодежи коммунистического отношения к труду.

Большая роль в этом принадлежит комсомольско-молодежным коллективам.

«Удовлетворение работой, радость труда, его результативность,— говорится в Отчетном докладе ЦК ВЛКСМ съезду.— в большой степени зависят

от морально-психологического климата в коллективе, от заботы и внимания к молодому производственнику, повседневной помощи новичкам».

Предприятие. Бригада. Молодой рабочий. Новичок...

Под этим углом зрения рассматриваются некоторые грани движения

«Ни одного отстающего рядом!»

в предлагаемых читателю материалах.

Сергей БАТКАЕВ,
инженер, заместитель секретаря
комитета ВЛКСМ завода «Динамо».

ВСТРЧНЫЙ

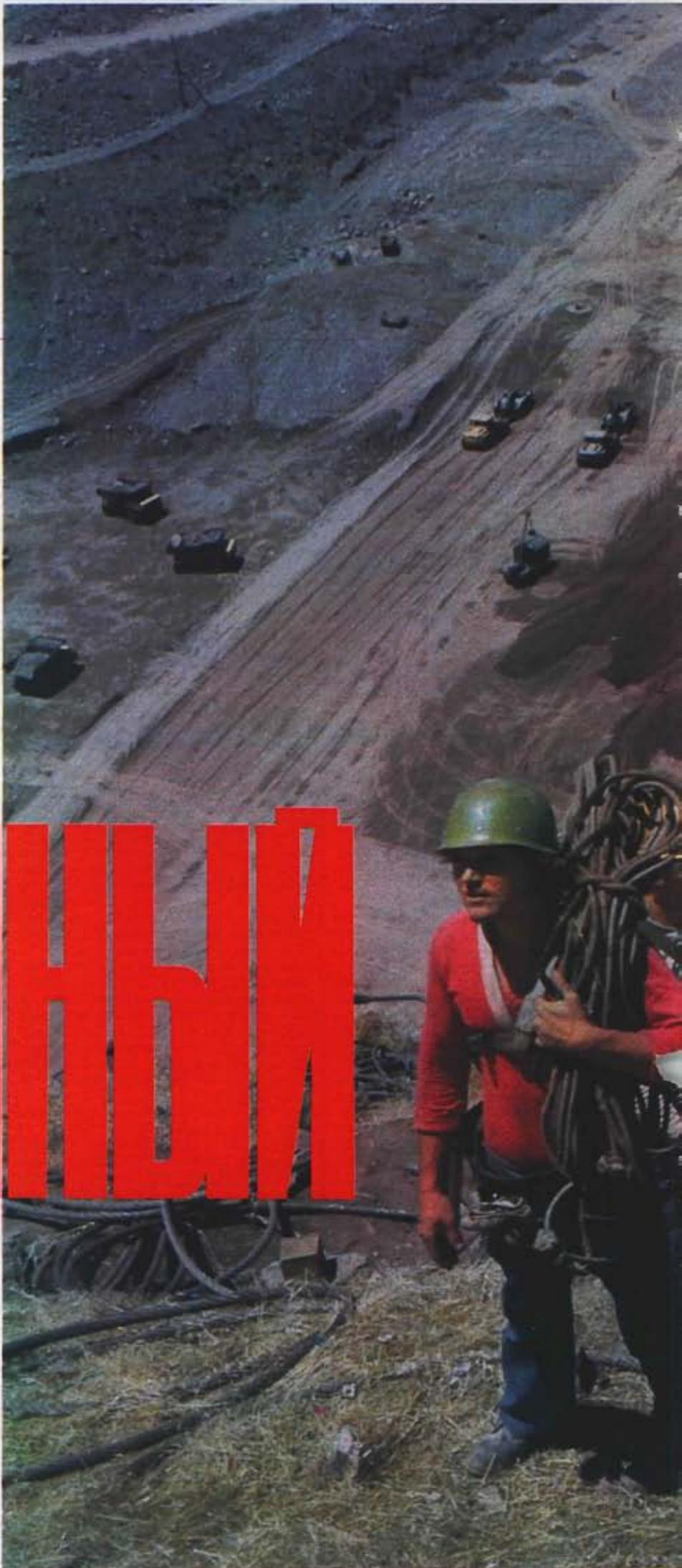
В чем сила личного плана? В том, что он позволяет привлечь буквально каждого станочника, слесаря-сборщика, литейщика, каждого техника и инженера к ежедневной, ежечасной работе по повышению эффективности и качества труда.

Суть личного плана — в детальном задании каждому рабочему на час, день, месяц, год работы, на всю пятилетку. Личный план индивидуален. Представим, что рядом трудятся два станочника. Один выполняет норму на 100, другой — на 140 процентов. Справедливо ли задать им одинаковый рост выработки? Конечно, нет, ибо в таком случае для одного план окажется легко выполнимым, для другого — непосильным, и в итоге соревнование потеряет всякий

смысл. Поэтому личный план на год исходит не из некоей «средней» цифры по каждой профессии, а из индивидуальной выработки рабочего, его квалификации, опыта. Личные планы отражают, если хотите, характер человека, его уровень мастерства, и эти качества направляют в единое русло — улучшение производственного процесса.

Одно из главных достоинств нашего метода в том, что он позволил не просто однажды «зачерпнуть» слой резервов, а находить их постоянно. Вот, скажем, план на 1978 год токаря 1-го машинного цеха Михаила Филиппова: он обязался выполнить задание к 7 ноября и ещедать дополнительно продукцию на 370 рублей. Как сложились эти цифры? А вот как.

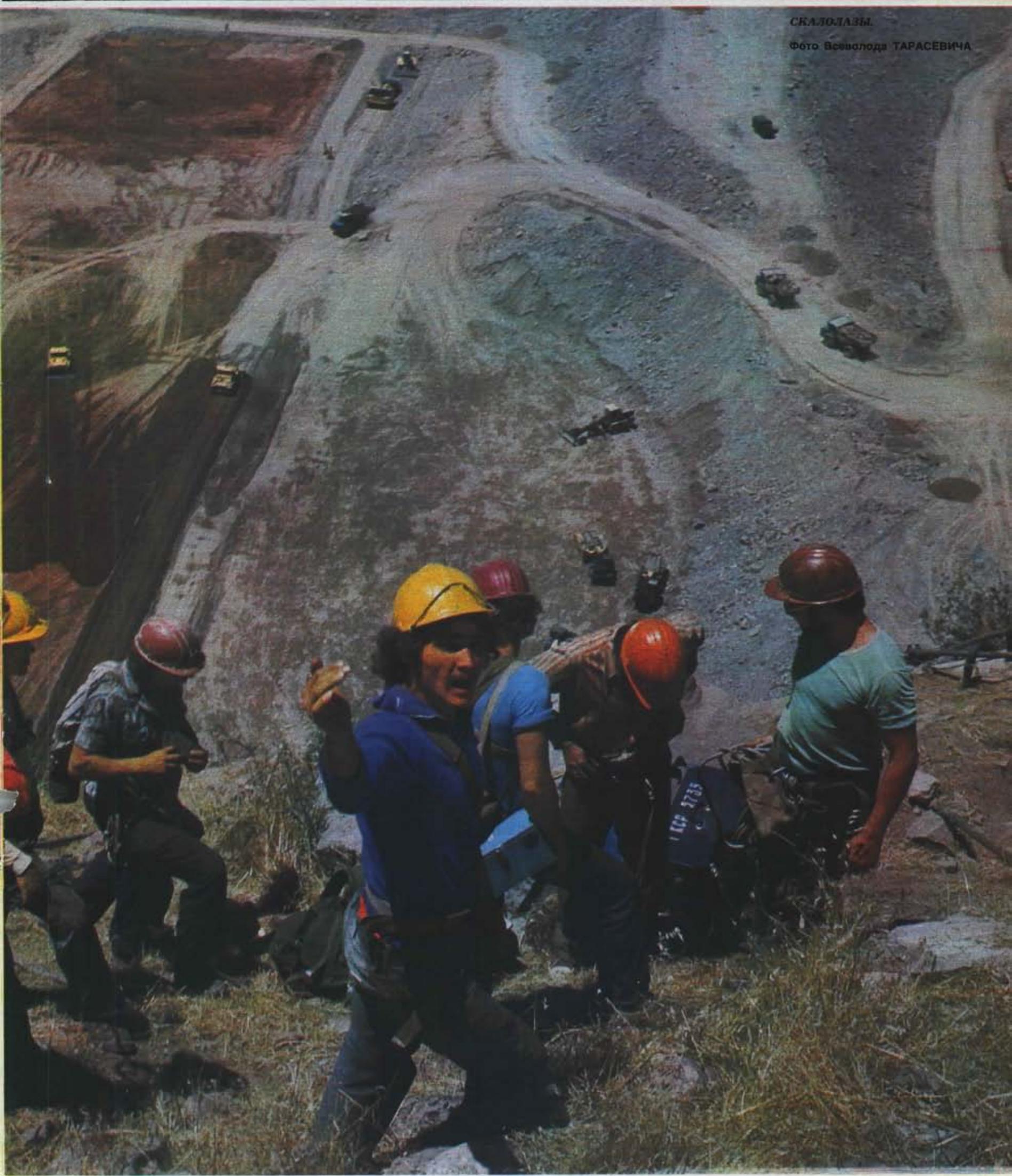
Филиппов работал на обычном токарном станке. Затем параллельно начал осваивать новую технику — станок с

НИ ОДНОГО ОТСТАЮЩЕГО РЯДОМ!

СКАЛОЛАЗЫ.

Фото Всеволода ТАРАСЕВИЧА

числовым программным управлением (ЧПУ). Этот станок высвобождает много времени у рабочего, позволяя одновременно трудинуться на другой технике. Поэтому Филиппов все больше массовых деталей стал обрабатывать на станке с ЧПУ, что дает выигрыш во времени. Кроме того, начал применять специальный комбинированный резец, увеличил скорость обработки деталей.

Техники, инженеры тоже имеют личные планы, тесно увязанные с планами рабочих. Главное их содержание — создание рабочих условий для высокопроизводительного труда. Конкретней говоря, это система технического обоснования, когда в личном плане рабочего указано, кем, когда, что будет усовершенствовано на его рабочем месте. И если обмотчик Юрий Игнатьев берется перевыполнить годовое задание на 150 нормо-рублей (а сборка обмотки якорей электромоторов пока ведется вручную), то он знает, что такая операция, как загонка рессорных клиньев вскоре будет переведена на полуавтомат и он сможет перевыполнить сменную норму на 8–10 процентов. Так личные планы позволили теснее связать планы внедрения новой техники с сегодняшними нуждами производства.

...Не секрет, что основную часть прироста продукции дает, естественно, самая многочисленная группа — так называемые середняки. Группа середняков тем и «опасна», что создает видимость благополучия: планы выполняются, что же еще надо? К сожалению, приходилось иногда слышать, как молодой рабочий заявлял: в нашем деле, мол, все давно известно и выдумывать новое незачем. Так ли это? Например, недавно токарь-карусельщик, лауреат премии Ленинского комсомола Александр Братищев обратил внимание литейщиков на большие припуски в отливках корпусов электродвигателей. За это дело взялась техник Галина Адамова. По новой, разработанной ею технологии вес заготовок снизился на 26 килограммов, и производительность труда токарей возросла в 1,7 раза. Внедрение личных планов позволило нам подтянуть группу середняков, привлечь их к работе по совершенствованию производства. Дело в том, что повышение профессионального мастерства стимулируется самим процессом планирования. Таким образом, когда инженер, технолог, мастер с каждым рабочим — независимо от его разряда — подробно обсуждают, что именно нужно усовершенствовать на его станке, какая помощь требуется молодому рабочему. И сам рабочий знает, что за его личный план отвечает также инженер — значит, можно быть уверенным в своевременной помощи.

Раньше план цеху или участку доводился на основе достигнутых показателей. При этом механически переносились и имевшиеся недостатки в организации производства, труда. Сейчас план цеха, завода — это сумма личных, тщательно обоснованных планов, и такая система потребовала улучшения всего производственного процесса, ритмичности, инженерной поддержки.

Личные планы помогают решать и другую проблему — помочь новичкам и отстающим. Наставничество не мешает работе, наоборот, помогает. Скажем, Сергей Гребенников, комсорг литейного цеха, бригадир обрубщиков, имеет ученика. Где же он при напряженном личном плане выкраивает время для подшевного? «Все очень просто», — считает Сергей, — ставлю рядом с собой, слежу, чтоб только за мной, а не по сторонам смотрел». Но главный, видимо, стимул наставничества — то, что бригада работает на один наряд. Поэтому превращение ученика в мастера становится забо-

той общей. Ведь и его личный план — частичка бригадного, цехового. Отстанет один — отстанет весь коллектив. Добавлю к этому, что личные планы утвердили у нас традицию включать новичков в лучшие бригады.

...Все, казалось, продумано, отшлифовано в системе личных планов. Но жизнь не стоит на месте. В канун третьего года пятилетки группа наших передовиков, в том числе несколько комсомольцев, выступила с новым предложением. Каждый рабочий, писали они в своем обращении, может иметь и личный встречный план. Они так обосновали свое предложение: в личном плане отмечается, что рабочий берется к тому-то числу завершить годовой план; зная производительность в час, смену, можно подсчитать, какой объем продукции в нормо-рублях он даст за время, оставшееся после выполнения годового задания. Так в личных планах появилась еще одна цифра — объем встречного плана.

В чем же, спросят, отличие встречного от обязательств? Дело в том, что рабочие предложили возвести личные обязательства в ранг государственного задания — то есть встречного плана, — а это еще повышает ответственность за выполнение дополнительного задания как со стороны рабочих, так и со стороны инженеров, технологов. Соответственно за выполнение встречного полагается большая премия. Почти две тысячи рабочих приняли личные встречные планы. Подсчитано, что это позволит заводу в 1978 году дать продукции на 600 тысяч рублей больше плана, выпустить дополнительно пятьсот электродвигателей.

Разумеется, рабочие берут и обязательства, но и они теперь наполняются новым содержанием. Например, комсомольско-молодежная бригада Любы Борисовой из обмоточно-изоляционного цеха, помимо цифровых показателей, делает «акцент» на таких пунктах, как сдача продукции с первого предъявления, обмен опытом с новыми молодыми рабочими...

XVIII съезд ВЛКСМ определил основные направления в деятельности комсомольских организаций. Главный вывод, который мы сделали для себя, главное содержание работы заводской комсомолии — это выполнение личных встречных планов. Нельзя сказать, что у нас уже нет нерешенных вопросов. Вот в литейном цехе или на валовом участке З-го машинного цеха все молодые рабочие выполняют личные планы, а во втором машинном — нет. Почему? Начинаем разбираться. Оказывается, на валовом участке молодежь имеет по 2–3 профессии, а потому не простирает, подменяет друг друга. Значит, в этом направлении надо строить работу и других коллектива.

Контролем за выполнением личных планов занимается заводской «Комсомольский прожектор». Это большая сила — почти полтысячи человек, 26 штабов и 166 постов качества. Как используются трудовые ресурсы, основные фонды, повышается качество? К примеру, по инициативе прожектористов 5-го аппаратного цеха улучшились хранение и транспортировка готовой продукции, что, несомненно, сказалось на ее качестве. Многие проблемы оперативно отражаются в «молниях», выступлениях по радио и в заводской многотиражке.

В этом году соревнование на основе личных планов идет под знаком приближающегося 60-летия Ленинского комсомола. Все комсомольско-молодежные бригады решили к этой дате выполнить задание трех лет пятилетки. А лучшая из лучших получит право называться «Бригадой имени 60-летия ВЛКСМ».

...Чем ближешло дело к весне, тем дальше уходила от города новая автострада. И далеко-далеко впереди по ней все отчетливей распознавались приметы большой стройки.

Владимир ФРАНЮК

ОТ ВЕС

Чем ближешло дело к весне, тем заметней оголялся из-под снега бетон автострады, ведущей от Старого Оскола до промплощадки будущего электрометаллургического комбината.

Если свернуть с дороги вслед за попутным «КрАЗом» — самосвалом, украшенным комсомольским значком на дверце, то увидишь, как тяжелые грузовики из-за ухабов и рывков становятся похожими на участников авторалли. Кренясь с боку на бок, машины выписывают виражи, чтобы подняться на второй уровень спланированной площадки. Дальше уже — неоглядная панорама: снега, полосы лесопосадок, наклонно торчащие стрелы экскаваторов, развороченная земля. Край Курской магнитной аномалии...

«КрАЗ» шел на участок комсомольско-молодежной бригады Игоря Суворова.

Один рокочущий экскаватор долбит клин-бабой мерзлый грунт. К другому вытянута череда машин.

В жарко наполненном вагончике накурено, раздается пощелкивание домино.

— Да, ребята! Кончились наши дни золотые... Лауреаты, передовики. Почин вин в струйку кинули. А чего получается?

— С весны грунт маленько оттает, опять врежем, долбить не надо будет. Ты за игрой лучше смотри. Я на азах качусь, а тебе без разницы...

Неторопливый разговор оборвал удар по столу, отчего подскочили выставленные кости.

— Надоело! Пальцы от этого идиотского козла скрючились! До весны, пока грунт оттает, бригада развалится, как вы не понимаете!

— Что предлагаешь? Вручную ломамирыхлить землю для экскаваторов?

Миша Олейник промолчал и начал поправлять на столе домино. Два года назад он принимал участие в сколачивании шоферского состава бригады и не мог сейчас спокойно относиться к простым машинам, спаду настроения у людей.

А ведь как у них здорово тогда все началось!

Собственно, начиналось обычно. Приехали сюда из Вологодской области четверо экскаваторщиков. Познакомились с кубанскими механизаторами. Решили организоваться в смелые экипажи на два экскаватора. После набора водителей народ собрался в основном молодой, и объявили себя комсомольско-молодежной бригадой.

Оснащенные новой техникой, они работали по-настоящему. План первого года на стройке выполнили в неправдоподобный срок — за четыре месяца и восемнадцать дней!

Трудно такое представить, но этоично. И объяснение простое: в охотку работалось, машины тянули, как звери, заработок приличный настроение подымал. Ну и, конечно, многое определяло профессиональное мастерство.

Игорь Суворов, бригадир, тот со своим помощником Сашей Климовым при нагрузке «КрАЗов» целую теорию двинул на счет рационального поворота стрелы экскаватора. По секундам рассчитали путь ковша от забоя до кузова машины. На бумажке изобразили схему для шоферов, под каким углом подгонять сасовы.

Смелый экипаж вологодских — Саша Смыслов и Сергей Климанес мало в чем уступали начальству. И все же, не будь в бригаде кубанских, наверное, жизнь складывалась бы куда спокойней.

Второй экскаватор обслуживали смелые братья-близнецы Василия и Ивана Слезкиных и Виктора Кудели с Жорой Симаковым. Эти из принципа ни в чем не хотели уступать. Чуть порожний «КрАЗ» показался — машут, зовут к себе.

Правда, сразу нужно сказать, на заре соперничество не отражалось. Бригаду с самого начала сделали комплексной. То есть не имело значения, сколько кубов земли вынет экипаж экскаватора или сколько тонн ее перевезет машина. Все определял общий результат, все шло, как говорится, в общий котел.

Славу тоже делили поровну. Со временем стали лауреатами премии Белго-

родской областной комсомольской организации, не раз занимали первые места по своему управлению...

Да и жизнь в Старом Осколе постепенно обустраивалась. Люди приезжали сюда с надеждой получить жилье, дождаться пуска комбината. Город действительно рос на глазах.

Бригаде Суворова достался участок перепада двух уровней промышленной площадки. Пласти был толщиной в восемь метров. Сложность его разработки заключалась в применении драглайна—свободно подвешенного на стреле экскаватора литого ковша.

Для забора грунта драглайном требуется искусство машиниста. Тут недостаточно синхронно действовать рычагами и педалями управления, еще важно обладать чутьем, помогающим в нужное мгновение вместе с поворотом стрелы отпустить стопор—так, чтобы тяжелый ковш упал в забой отполированными зубьями. Чтобы тяговый трос потянул его слегка под углом вниз; чтобы ковш наполнился коротким движением; чтобы плавно взмыл, несыпая земли,

Слезкин в кабине рывком остановил лебедку и спрыгнул на снег.

— Иди садись!.. Я приехал сюда не ковырять землю!..

Место машиниста занял Иван, помощник брата. Пока он старался остирем непослушной пики подготовить немного разрыхленного грунта для работы ковшом, Василий приостыл. Уязвимый по характеру, он тяжело переживал все, что подрывало профессиональный престиж.

Тем более экскаватор вологодцев работал безостановочно. Блестящая пика, как заведенная, поднималась на стреле и падала, поднималась и падала, с завидной точностью откалывая глыбы грунта. Суворов и Смыслов прямо играющими действовали сорвисткой клин-бабой, и это вызывало ревность кубанцев.

В полевых условиях, когда очереди ждало сразу несколько машин, не приходилось рассчитывать на помощь товарищей. Те едва успевали отцеплять пику и крепить троны к ковшу. По сути, они работали за два экипажа, и это

— Чего я сделал? Гнать!

— Мы с Саней машины ждем под нагрузку, а ты в степи с кем-то катишься. По свету же фар видно было, как ты там зигзагами газовал. Вот и ответ перед собранием за свои поступки.

— Ну, если б, чудак, перед твоей машиной заяц на свет выскочил? Гонял его, гонял. Так и ушел в лесопосадку. Ружье было б, другое дело.

— Еще охотники есть?—спросил неожиданно бригадир.—Кому пострелять охота?

Желающих набралось несколько человек. Суворов велел комсоргу переписать всех. Потом говорит:

— Тут скоро соревнования по стрельбе намечаются. В общем, выставляем свою команду.—Поднялся шум, но Суворов продолжал:—Шахматисты имеются? Что ж, придется бригадиру самому идти. Придите хоть поболеть. Ну, а для волейбола у нас один Овчаров чего стоит. Метр девяносто шесть.

— Да мне кеды надо сорок шестого размера! Где тут достанешь?

— Комсогр, из-под земли добудь. Теб-

чал он Калинину, водителю из ветеранов.—На козырек тебе навалили, чего выстаиваешь?

Энергичный толстяк с дерматиновым фартуком, чтобы руль не тер одежду на животе, невозмутимо показывал машинисту два пальца. Еще, мол, подсыпь пару ковшов.

У двухметрового Овчарова такая карусель вызывала повышенный аппетит. Миха-длинный, как звали его товарищи, почти всегда жевал. Пока машина стояла под погрузкой, он забегал в вагончик чего-нибудь перехватить.

Однажды, оберегая от Михи снедь, кто-то на пакете написал: «Для грызунов. Осторожно, отравлено». Овчаров не удержался, съел. Ну, ребята разыграли, как положено. Заговорили о вызове по радио «Скорой помощи». На парня это так подействовало, что у него действительно появилась тошнота. Сначала крепился, потом скручивался от боли.

— Ну что ж, хлопцы,—сказал один из водителей.—Кому-то надо садиться на Михин «КрАЗ». Груженый стоит...

— Чево!—встрепенулся сразу Овчаров.

Ныло весны

пронесся бы по воздуху, с ходу опрокинулся бы над кузовом «КрАЗ». О, это настоящая наука!

А искусство вождения на больших скоростях в непроглядной от пыли летней степи огромных самосвалов! Даже днем «КрАЗы» носились с зажженными фарами. Случалось, их лучи пробивали густую пыльную завесу лишь на несколько метров, но стрелки спидометров почти неизменно лезли вверх.

Медленно ездить было просто нельзя. Продолжительно сигнали, кто-то сразу же обходил сбоку. Но главное, никто не хотел, чтобы простоявали на выемке экскаваторы, а бульдозеры—на планировке отсыпаемого грунта.

Словом, после такой работы кто угодно почувствовал бы: он может свернуть горы. И бригада «двинула» подхваченный потом на стройке почин—закончить пятилетний план к шестидесятилетию комсомола. Иначе говоря, за два года и три месяца.

Откуда было знать, что сулила им наступавшая зима?

Конечно, Суворов, Смыслов с помощниками прекрасно все знали. У себя на Севере, в Череповце, им каждую зиму приходилось рыхлить грунт навесной клин-бабой. А приехавшие с Кубани ребята о таком орудии имели представление только понаслышке.

Морозы постепенно заковывали землю. Слезкин и Симаков до последнего пытались «грызть» ее ковшом. Производительность второго экскаватора снижалась, самосвалы начали простоять заменять ковш на «пiku». Никто не предполагал, во что это обойдется бригаде. Отличные экскаваторщики вдруг оказались совершенно беспомощными: раскачивающейся на трофеях тонной, заостренной снизу стальной чушкой невозможно было управлять. Сотрясая экскаватор, она подпрыгивала в поднятом положении, отпущенном на стопором, тяжело ухала боком о землю.

— Вася! Ты ее не смыкай, не смыкай!—кричали ожидающие погрузки шофера.—Выше подтягивай!

вносило в спаянный еще недавно коллектив незримый разлад.

Зима принесла с собой и другие осложнения. К некоторым механизаторам приехали жены с детьми. Народ стал постепенно уходить из общежитий, искали какого-нибудь более удобного пристанища. Сам Суворов ждал квартиру. Комнату «малосемейку» удалось выуть только Смыслову. Бульдозеристу Коноваленко выхлопотали жилой вагончик. Помощник бригадира Климов поселился по соседству в деревне. Олейник снял угол в частном доме. Куделя приспособил под жилье баньку...

И незаметно расслопилась бригада. Работать старались вроде по-прежнему, а вот полез по швам еще недавно монолитный коллектив.

Никто этого поначалу не замечал, но бригадир уловил грядущую опасность. Проблема производственная переходила в проблему нравственную. Возникла необходимость искать новые средства для объединения людей.

Игорь Иванович Суворов имел пятнадцатилетний стаж работы на промышленном строительстве в Череповце, не нуждался он и в опыте руководства рабочей молодежью, хотя здешняя стройка не шла в сравнение ни с чем.

...Как-то один из рабочих приехал на смену необычно веселым, разговорчивым. Бригадир взглянул на него хмуро.

— С днем ангела, что ли, поздравить хочешь?

— Игорь, дружище! До чего я тебя уважаю!..

— Ну так. Просто у нас хватает, еще лишние полчаса ничего не изменят.—Бригадир обратился к комсогру:—Давай, Сергей, пока народ здесь зови всех. Будем думать, как жить дальше.

Комсогр бригады помощник машиниста Сергей Климас, невысокий, похожий на малчишку парень, открыл собрание, горячо начал драконить почти каждого. Грехов действительно хватало.

— ...Или взять тебя, Колофатов. Ведь таких в шею надо гнать из комсомольско-молодежной бригады!

перь так, другие бригады берут шефство над школьниками старших классов. Все верно, надо заботиться о кадрах. Разведай, комсогр...

На первый взгляд, вроде наивная затея: после тяжелой смены идти в тир, в спортзал, готовиться к встрече с подшефным классом. К тому же «охотник» Колофатов стрелять по спортивной мишени отказался, Овчарову не сумели раздобыть кеды нужного размера, на первую встречу с 9-м «Б» одиннадцатой школы явился только комсогр Климас.

И все-таки, когда Суворов на шахматном турнире в общежитии «продул» партию, ее сообща разбирали чуть ли не вся бригада. Бульдозерист Иван Слюсарь занял по стрельбе призовое место. Как раз в это время прораб хотел перевести парня на другой участок. И тут всем стало жалко терять его.

Что интересно, Слюсарь раньше требовал за собой постоянного глаза. Невозмутимый краснощекий здоровяк любил откровенно посасывать. А здесь так начал крутиться на своем бульдозере, что бригадир заявил:

— Забирайте кого угодно, только не Ивана. Мне такие снайперы и самому нужны.

— Решай, Игорь Иванович. Кого-то от тела взять нужно. Понимаешь, надо.

А вообще первая зима на стройке выдалась довольно трудной.

С наступлением тепла бригаду стали перебрасывать с объекта на объект. Для наращивания производительности такие «гастроли»—хуже не придумаешь. Одна перегонка экскаваторов с места на место сразу сбивала с темпа. А от него, думали, зависело все.

Задавали тем шоферы. Слишком уж быстро оборачивались между забоем и отвалом грунта. Экскаваторщикам никогда было перекурить. Даже обедать в столовой уезжали—помощники садились за рычаги.

Миша Олейник, тот, например, не мог высыпать очередь, гонял «КрАЗ» от экскаватора к экскаватору, выглядывая, где скорее грузят.

— Давай отъезжай, дядя Сеня!—кри-

ров.—Меня мышкой отрави не возьмешь. Не те габариты. «Скорую» они надумали вызывать. Миха вас еще сам на бусире будет таскать.

Тогда над ним смеялись, а обещания Овчарова оказались пророческими. Все чаще останавливались или совсем не выходили с автобазы самосвалы. Могучие «КрАЗы» постепенно изнашивались, то и дело возникали неисправности. С лета оба экскаватора стали подолгу ожидать машин.

На промплощадке, среди поля, запчастей ведь не скоро дождешься. Между водителями повелось останавливаться возле ожидающих техпомощи товарищей. Откроют капот и мудрят с двигателем. Или подадутся в соседний колхоз выменивать дефицитную деталь.

Экскаваторщики, понятное дело, загорают, крестят вдоль и поперек шоферов. По другим бригадам с запчастями тоже не густо, но там, сколько бы машин ни оставалось в ходу, все возят грунт.

— Деятели подобрались!—разругались как-то смешной машинист, глядываясь в сторону, откуда давно уже должен был появиться очередной «КрАЗ».—Одного выручают, а остальных премиальными расплачиваются. Кошок шелудивых все скоро, жалеючи, будем сбирать... Едут! И Алексеев без бусира идет. Ну, молодцы! Ну, охламоны!

Оправдывался-таки бригадный девиз «Один за всех, все за одного». На первый взгляд совместный ремонт неисправной машины вроде нарушал общий ритм. А эта солидарность давала неизмеримо большее—она помогала сохранять людям веру в самих себя, в силу своей дружбы, взаимовыручки.

Что же касается «шелудивых кошек», то действительно был случай. Подобрал Толя Макаров в поле неизвестно как попавшего туда худого, измученного котенка. Бедолаге очень понравилась сытая жизнь и кабина грузовика. Затем котенок перекочевал в бытовку механизаторов, а еще позже—в городское рабочее общежитие.

Наступала следующая зима.

Рисунок Валерия РУДЕНКО

Новые зимние испытания оказались для бригады гораздо труднее предыдущих. Снова потребовалось рыхлить в забое грунт клин-бабой, опять начались бураны, снежные заносы.

К этому времени экипажи с экскаваторами кубанцев освоили операцию с тяжелой пикой. Зато сократилось количество исправных самосвалов. Почти постоянно какой-нибудь «КрАЗ», пытаясь завести, таскали на буксире или разогревали дымным факелом.

Порой ребята налаживали все машины — смена превращалась в настоящий праздник. Впрочем, длился он обычно недолго. В такие дни экскаваторы быстро выбирали из забоя разрыхленный грунт и по очереди меняли ковш на клин-бабу.

Шоферы собирались в вагончике, беспрерывно стучало домино. Психанул было однажды Олейник: «Пальцы от этого идиотского козла уже скрючились!..» Да что тут изменишь?

Ну, собрались вместе, ну, в какой раз помитинговали, толку-то? Растрябили кругом о почине, его подхватили многие бригады на стройке, а сами? Реальный выход представлялся единственный — разбегаться, пока не поздно, чтоб позора на себя не навлекать.

— Трепачами любой обзовет, и урешься. Факт же.

— Факт, факт! Была б промплощадка ближе, в субботу, ладно, вышли бы, пикой на неделю вперед поковыряли бы... А то двадцать же километров!

— По бетонке четверть часа езды, — заметил Олейник, — больше разговоров. Эй, слушайте. Может, в самом деле сообразим субботничек? Короче, господа экскаваторщики, мой «КрАЗ» на субботу к вашим услугам. Два экипажа беру в кабину.

— А попадешь на крючок к автоинспектору?

— Автоинспектор что, не человек? Не поймет?

До весны каждую субботу по широкому, перemetанныму снежными заносами шоссе ездил большой самосвал. Утром из города, с пятью тесно сидящими в кабине парнями. Вечером — обратно в город, тоже в полуобнимку, чтобы уместиться. Усталые, темные от смазки и копоти.

Им никто не платил за те субботы ни копейки. Они приезжали на промплощадку, факелами, паяльной лампой разогревали масло в двигателях экскаваторов и долбили, долбили тяжелой клин-бабой мерзлую землю, чтобы следующую неделю по возможности беспаребойно работала вся бригада.

Зимой она по плану должна вынимать и перевозить за смену 380 кубов грунта, летом — 500. Так вот по полтысячи этих кубов здесь дают ежемесячно в зимние месяцы. В летние — до тысячи.

И в общем-то обычные люди. Очень, правда, разные. Настолько разные, что при иных обстоятельствах наверняка не

сошлись бы характерами. Среди задиристых парней есть степенный народ с житейским и профессиональным опытом. Есть грубоватые и мягкие, молччуны и говоруны, открытые и «себе на уме».

Но там, где начинается работа, они все становятся удивительно схожими между собой. Обветренными лицами, багровыми, обмыаемыми соляркой на морозе руками.

Хотя труд-то вообще людей разнит, расстанавливает по ступенькам, но это до тех пор, пока не превращается в средство для достижения ими общей, захватывающей цели, пока главным содержанием жизни не становится правило: «Один за всех, и все за одного!»

...Чем ближе шло дело к весне, тем дальше уходила от города новая автострада. И далеко-далеко впереди по ней все отчетливей распознавались приметы большой стройки.

Валерий КРАСНОВ

ВОКРУГ НОВИЧКА

«ДЕЛАЙ, КАК Я»

На Красноуфимскую швейную фабрику корреспондент молодежной газеты приехал для проверки критического письма. В нем шла речь о том, что на фабрике плохо обстоит дело с наставничеством, что выпускники школ здесь долго не задерживаются. Стараясь доказать, что это не так, руководство фабрики направило корреспондента в лучшую молодежную бригаду Г. А. Пономаревой. А бригадир, в свою очередь, познакомил корреспондента с лучшей наставницей бригады А. Мубаракшиной. И между ними состоялся такой разговор.

— Хотелось бы знать, как работают наставники на вашей фабрике.

— Готовим себе замену. Без этого нельзя. Кто же, если не мы, обучит девчонок специальности?

— У вас есть ученица?

— Конечно, уже четвертый месяц учусь.

— Откуда она к вам пришла и что вы вообще о ней знаете?

— Зовут ее Оля, а больше я ничего о ней не знаю.

Потом, когда разговор был продолжен с ученицей, Оля сказала:

— Надо мне уходить с фабрики, чужая я здесь, никому нет до меня дела.

Спустя три месяца Оля действительно ушла с фабрики.

Мы бы не стали приводить здесь этого примера, будь он исключением. Но такие примеры есть везде, где наставничеству отводится вспомогательная, второстепенная роль.

Два года назад свердловская молодежная газета «На смену!» открытием рубрики «Трудовая биография, первые строки» начала эксперимент. Были взяты под наблюдение около двадцати выпускников школ и ПТУ, пришедших на завод. Газета рассказала о каждом из них, о первых трех месяцах их работы. Через восемь месяцев газета вновь опубликовала корреспонденции о тех же людях. В декабре 1977 года журналисты вернулись к теме. Но, увы, из двадцати человек на прежних местах работало только... трое. Правда, еще три парня в армию ушли, но тем не менее четырнадцать из двадцати не закрепились. В чем дело? Предлагаем читателю самому ответить на этот вопрос, познакомившись с хроникой первых месяцев работы двух выпускников школ. Вначале о Юрии Кучине. Он пришел после школы работать в ателье № 65 объединения «Свердлоршвейбыт».

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

Привели Юру к Панне Васильевне Шуклиной, познакомили.

— Шил? — спрашивала она своего нового ученика.

— Ушивал, — ответил Юра, вспомнив, что пользовался иногда швейной машиной матери, переделывая брюки.

Панна Васильевна сделала вид, что ее радует такая «высокая квалификация» ученика, и дала несколько лоскутов материала:

— Сначала будешь делать карманы. Вот так намечаешь разрез, затем...

Наставница рассказывала долго, и Юра просто диву давался: как много нужно уметь и знать, чтобы сделать простой карман. Сел работать. Каждый из тех, кто был в цехе, подходил к новому ученику, наблюдал, а когда нужно, подсказывал. Поэтому весь коллектив цеха Кучин воспринял как единого наставника.

К концу дня Юра управился с третьим карманом. Тогда он еще не знал, что портной должен полностью сшить брюки за два с половиной часа.

Посмотрел Юра на свою работу и понял, что в первый день ему не избежать первого нагоняя. А Панна Васильевна — наоборот:

— Для начала просто отлично. А эту свою «продукцию» возьми на память и обязательно сохрани.

ДЕНЬ СЕДЬМОЙ

В этот день Юра сшил первые брюки. Сейчас их «носит» кукла младшей сестры. Но маленькие брюки закройщики скроили с учетом всех требований, предъявляемых к настоящим. Юре иной раз даже неловко было быть в центре внимания. Сама Панна Васильевна, молодая, но опытная портниха Надя Бражникова, комсорг цеха Галия Самитова, заведующая ателье Ирина Архиповна — все считали своим долгом помочь, подсказать Юре.

Шил Юра долго. Он «умотал» всех в цехе вопросами. Но сшил. Первой посмотрела его творение Надя:

— Не очень.

Юра был просто поражен. Ему брюки нравились. Но потом собрались все, долго рассказывали, в чем ошибки, а Ирина Архиповна показала, как нужно их исправить.

ДЕНЬ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

На работу Кучин пришел со свертком. Накануне подошла Надя и сказала, что пора ему приниматься за настоящее дело, но первые брюки пусть сшьет себе из своего материала. Боялась, что сделает брак? Нет. Тут был особый смысл. Если брюки будут неудачными,

то пусть сам в них походит, почувствует себя на месте заказчика.

Кроить взялась Вера Русских. А затем... Юра растерялся. Он не мог вспомнить, с чего начать. И снова с вопросами к Панне Васильевне, Наде, Вере...

Окончилась смена. Юра домой не пошел. Три часа после смены тачал он брюки, и три часа не уходили из цеха Панна Васильевна, Надя и другие, зная, что у Кучина обязательно будут вопросы. В этот четырнадцатый день он брюки все-таки не дошил. Закончил на другой день.

ДЕНЬ ШЕСТИДЕСЯТЫЙ

Утром Ирина Архиповна сказала:

— Думаю, Юра, пора тебе переходить в бригаду. Шьешь ты хорошо. Скоро будем тебя экзаменировать на разряд. Пойдешь в бригаду Веры Русских?

— Конечно, — обрадовался Кучин.

Итак, Кучин пришел в бригаду, и через несколько минут ему должны были дать первое задание. Ожидание было томительным, и Кучин сам направился к закройщице.

— Дайте мне брюки из дешевого материала.

Он боялся, что может испортить дорогую ткань.

...Вера и сменный мастер работу одобрили. Но Юру не покидали волнения: что скажет завтра заказчик? Вспоминая о том дне, говорит:

— Захожу в ателье сам не свой. Пытаюсь через открытую дверь склада рассмотреть, висят или нет «мои» брюки. Не заметил, что неподалеку Вера стоит. Говорит мне: «Выкупили брюки. Доволен заказчик».

Потом Кучин узнал, что первые брюки он шил, оказывается, для своего знакомого.

Но это далеко не все события, которые произошли в те два месяца, которые Юрий был учеником. Он запомнил и комсомольское собрание и торжественный вечер, на котором ему вручали первую получку, и «летучки» в цехе, которые были посвящены разбору его учебы.

Когда мы расставались, он сказал:

— За короткое время коллектив стал мне родным, потому что приняли меня как равного. Никто не жалел времени, чтобы меня научить. Поэтому я не изменил своему выбору.

СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА

А вот выписки из дневника Николая Чернова, который после школы пришел в строительный трест:

«Сегодня пятая сентября. Мой первый

трудовой день. Неужели каждый день будет таким? Просто ужас. Я никак не мог доказать нашему бригадиру Вениамина Павловичу, что пришел на стройку по давнему замыслу, а не потому, что не смог поступить в институт. «Знаю я таких», — сказал он мне, — хотят на стройке годик перекантоваться — до следующих экзаменов». А чтобы я поскорее про институт забыл, послал меня поддона для кирпичей ремонтировать. Без рукавиц я все руки исцарапал. В пять часов хотел доложить о выполнении задания, а никого уже нет. Все ушли домой. Так ни с кем из бригады не познакомился. Обидно».

«Вот и прошли две мои трудовые недели. Вчера познакомился с Николаем, секретарем комсомольской организации управления. Отругал меня за то, что не уплатил взносы. Я ему сказал, что еще не встал на учет. Отругал еще сильнее. Я пожаловался, что со мной три дня назад оскорбительно обошлись: Семен Ударцев сказал, что если я положу криво еще хоть один кирпич, он мне голову свернет. Николай не возмутился. Ничего, говорит, Горького каждую субботу пороли — великий писатель получился».

«Нет, наверное, не приспособленный я для жизни человека. Полтора месяца работаю, а ничего не умею. Сегодня матерью увидела, что я плачу, и очень расстроилась. Я не юноша, но... В бригаде только и слышу: не до тебя, мне план надо выполнять, а за «байки» деньги не платят. А мне и не надо баек. Я хочу знать, зачем на стройку привезли кирпичи с какими-то специально сделанными ямками посередине. И еще, как можно разноцветными кирпичами выложить узор на стене. Я хотел бы работать, как Семен Ударцев. Большой мастер. Ну, почему он не понимает меня?»

«И слабак же я! Только начался ноябрь, а я уже в больнице. Простыл. Нет, без спецовки лучше не браться за кладку. На верхотуре ветер. Хоть и не смог я за два месяца хорошо познакомиться со всей бригадой, а за неделю болезни соскучился. Хоть бы пришли. И обязательно прямо со стройки: забрызганные раствором, припорощенные розовой кирпичной пылью. Придут, наверное. Ведь захочется же им узнать, почему я неделю не хожу на работу».

Николай Чернов пробыл в больнице три недели. Никто из треста к нему не пришел. Еще через месяц Николай уволился. «До весны работал на Свердловском ремонтно-механическом заводе, а потом поступил учиться в Уральский политехнический институт. Недавно мы с ним побывали в «его» бригаде. Бригадир Вениамин Павлович Серебряков встретил нас воскликнув:

— Ну, кто был прав?! Сбежал, как я и говорил. Знаю я таких! Чистюли.

Мы показали ему дневник Николая. И

я увидел, как, читая дневник, бригадир покраснел. Потом задумался и с трудом сказал:

— Не держи зла, Николай. Не знаю, каким ты будешь инженером, но строителем был бы хорошим. Моя вина — проглядели тебя.

Итак, первая причина разочарования в профессии понятна. Не стоит ломать голову над тем, как ее устраниить. Главным рычагом в этом является, если можно так сказать, узаконивание наставничества. Что это такое? Можно обратиться к опыту многих предприятий области, где наставник добровольно берет себе ученика, но потом это закрепляется приказом руководителя предприятия. После приказа наставник и ученик подписывают совместный договор. Наставник указывает срок, к которому подготовит ученика для сдачи на разряд, покажет весь завод, познакомится с родителями и друзьями ученика... Да, мы совсем забыли сказать, что в приказе о закреплении наставников прописана сумма, которую наставник будет получать за воспитательную работу. На различных предприятиях сумма ежемесячного вознаграждения колеблется от 20 до 35 рублей. О выполнении своих договоровых обязательств наставник каждый месяц докладывает на заседании совета наставников. После дополнительной проверки совет выносит наставнику оценку. Она тоже влияет на сумму вознаграждения.

Об этом хорошо написал в «Смене» (№ 24, 1977 год) в статье «Подготовка к совершенству» заместитель директора Коломенского тепловозостроительного завода имени Куйбышева тов. Романов.

Хорошая система. Но действует она далеко не везде. И «бесхозные» ученики уходят с предприятий.

Представим, что подобные рекомендации взяты на вооружение всеми. Будет решена проблема? Видимо, только частично. Что же еще мешает?

БЕЛКА В КОЛЕСЕ

Кого назначают наставниками? Наивный вопрос, не правда ли? Конечно же, передовиков производства, опытных рабочих. А что характерно для передового рабочего? Он полнее использует рабочее время или, как говорится, уплотняет рабочий день. А теперь подумаем над такими цифрами. При средней нагрузке у станочниц Свердловского камвольного комбината рабочее время используется на 75 процентов. Добавляется 3 станка, и «плотность» достигает 87 процентов. Еще три — и почти 100 процентов. На камвольном комбинате 30 таких «сотников». И все они наставники. Более того, они ядро отряда наставников. Приведем слова одного из них:

— При четкой организации труда быть многостаночником не трудно. Но часто получается, что количество станков увеличивается за счет увеличения физической нагрузки и скорости бегания от станка к станку. Мы пробовали подсчитать, и получается, что у меня за смену бывает от силы 10 минут свободного времени. Следовательно, я только эти десять минут и могу уделить своему ученику.

Свердловские ткачи ездили за опытом в Иваново и рассказывают, что там с увеличением количества станков «плотность» рабочего дня растет значительно медленнее. В Иваново берут не увеличением физической нагрузки, а рациональным расположением станков, улучшением качества сырья, механизацией, введением должности чистильщика и так далее. Ведь там, где производительность растет только за счет нагрузки, передовик перестает быть наставником.

На одном заводе Свердловска произошел такой случай. Два передовика перевыполнили план. У первого было 105 процентов, а у второго — 109. Но первый в том квартале имел трех учеников и всех подготовил к сдаче на разряд. Второй учеников не имел. Кто победитель? Второй. У него больше процентов. Так и было решено. Совет наставников спорил. В цехе, к неописуемому возмущению бухгалтерии, решили наставнику на каждого ученика «набросить» по четыре процента. В итоге 117 процентов. (Заметим, что там оплаты за наставничество не предусматривалось.) Изменили показатели — снова спор. Победили бухгалтерские инструкции, и наставник не стал первым. А ведь до того, как пришли к нему ученики, он выполнял план на 125—130 процентов. Ученики «отняли» у него около 25 процентов. Руководитель предприятия не решился «вернуть» проценты. Выплатил премию — 70 рублей. Материально наставник выиграл: соперник получил меньше. Но дело не в деньгах. Человек хочет соревноваться, почувствовать вкус борьбы, иметь заслуженную моральную награду. Этого рублями не заменишь.

Можно приводить много примеров, когда ученик уменьшает личный показатель наставника. Можно вспомнить факты, когда уплотнение рабочего времени исключает человека из наставнической работы. Значит, наставничество тоже надо считать одним из производственных показателей.

РАЗОРВАННАЯ ЦЕЛЬ

И последнее, о чем хочу поговорить, это о роли комитетов комсомола.

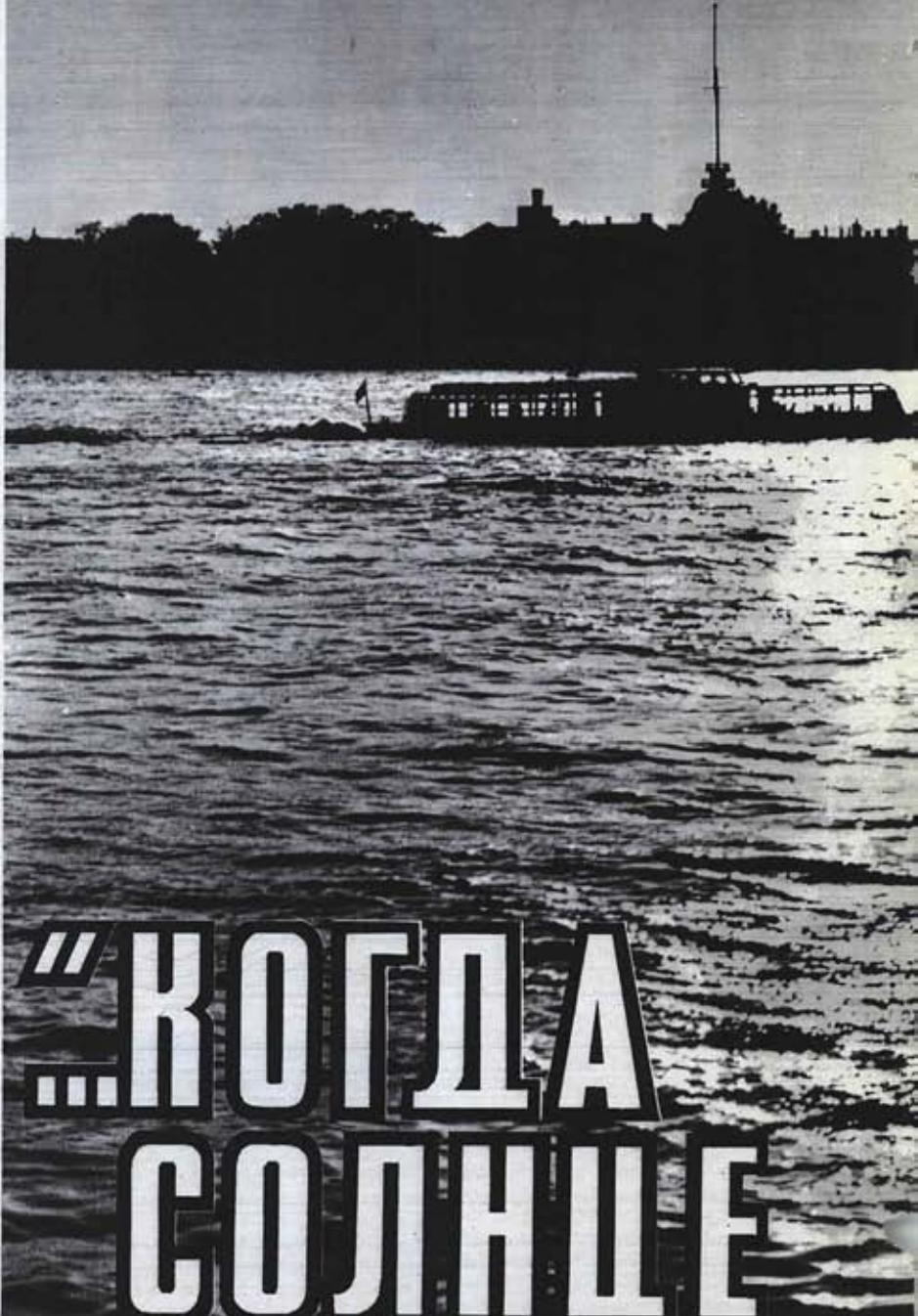
На отчетно-выборной конференции в Нижнем Тагиле один из делегатов сказал такие слова:

— Особая забота нашего комитета комсомола — подготовка молодых рабочих. Спрос с нас за учеников большой, но, увы, прямой связи мы с ними не имеем. Точнее, имеем, но только чисто по комсомольской работе. Во всем остальном мы к ученику имеем отношение только через посредника.

Среди наставников только 15—20 процентов комсомольцев. Легко понять почему. Жизненный опыт, умение работать с людьми приходит с годами. Не каждый к 25—28 годам достигает этого. Наставники — в основном люди преклонных лет. Имеет ли комитет комсомола с ними «прямую связь»?

Фактически нет. На «Уралмаше», правда, найден такой выход: ввели в состав совета наставников членов комитета комсомола. На многих других предприятиях этого нет. Темой подготовки молодых рабочих не занимаются и штабы «КП». А как же быть? Ведь, действительно, и совет наставников и сами наставники — вне сферы влияния комитета комсомола. Нет, не нужно пытаться «подменить» совет. Есть другие точки приложения сил. Возьмем для примера шефство комсомола над классами в школах и группами в училищах. На Свердловском машиностроительном заводе имени Калинина такое шефство ведется уже около пяти лет. Благодаря этому «оседающей» молодежи здесь достигла 60 процентов. Это один из самых высоких показателей. Комитет комсомола взял на себя заботу о притяжении молодежи на завод, совет наставников — о ее закреплении.

...Сегодня для разговора мы избрали только несколько составных частей проблемы. Но, думается, они имеют важное значение в становлении четкой системы воспитания молодых рабочих кадров.

“КОГДА СОЛНЦЕ ПРИЙДЕТ НА ПОЛДЕНЬ”

Борис РАДЧЕНКО.

Фото Юрия УСТИНОВА.

X

одиши по булыжным мостовым Петропавловской крепости и каждые четверть часа слышишь, как с высоты соборной колокольни звонко, словно склянки на корабельной вахте, падают удары курантов.

Без четверти двенадцать. Из караульного помещения выходят три пожилых человека в кителях и морских фуражках. Вымыты всеми ленинградскими дождями сорок ступеней лестницы Нарышкинского бастиона ведут их к истокам старой традиции...

В одном из самых ранних описаний Санкт-Петербурга рассказывается об обычаях начала, середину и конец работы отмечать пальбой из пушки. Кроме того, выстрелом с бастиона Петр I обычно собирали владельцев лодок, дабы побеседовать с ними о морских делах. А зимой, как только замерзала Нева, пушечным выстрелом сообщалось народу

о разрешении проезда по льду. Петр обычно проезжал первым. О наводнениях, столь часто грозивших Петербургу, жители города тоже оповещались выстрелом. Поднялась вода на три фута — залп с Галерной гавани. На пять — с Адмиралтейства, на семь — с Петропавловской крепости.

Стрельба из пушек производилась и в дни особенных торжеств. Так, например, 27 июня 1710 года в честь Полтавской победы из Петропавловской крепости и с судов, стоящих на Неве, и из мелкого оружия была произведена пальба — небо Петербурга засверкало огнями великолепного фейерверка.

Но предыстория «полуденного выстрела» этим не ограничивается. В первой половине XVIII века в связи с быстрым развитием промышленности все более ощущалась необходимость в постоянном знании точного времени. Бой часов с колокольни Петропавловского собора и с башни Адмиралтейства уже не был слышен на окраинах разрос-

шегося столичного города. Южная граница Петербурга проходила тогда по реке Фонтанке, северная — в районе Большого проспекта Петроградской стороны.

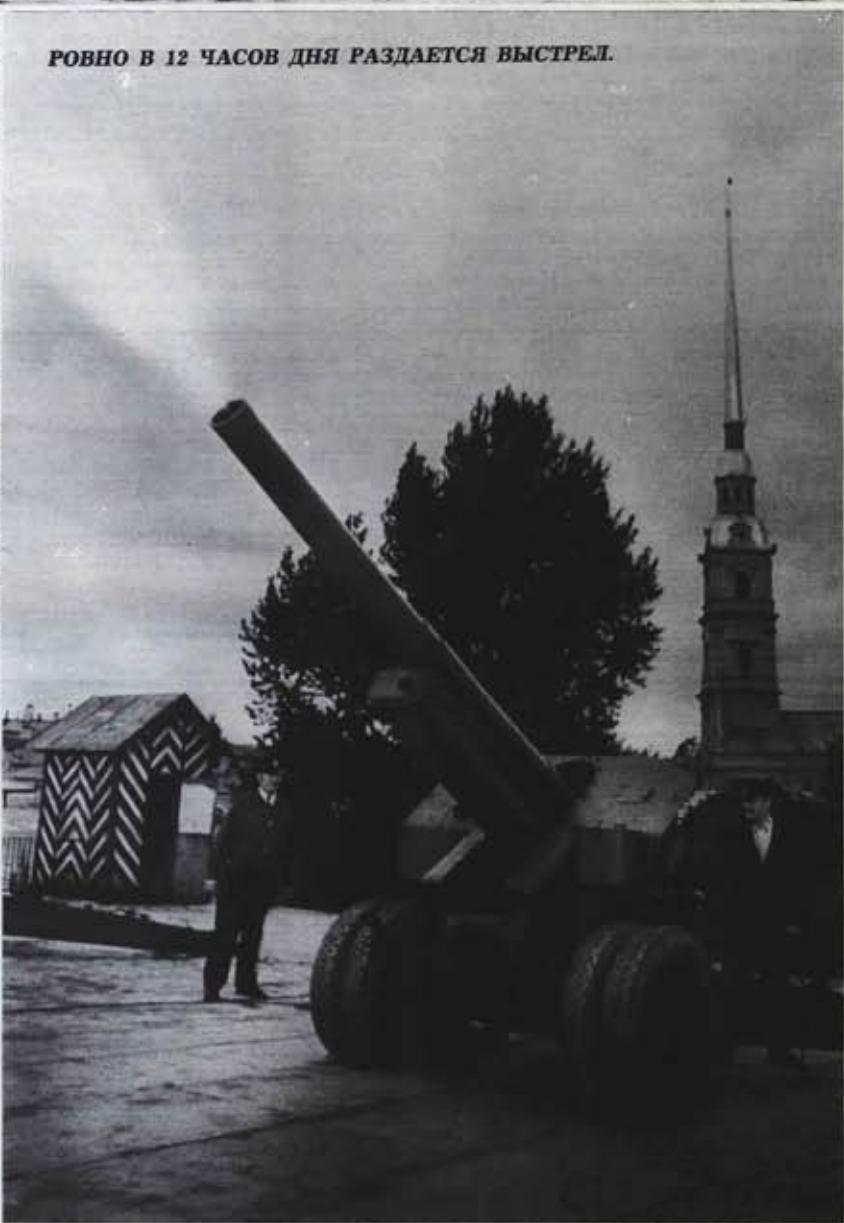
В конце 1735 года парижский профессор астрономии Жозеф Делиль представил на очередное заседание Петербургской Академии наук доклад о способе подачи звукового сигнала для проверки жителями города и различными ведомствами своих часов. В проекте предусматривалось производить выстрел с Адмиралтейства в определенный час по сигналу из башни Кунсткамеры, где находилась астрономическая обсерватория и имелись «исправные меридианы и

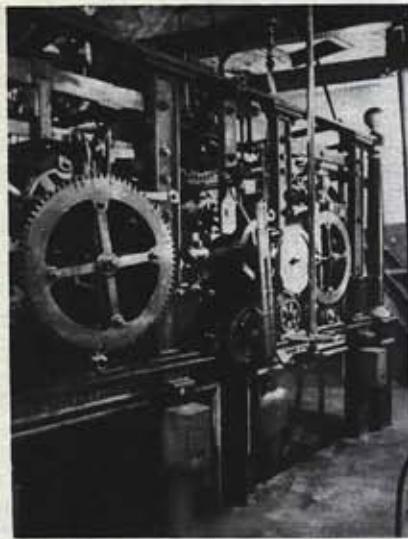
верные часы». Они позволяли «знать, когда солнце придет на полдень».

Однако правители Петербурга не согласились с полезным проектом: им казалось, что достаточно вместо пушечного выстрела звонить в большой колокол. На это последовало возражение: колокольный звон или набат действуют главным образом во время тревоги, и если в 12 часов дня «употреблять... колокол», то обыватель не будет знать, что означает этот звон — пожар или наступление полдня. Но чиновники не уступали. И лишь сто тридцать лет спустя предложение Делиля было принято и введено в практику.

6 февраля 1865 года пушечный выстрел с Главного Адмиралтейства впервые оповестил горожан о наступлении полдня. Но в 1871 году в связи с решением застроить пустырь между па-

РОВНО В 12 ЧАСОВ ДНЯ РАЗДАЕТСЯ ВЫСТРЕЛ.

МЕХАНИЗМ КРЕПОСТНЫХ ЧАСОВ.

грозное блокадное время отражали настик фашистских орд. Как свидетельства жестоких боев на стволах и лафетах сохранились следы от осколков вражеских мин и снарядов. Заново окрашенные, принявшие торжественный вид, гаубицы подняли над бастионом свои некогда грозные стволы.

Под стать подобрался и расчет «пушкарей». Все участники Великой Отечественной войны. Командир расчета полковник запаса Михаил Васильевич Кудрявцев сражался на Курской дуге, под Брестом, Варшавой, Гданьском... Заместитель командира расчета Борис Николаевич Зиновьев воевал на Дальнем Востоке. Подполковник Андрей Николаевич Чуфаровский обеспечивал исправность артиллерийской техники, громившей фашистских захватчиков. Майор Евгений Георгиевич Огурцов беспредельно снабжал действующие войска артиллерийской техникой и боеприпасами, капитан Федор Авраамович Стриков — участник боев на Невской Дубровке — был в рядах бойцов, прорвавших блокаду Ленинграда. Довелось ему с батареей дойти до самого Берлина.

Летели годы. Менялись орудия на бастионе. Одно поколение бомбардиров сменило другое. Традиция жила. 25 октября 1917 года революционные солдаты, матросы и красногвардейцышли на решающий штурм Зимнего дворца — последнего оплота буржуазного Временного правительства. В тот день выстрел прозвучал дважды. В полдень, как и положено, прогремел сигнал времени. Кстати, его слышал Джон Рид. В книге «10 дней, которые потрясли мир» он пишет: «В среду... я встал очень поздно. Когда я вышел на Невский, в Петропавловской крепости грянула полуденная пушка». А поздно вечером по приказу члена Военно-революционного комитета В. А. Антонова-Овсеенко артиллеристы крепостной роты — бомбардир Сколовин и канониры Смолин и Вилайнен — произвели холостой выстрел из «полуденной пушки» в 21 час 40 минут. Это было знаком легендарному крейсеру «Аврора» о полной боевой готовности гарнизона крепости. По этому условному сигналу комиссар крейсера Бельшев дал команду комендуру Огневу:

— Носове... пли!..

И тут же из жерла 6-дюймового орудия полыхнул сноп пламени. Вспышка молнией озарила Николаевский мост, набережную, и эхо исторического выстрела укатило за вспененную октябрьским ветром Неву. Красногвардейцы, солдаты и матросы начали штурм Зимнего.

А на следующий день, как только солнце «пришло в кульминацию», традиционный пушечный выстрел возвестил наступление полдня жителям советского Петрограда.

В трудные годы гражданской войны и восстановительных работ традиция продолжала жить, но позже, в связи с радиофикацией города, практическая надобность в полуденном выстреле отпала, и с 1 июля 1934 года старые пушки умолкли. Одну из них передали в качестве экспоната в Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи.

Прошло двадцать два года. В годовщину празднования 250-летия города на Неве по просьбе ленинградцев исполком Ленсовета вынес специальное решение — возродить историческую традицию. На вершину могучих стен Нарышкинского бастиона подняли две 152-миллиметровые гаубицы образца 1938 года. Это были орудия-ветераны Великой Отечественной войны, которые в

«ПОЛУДЕННАЯ ПУШКА» СТРЕЛЯЕТ ПОД АККОМПАНЕМЕНТ КУРАНТОВ.

ДОРОГИЕ ГОДЫ ЖИЗНИ

Начало на 2-й стр.

ривали — это я потом узнала, — не поднять ся, мол, Анне.

На завод пришла вся заплывшая, глаз почти не видно, директор даже поначалу не признал меня. Поругал, конечно, но потом говорит: ладно уж, раз сама дошла — приступай к работе, а то без тебя трудно...

В конце 1947 года я заболела.

Видимо, все сказалось: военное детство, недоделание, тяжелая работа... После сильной простуды началось осложнение, воспалились верхушки легких. Открылся туберкулез легких и горлышка; я совсем не могла разговаривать. Врачи категорически запретили мне работать и, что самое страшное, запретили иметь детей. А я незадолго до этого вышла замуж и ожидала ребенка...

С мужем я познакомилась на стройке. Сам он из Запорожской области; на Днепр приехал, как и я, по комсомольской путевке, работал автогенщиком и сварщиком. Трудная у него судьба была: в шестнадцать лет попал в немецкий концлагерь, оттуда угнали его вместе с такими же мальчишками в Германию. Все круги ада прошел, оставшись честным, добрым и преданным парнем. Поженились мы, получили комнатку в общежитии, были счастливы и не ждали от жизни ничего, кроме хорошего. И тут, как снег на голову, моя болезнь.

О болезни — не знаю, от кого, — стало известно в обкоме партии, и вскоре выдали мне путевку в санаторий. Перед отъездом врачи снова уговоривались лечь на операцию, но отказаться от будущего ребенка было выше моих сил.

После санатория стало лучше: родилась Людочка — здоровая, крепкая девочка. Я все не верила до конца в то, что серьезно больна, что не смогу больше работать, хотя врачи установили мне вторую группу инвалидности. Не хотела я чувствовать себя инвалидом, поэтому и на работу вышла сразу же после родов. В 22 года сидеть одной дома, оторванной от общих дел? Нет, только не это...

Я уже считалась старожилом на стройке, знала все бригады правого берега. Помню юную бригаду Тани Черемисиной, восемнадцатилетних арматурщиц. В холод, на семи ветрах, они гнули арматуру для тела плотины. С бетонщицами Таней Адылиной, Дусей Орел, Дусей Алейниковой мы были связаны самым тесным образом — их работа зависела от бетонного завода. Не преувеличу, если скажу, что все бригады — а их насчитывалось очень много — жили будто одной семьей, и центральной душой этой семьи был комитет комсомола Днепростроя. Секретарь Геронтий Камаев очень поддерживал меня в те нелегкие дни, когда я вышла на работу после болезни.

Первая турбина ДнепроГЭСа вновь заработала в начале 1947 года, а в марте сорок второго вышел Указ о награждении группы днепростроевцев орденами и медалями. Я об этом не сразу узнала, и когда девочки на заводе кинулись ко мне поздравлять с орденом Ленина — растерялась, не верю. Пришла домой, как во сне, взяла дочь на руки, и в этот момент по радио Указ передают. Слыши знакомые имена, свою фамилию слышу, прижимаю к груди дочку — и плачу... Вспомнила, как 14 октября 1944 года на торжественном вечере обещала не уезжать, пока гидростанция не даст первый ток. Вот он, мой ДнепроГЭС, живет, работает, питает заводы и фабрики, дает свет в дома...

После пуска всех турбин ДнепроГЭСа мы с семьей переехали в молдавский городок Дубоссары на строительство гидроэлектростанции. Если на Днепре восстанавливали разрушенное, то на Днестре мы строили вновь, на пустом месте.

Город захолустный, скорее, село, а не город. Советская власть установилась здесь сравнительно недавно, перед войной, когда Бессарабия вошла в состав Молдавии. Многое нам было тут непривычно.

Два года я проработала в Дубоссарах. Дела шли хорошо; очень пригодился мне

опыт, накопленный на Днепре. Готовилась принять новый бетонный завод, но не успела. Болезнь снова обострилась, я больше не могла скрывать, что у меня туберкулез легких.

И снова помог Леонид Ильич Брежнев, бывший в ту пору первым секретарем ЦК Компартии Молдавии. Будь я одна, никогда не решилась бы обращаться с личной просьбой, но у меня уже было трое детей: пятилетняя Люда, Танечка третий год шла, а Петя еще и говорить-то не умел... С помощью ЦК партии удалось достать нужное лекарство, съездить в санаторий. После лечения врачи сказали: все, мамаша, хватит вам цемента и бетона, пора подумать о детях.

В 1953 году мы вернулись в Запорожье.

Первым делом пошла я, конечно же, на ДнепроГЭС. Как мне без него? Будто в родную семью возвратилась.

Подобрали работу по силам. Была у нас так называемая хозяйственная бригада по обслуживанию Дворца культуры и парка, меня тоже включили в состав этой бригады. Занимались мы благоустройством дворца, ухаживали за парком.

С годами снова дала о себе знать старая болезнь; напомнили об инвалидности, перестали допускать до работы. Нет, думаю, я до пенсии своим ходом должна дойти. Никому не говоря, пошла комендантам рабочего общежития. Лечачий врач узнал об этом случайно, в сердцах пообещал не выписывать больше никаких бюллетеней «этой сумасшедшей»...

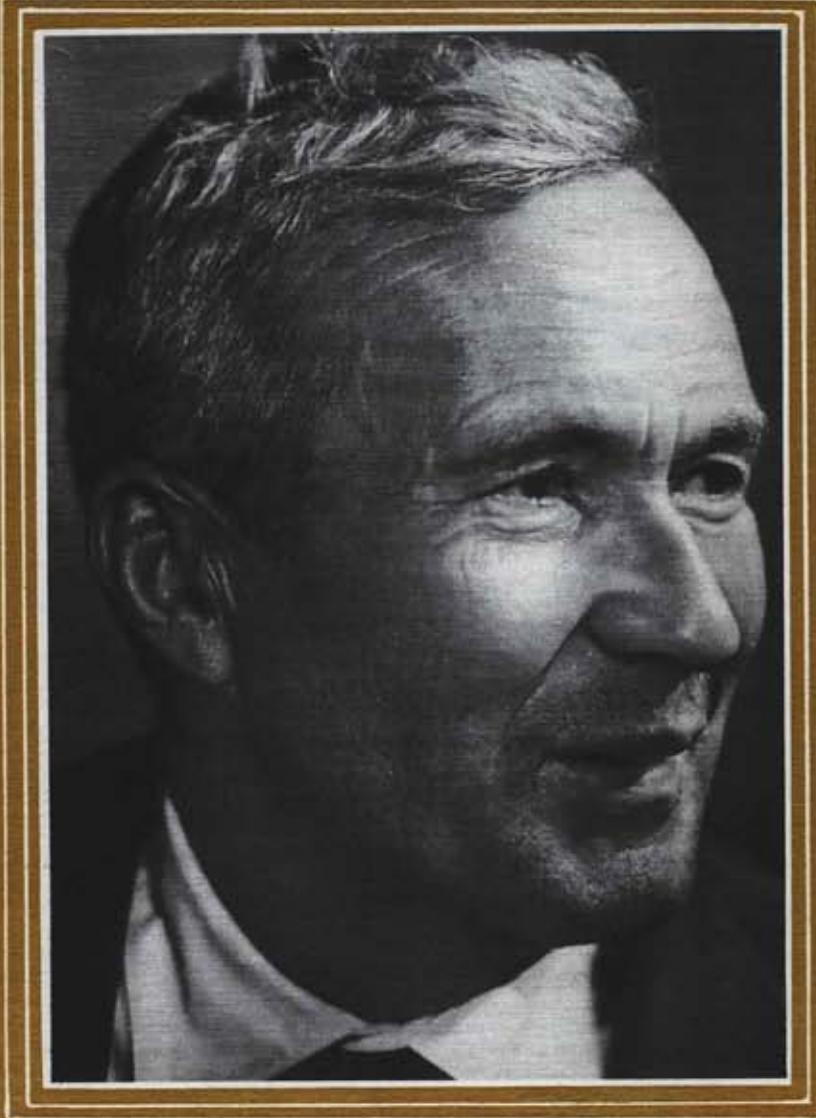
В моем общежитии 76 человек — малыши, штукатуры, работницы хлебозавода, бытовых организаций, торговли... Когда начался ремонт общежития, девочки заявили: «Анна Степановна, никаких малыров со стороны. Мы сами». Очень понравилось мне это «мы сами». Вполне в духе комсомольцев сороковых годов. А «запевала» во всех делах у нас Оля Гучко, комсорг общежития. В восемнадцать лет она уже бригадир малыров-штукатурок. Настоящий, я считаю, представитель своего поколения — волевая, энергичная.

Бывают, конечно, и проблемы. Одна приходит ко мне, жалуется, что работа не ладится; другой маленький разряд дали и условия на стройке плохие, грозится бросить все и уехать домой. Начинаем сообща разбираться, кто прав, кто виноват. Чаще всего суть проблемы в самом человеке заключается: просто ему выговориться, облегчить душу надо, почувствовать моральную поддержку.

Я не отношусь к тем людям, которые по любому поводу и без повода любят повторять: «Вот в наше время молодежь была...» Нет, молодежь нынешняя хорошая! Как-то Центральное телевидение пригласило меня на «Голубой огонек», на встречу с молодыми строителями БАМа. Нурекской, Саяно-Шушенской ГЭС. После той встречи я задумалась: нам, в сорок четвертом, на ДнепроГЭСе было в какой-то степени проще. Хочу, чтоб меня правильно поняли: да, мы работали в крайне трудных условиях, но ведь для нас это не было в диковинку. Мы съехались из голодающих колхозов, детдомов, концлагерей, разрушенных городов, с фронта... Нынешние добровольцы-строители меняют благоустроенные города, комфортабельные квартиры на палатках в тайге, морозы БАМа, ветры Сибири. Зачем им все это, когда можно жить в тепле и уюте? Затем, наверное, зачем и нам нужен был ДнепроГЭС. Очень много общего в характерах комсомольцев сороковых и семидесятых годов...

В этом я еще раз убедилась, наблюдая за работой XVIII съезда ВЛКСМ. Утром, перед уходом на работу, заранее готовила ужин, чтобы вечером было время спокойно посмотреть хронику очередного дня. Дома мне создали все условия: если кто приходил в это время, говорили: тише, мама сегодня на съезде комсомола. Слушала все выступления делегатов, вместе с ними провожала ударные отряды на БАМ, Уренгой, в Усть-Илимск. Будто в молодости своей побывала...

От редакции. Публикуют материалы, связанные с обсуждением книг товарища Л. И. Брежнева «Малая земля» и «Возрождение», редакция рекомендует их для работы комсомольским пропагандистам и лекторам.

Николай ГОРБАЧЕВ

академик Колмогоров

Уроки Колмогорова. Один из собеседников ждал меня на станции «Университет». Виктор Садчиков, молодой учитель, сидел на скамейке в окружении множества вещей. Были тут и рулоны бумаги, и папки, и, наконец, что-то огромное, странное, напоминающее наконечник богатырской палицы.

— Вы мне поможете? Это я решил подарить Колмогорову.

Нагруженные, мы шли по вечерней Москве, направляясь к университетским корпусам. Предстояла интереснейшая встреча, организованная редакцией — разговор школьного учителя с крупнейшим ученым современности. «Стороны» заранее ознакомлены с вопросником редакции, но тем не менее и волновался: как пройдет беседа, удачно ли сложится?

Через полчаса мы были в квартире Колмогорова.

— А это вам, Андрей Николаевич, в подарок от нашего школьного научного общества, — сказал Садчиков, разворачивая свою «палицу».

— О! Спасибо! — воскликнул академик и взял нитку, на которой висела чуть ли не метровая многоугольная фигура, склеенная из кусков картона. — Только позовите, я тоже сделаю подарок. — И он, устроив диковинное геометрическое тело на свободное место, быстро подошел к книжному стеллажу, достал книгу и подал учителю.

Подарок был под стать учительскому. Книга весила, вероятно, килограммов десять. Огромная монография.

Что значит быть математиком? Хорошим математиком? Вы знали, — наконец?

По меткому выражению одного ученого, математик — это тот, кто умеет находить аналогии между утверждениями. Лучший математик — кто устанавливает аналогии доказательств. Более сильный может заметить аналогии теорий. Но есть и такие, что между аналогиями видят аналогии.

Вот к этим редким представителям последних и относится Андрей Николаевич.

Из письма А. Н. Колмогорова шестнадцатилетнему школьнику Андрею Фетисову: Дорогой мой земляк (меня тоже зовут Андреем)!

Современная молодежь часто упрекает свое стремление к самостоятельности. Поэтому мне краинется наша вера в то, что в старшем поколении может найтись Учитель, которому можно было бы «открыть душу» и который может научить «искусству жить». Старшему при таких отношениях легче зваться не Учителем, а старшими другом. Такие отношения дружбы, где старший в какой-то мере играет роль наставника, обучающего не только скажем математике, но и просто жизни, не редки. Найти «друга-наставника» — большое счастье для молодого человека.

Так как вы спрашиваете, как это было со мной, отвечаю, что серьезному, ответственному отношению к жизни, поискам большого, увлекательно-

го дела, нужного любви, меня научила прежде всего воспитывающая меня, как сына, тетка Вероника Колмогорова. Математика в качестве специальности, которой можно посвятить жизнь, пришла позже...

Тетушки Андрея в своем доме организовали школу для детей разного возраста, которые жили поблизости, занимались с ними — десятком ребятишек — по рецептам новейшей педагогики. Они любили детей, любили само дело воспитания. И ребята с любовью относились к своим учительницам — с ними было так интересно! В каждом мальчишке и каждой девочке они находили способности.

Для ребят издавался рукописный журнал «Весенние ласточки». В нем публиковались творческие работы учеников — рисунки, стихи, рассказы. В нем же появились первые «научные» работы Андрея — придуманные им арифметические задачи.

В семь лет его определили в частную гимназию. Она была организована кружком московской интеллигентии и все время находилась под угрозой закрытия.

Андрей уже в те годы показывает замечательные способности по математике, но все-таки еще рано говорить, что дальнейший путь его уже определился. Впереди еще увлечение историей, социологией впереди еще мечта стать лесничим. Впереди революция...

Впервые я встретил Андрея Николаевича на олимпиаде. Правда, приехали на нее не спортсмены, а старшеклассники, увлеченные математикой. Победители областных и республиканских олимпиад собирались на всесоюзный, заключительный тур.

Жюри возглавлял лауреат Ленинской и Государственной премий, Герой Социалистического Труда академик А. Н. Колмогоров.

Журналист, впервые попавший на всесоюзную предметную олимпиаду школьников, скорее всего почувствует себя непричастным к ее работе. В самом деле: как не возникнуть своеобразной отчужденности, если вокруг тебя подростки и взрослые только и делают, что обсуждают ход решения сложнейших математических задач. Школьных задач, но каких! Тут, честно говоря, и пятерка в аттестате не может гарантировать успеха: зубрежка, память, даже просто хорошие знания не приведут к желанной цели — нужны сообразительность, нешаблонное мышление, яркие математические способности... И учитель-то не всякий разберется.

Время шло, я познакомился со многими членами оргкомитета, жюри, успел побеседовать и с участниками олимпиады — школьниками, но ответа на вопрос «как и о чем писать» все еще не было. Ясно одно: нужно вести разговор о воспитании научной смены, ее росте, ее будущем. Каждый новый собеседник, подходя к вопросу с разных точек зрения, «выдает» все новые проблемы. Но что же главное?

— Главное? — переспрашивает аспирант из МГУ, участник олимпиад в прошлом, а теперь член жюри. — Пожалуй, вам следует поговорить с академиком. Попросите Гусева, он познакомит.

«Поговорите с академиком...» — советует уже другой собеседник, потом третий. Таково общее мнение.

В последние дни «соревнования» по решению задач были уже позади. Члены жюри с утра до поздней ночи занимались их проверкой, выставляя баллы за качество решений, нередко вступая в спор по поводу оценки. Ошибки быть не должно, надо посоветоваться, перепроверить. Конечно, главным авторитетом для всех был председатель жюри. «Академик пришел... Хорошо, давай спросим академика...» В разговорах между собой было принято так говорить: «академик».

Несколько дней, оставшихся до подведения итогов и торжественного закрытия олимпиады, были плотно насыщены экскурсиями, лекциями, семинарами. Старшеклассники из далеких сел и рабочих поселков, желающие поступить в физико-математический интернат при МГУ, получили возможность пройти собеседование уже теперь, не дожидаясь лета. Андрей Николаевич вместе с другими преподавателями раздавал подросткам листки с заданиями, консультировал, интересовался учебными делами, прочитанными книгами, дальнейшими планами и мечтами.

Андрея Николаевича Колмогорова я до этой олимпиады видел только на фотографиях. Правильные черты лица, очень высокий лоб, светлые короткие волосы. Какое же складывалось впечатление? Прежде всего сильный, решительный человек, серьезен, но можно ожидать, что вот-вот улыбнется и скажет что-нибудь такое, что обязательно заставит нас повеселеть. Возраст?.. Тут мы задумаемся. По биографической справке академику в то время было за шестьдесят. А на фотографии — спортивного вида человек, без малейших признаков полноты. Лет двадцать как минимум надо скинуть.

И когда из аудитории выходит Колмогоров, я понимаю, что по фотографии правильное когда-то сложилось впечатление. Вот он идет по коридору — походка быстрая, решительная, резко останавливается, начинает разговор с педагогами. В этой порывистости — заряд большой энергии. Рядом Валерий Гусев — один из молодых учеников. Когда до окна, у которого я расположился, остается несколько метров, он обращается к академику, говоря о просьбе журналиста.

— Что ж, прошу, — Колмогоров приглашает вести разговор на воздухе, — пойдемте...

Андрей Николаевич излагает свои мысли о воспитании научной молодежи, о необходимости внимания к способным ученикам, о проводящейся в этом направлении работе.

Мы достаточно быстро прохаживаемся по залитому солнцем двору. Успевать за Колмогоровым не просто. Никакого намека на неторопливость, чинность, что, казалось бы, должно быть присуще людям его возраста, его дела. Задумчивый, он говорит вслух, опустив голову, углубленный в тему нашего разговора, словно находится наедине с собой. «Правы ли ученики, утверждающие, что научная теория верна, если она красива?» Когда мы коснулись этого вопроса, Колмогоров с улыбкой повернулся ко мне:

— Можно сказать несколько иначе: действительно очень часто «красивые» гипотезы оправдываются. Как говорится, на хорошо поставленный вопрос

природа готова дать красивый ответ. То есть раскрыть перед ученым свою красоту, тайну, секрет. Кстати, то же самое и в педагогике. Учитель обязан задавать вопрос, формулируя его обязательно четко и правильно: тогда и только тогда он имеет право надеяться на верный и четкий ответ учеников. Но, к сожалению, практически так бывает не всегда. И в науке и в педагогике.

Через час я сижу на ближайшей скамейке. Передо мной блокнот, несколько только что исписанных страниц. Это конспект сказанного Колмогоровым. Перечитываю строчки, наспех набросанные, и думаю о том, как счастлив, должно быть, этот седой академик, если он с таким увлечением занимается со школьниками, в сущности, еще мальчишками, но успевшими полюбить науку. Его науку.

Несколько замечаний о характере работы математика-исследователя, сделанных им самим. ...Спорные математики, как правило, начинают самостоятельные научные исследования очень рано. Если математические открытия, сделанные в 16—17-летнем возрасте, являются все же исключением, собираемыми с особенной щадительностью в популярных книжках по истории математики, то начало серьезной научной работы в 19—20 лет на средних курсах университетов достаточно типично для биографий многих наших учеников.

...В основе большинства математических открытий лежит какая-либо простая идея — совсем наглядное геометрическое построение, какое-либо новое элементарное неравенство. Нужно только применить надлежащим образом эту простую идею к решению задачи, которая с первого взгляда кажется недоступной... Поэтому вовсе не существует непроходимой стены между самыми новыми и трудными оригинальными математическими исследованиями и решением задач, доступных способному и достаточно упорному начинающему математику.

...Успех в математике меньше всего основан на механическом запоминании большого числа фактов, отдельных формул и т. п. Хорошая память в математике, как и во всяком другом деле, является полезной, но никакой особенной, выдающейся памятью большинство крупных ученых-математиков не обладало.

...В кабинете, заставленном книжными полками, — причудливые коралловые ветви. Это не подарок, он добывал их сам, под водой, порой ныряя на большую глубину. А выпала такая возможность, когда в составе научной экспедиции довелось ему обойти океаны на исследовательском судне Академии наук. В семьдесят лет!

Огромная работоспособность и занятия спортом, четкий распорядок дня — вещи, безусловно, взаимосвязанные. Но не могу удержаться от вопроса «своего», личного и, скорее всего, очень несерьезного: «Приходится ли сидеть за рабочим столом по ночам?»

— Нет! — решительно-короткой фразой отвечает Колмогоров. В это не верится: неужели даже в студенческие годы, в сессию, за день до экзамена он не засиживался над учебниками допоздна?

— Даже в сессию, — говорит Андрей Николаевич. — Даже за день до экзамена. — И добавляет, смягчившись: — Даже если к экзамену был не очень готов.

Академик Колмогоров удостоен звания Героя Социалистического Труда, Ленинской и Государственной премий СССР, международной премии Больцано, которую называют «Нобелевской премией математиков» (в завещании Нобеля работы математиков оговорены не были), почетный член многих иностранных академий и научных обществ.

Беседу прервал громкий и резкий звонок. Академик пошел открыть дверь.

В маленькой прихожей появились мужчина и мальчик лет восьми. Они пришли к первому математику мира, к Колмогорову.

Его не так просто застать дома, в квартире на Ленинских горах. А ведь, кажется, где, как не в тиши кабинета, уединившись, работает теоретик? Книжные полки, настольная лампа, стопка бумаги да карандаш. Листы, испещренные математическими символами, нагромождения длиннейших выводов. И вот появляется искомое доказательство... Не такую ли картину рисует нам воображение, когда мы хотим представить себе работу ученого-математика? Квартира Колмогорова действительно вся в книжных полках и стеллажах. Большой письменный стол. Но не со стопкой чистой бумаги, а заваленный книгами, письмами, журналами, диссертациями и рефератами... Понапачу думаешь, что в таком количестве вещей вообще невозможно разобраться, не то чтобы сосредоточенно трудиться над чем-то одним. А он и не замыкается в чем-то одном — ни в одной из многочисленных областей

математики, ни в самой математике. Он преподаватель, педагог, и этим очень многое определяется.

Встречаясь с академиком, я обратил внимание на то, с каким желанием он говорит о молодежи, подготовке научной смены, делах школьных и вузовских и с какой неохотой — о себе самом.

А его жизнь и творчество необыкновенно богаты и поучительны.

Из письма. Задумав заниматься серьезно наукой, я, конечно, стремился учиться у лучших математиков. Мне почастливилось заниматься у П. С. Урысона, П. С. Александрова, В. В. Степанова и Н. Н. Лузина, которого, по-видимому, следует считать по преимуществу моим учителем в математике. Но они «находили» меня лишь в том смысле, что оценивали присносимые мною работы.

«Цель жизни» подросток или юноша должен, мне кажется, найти себе сам. Старшие могут этому лишь помочь.

Из воспоминаний. В 1918—1920 годах жизнь в Москве была нелегкой. В школах серьезно занимались только самые настойчивые. В это время мне пришло уехать на постройку железной дороги Казань — Екатеринбург (теперь Свердловск). Одновременно с работой я продолжал заниматься самостоятельно, готовясь сдать экстерном за среднюю школу. По возвращении в Москву я испытал некоторое разочарование: удостоверение об окончании школы мне выдали, даже не потрудившись прокомментировать.

Когда в 1920 году Андрей Колмогоров стал думать о поступлении в институт, перед ним возник вечный вопрос: чему себя посвятить, какому делу? Влечет его на математическое отделение университета, но есть и сомнение: здесь чистая наука, а техника — дело, пожалуй, более серьезное. Вот, допустим, металлургический факультет Менделеевского института! Настоящее мужское дело, кроме того, перспективное. Решено поступать и туда и сюда. И семнадцатилетний юноша выступает деревянными подошвами самодельных башмаков два маршрута по московским мостовым: в университет и в Менделеевский. Но вскоре ему становится ясно, что чистая наука тоже очень актуальна. Никаких сомнений: это дело его жизни. Все остальное — лишнее — в сторону! В первые же месяцы сданы экзамены за курс. А как студент второго курса он получает право на «стипендию» — шестнадцать килограммов хлеба и килограмм масла в месяц — это настоящее благополучие! Теперь есть и свободное время. Оно отдается попыткам решить уже поставленные математические задачи.

Лузитания. Лекции профессора Московского университета Николая Николаевича Лузина, по свидетельству современников, были выдающимися явлениями. «Классики» и «романтики» — издавна делили лекторов на две такие условные группы. Первые сдержанны, даже сухи, всегда точны в формулировках, фразы их отточены, материал продуман до деталей. Вторые — прежде всего вдохновенные импровизаторы. Но вот какая деталь: записи лекции «классика» на магнитофонную пленку, затем расшифруй — получишь учебник. Вроде бы и хорошо — здесь все необходимое. Но есть учебник и есть лекции. Неужели студенты больше ничего не ждут от занятия, как только сведений, сведений, сведений...

У Лузина никогда не было заранее предписанной формы изложения. И его лекции ни в коем случае не могли служить образцом для подражания. Да их и не повторить никому другому, даже сам Николай Николаевич, попроси его, пожалуй, не осилил бы такую задачу. Но у него было редкое чувство аудитории. Он, как настоящий актер, выступающий на театральной сцене и прекрасно чувствующий реакцию зрительного зала, имел постоянный контакт со студентами. Он умел приводить студентов в соприкосновение с собственной математической мыслью, открывая таинства своей научной лаборатории. Приглашал к совместной духовной деятельности, к сопротивству.

А знаменитые среди? Какой это был праздник, когда Н. Н. Лузин приглашал учеников к себе домой. Беседы за чашкой чая о научных проблемах... Впрочем, почему обязательно о научных? Тем для разговора было предостаточно. Он умел заставить молодежь желанием научного подвига, привить веру в собственные силы, и через это чувство приходило другое — понимание необходимости полной отдачи любимому делу.

Колмогоров впервые обратил на себя внимание профессора на одной из лекций. Лузин, как всегда, вел занятия, постоянно обращаясь к слушателям с вопросами, заданиями. И когда он сказал: «Давайте строить доказательство теоремы, исходя из следующего предположения...» — в аудитории поднялась рука Андрея Колмогорова: «Профессор, оно ошибочно...» За вопросом «почему» последовал краткий

ответ первокурснику. Довольный Лузин кивнул: «Что ж, приходите на кружок, доложите нам свои соображения более развернуто».

— Хотя мое достижение было довольно детским, оно сделало меня известным в «Лузитании», — вспоминает Андрей Николаевич.

Но через год серьезные результаты, полученные восемнадцатилетним второкурсником Андреем Колмогоровым, обратили на себя настоящее внимание «патриарха». С некоторой торжественностью Николай Николаевич предлагает Колмогорову приходить в определенный день и час недели, предназначенный для учеников его курса. Подобное приглашение, по понятиям «Лузитании», следовало расценивать как присвоение почетного звания ученика. Как признание способностей.

Двадцатые годы были временем расцвета необыкновенного математического таланта Лузина. Вместе с ним настойчиво и плодотворно работают представители «Лузитании».

К двадцатым годам относятся и первые значительные труды А. Н. Колмогорова. Многие годы тесного и плодотворного сотрудничества связывали его с А. Я. Хинчиной, который в то время начал разработку вопросов теории вероятностей. Она и стала областью совместной деятельности ученых.

Наука о случае еще со времен Чебышева являлась как бы русской национальной наукой. Ее успехи преумножили советские математики. Особое значение для приложения математических методов к естествознанию и практическим наукам имел закон больших чисел. Разыскать необходимые и достаточные условия, при которых он имеет место, — вот в чем заключался искомый результат. Крупнейшие математики многих стран на протяжении десятилетий безуспешно старались его получить.

В 1926 году эти условия были получены аспирантом А. Н. Колмогоровым.

Андрей Николаевич и теперь считает теорию вероятностей главной своей специальностью, хотя областей математики, в которых он работал, можно насчитать добрых два десятка.

Но тогда они только начинались, биографии научных подвигов. В каждодневном упорном труде рождались будущие ученые. В шутку называли уравнения с частными производными «уравнениями с несчастными производными», такой специальный термин, как конечные разности, переинчилился в «разные конечности», а теория вероятностей — в «теорию непрерывностей». Уж чего-чего, а юмора, как говорится, им было не занимать. И энтузиазма. И работоспособности. И жажды красоты. Искали стойность формы и внутренние закономерности в теориях — без них математика немыслима. Ведь что может доставить математику большее наслаждение, нежели открытие, что две вещи, которые ранее считали совершенно различными, оказываются математически идентичными? По словам Анри Планкера, математика есть искусство называть разные вещи одним и тем же именем...

«Лузитания» не просто школа московских математиков. И это не только двадцатые годы. Она и сегодня есть, «Лузитания»! Она продолжается в делах многих математиков страны. В делах Колмогорова.

Из письма. Мир полон удивительной красоты и благородства, которые вы должны открыть прежде всего сами. Нужно учиться видеть и слышать, готовиться к встрече с чудом.

Мне совсем не понравилось сказанное вами о нежелании быть «посредственностью». Слово «посредственность» с основанием употребляется лишь применительно к людям, имеющим чрезмерные по сравнению со своими «посредственными» возможностями претензии. В частности, в математике, особенно в прикладной, нужны теперь в очень большом числе работники среднего уровня. И лучше всего, если молодой человек, которому наша наука нравится, не задумывается о том, будет он «средним» или «выдающимся».

Колмогоров и Винер. Незадолго до начала Великой Отечественной войны А. Н. Колмогорову и А. Я. Хинчину за работы по теории вероятностей была присуждена Государственная премия.

А 23 июня 1941 года состоялось расширенное заседание Президиума Академии наук СССР. Принятое на нем решение кладет начало перестройке деятельности научных учреждений. Теперь главное — военная тематика: все силы, все знания — победе. Советские математики по заданию Главного артиллерийского управления армии ведут сложные работы в области баллистики и механики. Колмогоров, используя свои исследования по теории вероятностей, дает определение наивыгоднейшего распределения снарядов при стрельбе. Вот сколь важным оказался его выбор «чистой науки»!

Американский ученый Норберт Винер, один из создателей кибернетики, свидетельствовал:

«...Хинчин и Колмогоров, два наиболее видных русских специалиста по теории вероятностей, долгое время работали в той же области, что и я. Более двадцати лет мы наступали друг другу на пятки: то они доказывали теорему, которую я вот-вот готовился доказать, то мне удавалось привести и финишнуть чуть-чуть раньше их».

В военные годы Винер исследует задачу движения самолета при зенитном обстреле. Позже она выплыла в теорию прогнозирования, но американский ученый признается: «Когда я писал свою первую работу по теории прогнозирования, я не предполагал, что некоторые из основных математических идей этой статьи были уже опубликованы мною. Но вскоре я обнаружил, что незадолго до второй мировой войны советский математик Колмогоров напечатал небольшую, но очень важную заметку, посвященную этой теме... У меня нет никакой уверенности в том, что Колмогоров не нашел также и известных мне возможностей применения этих методов... За последние двадцать — тридцать лет почти ни разу ни один из нас не опубликовал какой-нибудь работы, чтобы очень скоро не появилась тесно связанная с ней работа другого на ту же тему».

И еще одно признание Винера, которое он однажды сделал журналистам: «Вот уже в течение тридцати лет, когда я читаю труды академика Колмогорова, я чувствую, что это и мои мысли. Это всякий раз то, что я и сам хотел сказать».

Ученый и ученики. Когда одного из молодых коллег Колмогорова спросили, какие чувства он испытывает по отношению к своему учителю, тот ответил: «Паническое уважение... Знаете, Андрей Николаевич одаривает нас таким количеством своих блестящих идей, что их хватило бы на сотни прекрасных разработок».

Замечательная закономерность: многие из учеников Колмогорова, обретая самостоятельность, начинали играть ведущую роль в избранном направлении исследований. И академик с гордостью подчеркивает, что наиболее дороги ему ученики, превзошедшие учителя в научных поисках.

Ну, а сколько же всего учеников у Колмогорова? Понимая, что ждать в ответ точную цифру попросту наивно, я все-таки не удержался и задал этот вопрос Колмогорову.

— Трудно сказать. Во всяком случае, на мое семидесятилетие вроде бы пришло никак не менее семидесяти учеников.

Это те, кто непосредственно работал с ним в той или иной области науки. Косвенных же его учеников теперь миллионы. Это школьники.

Вот уже десять лет он возглавляет программную комиссию по школьной математике. Да, прошло немало лет с того времени, как ученыe Академии наук СССР и Академии педагогических наук начали разработку нового содержания образования. Десятилетие вместило в себя осуществление перехода к всеобщему среднему, да и реформа содержания, по существу, закончена. Конечно, предстоит во многом совершенствовать учебные пособия, особенно с методической стороны, это понятно. Совершенствование вообще процесс непрерывный.

Можно удивляться колмогоровскому подвижничеству, его способности одновременно заниматься — и небезуспешно! — сразу множеством дел: тут и руководство университетской лабораторией статистических методов исследования, и заботы о физико-математической школе-интернате, бесценным попечителем которой Андрей Николаевич является, и дела московского математического общества, и работа в редакциях «Кванта» — журнала для школьников и «Математики в школе» — методического журнала для учителей, и научная и преподавательская деятельность, и подготовка статей, брошюр, книг, учебников, и, наконец, бесчисленные выступления перед школьниками, студентами, учителями, коллегами-учеными. Откуда берется время?! Причем круг жизненных интересов отнюдь не замыкается чистой математикой, объединению отдельных разделов которой в одно целое он посвятил свою жизнь. Тут и философские проблемы, и история науки, и живопись, и литература, и музыка.

Есть особая примета человеческой неувядаемости. Интересуется ли имярек молодежью, волнуют ли его их проблемы? Если на это «нет времени», можно не сомневаться, что человек остановился в развитии, все, точка. И другая примета: как к тебе самому относится молодежь?

Колмогорова никогда не приходилось упрашивать выступить на студенческом диспуте, встретиться со школьниками на вечере. По сути дела, он всегда в окружении молодых. И снова тут взаимное обогащение. Его очень любят, к мнению всегда прислушиваются. Свою роль играет не только авторитет всемирно известного ученого, но и простота, внимание, духовная щедрость, которую он излучает.

Пролеживая творчество академика А. Н. Колмогорова, убеждаешься в том огромном значении, какое математическая наука играет сегодня во всех областях знания. Математические методы глубоко проникают во все клеточки нашей жизни. С давних времен человека волнует вопрос о возможности поверить алгеброй гармонию. Раньше это вызывало лишь сомнения. Но какое признание получили изящные математические исследования колмогоровской школы в ритмике русской и советской поэзии!

Мы привыкли думать, что математик — это тот, кто считает. Но не всегда себе ясно представляем, как интересны и неожиданны бывают результаты иных подсчетов и расчетов. Вот, например, некоторые расчеты Колмогорова:

...автоматы все еще проигрывают человеку в шахматы. Чтобы просчитать все возможные варианты на пятнадцать ходов вперед, пришлось бы установить машинами несколько планет нашей системы. А шахматисты разыгрывают самые длинные и запутанные партии, сидя за простым турнирным столом — без всякой посторонней помощи.

...что общего между ученым-математиком, решающим сложную задачу, и лыжником-слаломистом во время трудного, запутанного спуска с горы?

Несколько неожиданный вопрос, не правда ли?

Однако оно есть, общее. И у того и у другого в эти минуты стремительно работает мысль, количество перерабатываемой информации в обоих случаях примерно одинаково.

Или взять споры об искусственном интеллекте. Может ли машина успешно заниматься творческой деятельностью и создавать шедевры в музыке, например, или поэзии? Позиция Колмогорова тут предельно четка: прежде всего не следует бояться думающих машин. Страх перед ними давно пора заменить восхищением способностями человека, который не так давно радовался открытию простых арифметических закономерностей. Но, включившись в полемический спор, Колмогоров, называющий себя «отчаянным кибернетиком», не хочет отставать от электронного творца литературного произведения, равное по силе «Войне и миру», следовало бы, видимо, запрограммировать всю историю развития человеческого общества и культуры.

Здесь могу сделать только один вывод, и читатели, должно быть, с ним согласятся: думаю, что юмор, пусть и сдержаненный, тоже в определенной степени характеризует любого человека. Даже «отчаянных кибернетиков».

Нам было пора уходить. Садчиков обратился к Колмогорову с просьбой:

— Андрей Николаевич, надпишите, пожалуйста, книгу. Это приз для старшеклассника, победителя нашей школьной олимпиады.

Академик склонился над титульным листом и через минуту подал книгу. Там значилось следующее: «С пожеланием не потерять интереса к математике лет до 100. И далее... А. Колмогоров».

Мужчина помогал мальчику снять пальто. Мы поздоровались. И за минуту, предоставившуюся нам, познакомились и разговорились.

Оказалось, это «обыкновенный» папа привел показать Колмогорову своего необыкновенного сына, уже успевшего поразить школу своими математическими способностями, да и не только математическими: ему по возрасту в начальных классах положено перебывать, а он на три года в освоении программы вперед выскочил. Но прежде всего удивляло его увлечение математикой, где он оторвался от сверстников очень уж далеко. Вот и пришел отец к Колмогорову посоветоваться: как быть, что делать дальше?

Кстати, вспомним: первую научную работу по математике Колмогоров опубликовал... в пять лет. Правда, это была всего-навсего известная алгебраическая закономерность, «опубликованная» в семейном журнале. Но ведь мальчик сам ее подметил, без посторонней помощи!

Кто знает, может быть, к нему сейчас привели «математика номер один» двадцать первого века, Колмогорова будущего!?

— Ну, как тебе зовут? — спросил Колмогоров, наклонившись к мальчишке. Но не снисходительно, а как равный — равного, хотя и обратился к нему на «ты».

— Антон, — тихо, но без тени смущения ответил он.

— Что ж, очень приятно. — Колмогоров подал руку «коллеге», но потом, все-таки не удержавшись, погладил его по-детски остиженную голову.

К нашему великому сожалению, время, отведенное на аудиенцию, кончилось.

Мешать специалистам мы не имели никакого права...

Чень я люблю ирландских сеттеров. Все они, как говорит знакомый охотник, «партийные, высокопередные», все выносливы, энергичны, позывисты на свисток. А как они работают в быстром галопе! Поднимет высоко голову, пройдет легким шагом и встанет в стойку, словно окаменеет. С сеттером хоть куда — и на бекаса и на дупеля, а то и на глухаря.

А я люблю их за мягкие уши, за взгляд, которым они могут сказать гораздо больше, чем все четвероногие, за умение слушать и сопереживать. И главное — это мой пес, любимый пес, хотя ему я обязан тем, что по сию пору несу крест, название которому «старая дева».

Не могу сказать, что это самый грустный крест на свете — есть работа, друзья, весна — она тоже для всех, и вообще жить неплохо. Но много в жизни вечеров, когда стучит по жести подоконника дождь, перекликаясь с подтекающим на кухне краном, и становится так тихо, что звуки капель кажутся единственной в мире реальностью, а все остальное — молчание и пустота.

Пережить такие вечера помогает хорошая книга, голова собаки, уткнувшаяся в колени, и сознание, что если бы не мой сеттер, то я несчастья сейчас другой крест, название которому «разведенная жена». Кто соразмерит тяжесть этих крестов?

Итак... Случилось это пять лет назад. Была у меня тогда любовь, и звали ее Аркадий. Трудно беспристрастно описать человека, которого любил когда-то... Молодой, красивый... Может, и не красивый, а ладный. Как говорят о лошадях или собаках, «хороших кровей». Чувствовалась в Аркадии порода. Приобрести легкость походки, умение носить свитера и лихо обращаться с гитарой помог ему целый список спортивных дисциплин. Он был перворазрядником по гребле, второразрядником по теннису, а еще занимался слalomом, и водными лыжами, и, кажется, биатлоном. Но все это между делом. Главное — он был талантливый человек, аспирант, физик. Наука была его храмом, в который он вот-вот собирался войти, принеся к жертвенному огню свой вклад — диссертацию.

У Аркадия была Наука, а у меня — Сид. Я жила тогда в маленькой коммунальной квартире на шестом этаже. За месяц или два до того, как горизонт озарился появлением Аркадия, я не купила давно задуманное пальто. Мне было двадцать восемь, в этом возрасте уже начинаешь ощущать одиночество, и я, почувствовав себя ротшильдовской богатой (деньги на пальто копились долго!), приобрела махонького рыжего щенка, ирландского сеттера, которого назвала Сидом за красоту и гордую осанку.

Что можно сказать про эту покупку? Собачник меня сразу поймет, несобачнику все равно ничего не объяснишь. Одно скажу: собаку иметь трудно. Она создана не для коммунальной квартиры и не для моей зарплаты. Огорчений от собаки столько же, сколько радости, и это при условии, что радость безгранична.

Любовь захватила меня врасплох в разгар материнских чувств к Сиду, и я разрывалась между желанными встречами с Аркадием и обязанностями по отношению к собаке. Я всегда спешила домой — гулять с псом, кормить его, подтирать лужи и усмирять соседей, уставших от собачьего визга. Аркадий прощал мне укороченные свидания, но привязанности к моему щенку не испытывал, а точнее, испытывал легкую неприязнь. Ну, сеттер, ну, красивый, атанцевать-то вокруг него зачем? Есть дела поважнее.

Самыми важными делами на свете Аркадий считал свои собственные. Не берусь судить, действительно ли наше знакомство совпало с полосой неприятностей у него на работе или просто он с полным доверием приподнял передо мной завесу, обнажив научные закулисные дрянцы. Знаю только, что сразу после первого поцелуя я буквально потонула в его неприятностях.

Была весна, и яблони устилали лепестками тропинки скверов, и мы ходили, обнявшись, по этим тропинкам, он говорил — я слушала. Как красиво, логично и значительно он говорил!

Чем конкретно Аркадий занимался, я так и не поняла, хотя он много раз пытался «все объяснить». Гораздо легче мне было разобраться в бытовой стороне вопроса, и я поняла, что дорога к храму Науки извилиста, крута и камениста. Судя по его рассказам, все норовилиставить ему палки в колеса: и руководитель темы, и завлаб, и свора аспирантов из конкурирующего отдела, и мастерские, и даже бухгалтерия, и даже начальник отдела кадров. Рассказывая об этих людях, Аркадий темнел лицом и сбивался на брюзгящий, стариковский тон, а потом начинал ругать все подряд: соседа по общежитию, вчерашний фильм, завтрашний дождь... Я не выдерживала и говорила: «Это безобразие! Тебе не дают работать. Пойди к дяде, посоветуйся».

Я очень хотела помочь Аркадию и всей душой осуждала дядя, забывшего родство. Дядя-академик заведовал в том же институте отделом, но направленного интереса к работе племянника явно не проявлял.

Аркадий отвергал мои советы. «Я сам, — говорил он. — При чем здесь дядя?» Мне очень нравилась в Аркадии эта независимость.

Уже потом я догадалась, что и выбор профессии, и друзей, и сам стиль жизни Аркадия находились в полной зависимости от этого дяди, который в глазах племянника был вкладом, положенным на его имя самой природой. Но это потом... А пока был май, и цвели яблони.

И вот однажды в середине лета Аркадий предложил мне поехать на дачу познакомиться с дядей и прочими родственниками.

— Не бойся... Веди себя просто, естественно. Ты это умеешь, — подготавливая меня Аркадий. — Они славные люди. Не бойся.

— Я не боюсь, — враза я.

Я не просто боялась — я очень боялась. Меня представляют важной родне, а это значит, что наши отношения с Аркадием вступают в новую фазу. Кроме того, он дал мне понять, что решил наконец на разговор с дядей, на «глобальный» разговор, и мое присутствие должно придать этой беседе непринужденный семейный характер. При желании можно было уловить в тоне Аркадия и намек на то, что дядя сам предложил свою научную помощь, так сказать, в качестве свадебного подарка. Но я не уловила этого намека. Мне было не до этого. «Я буду естественной», — повторяла я как заклинание. — Я буду очень естественной!»

Ехать намечено было в пятницу вечером. Для путешествия дядя ссудил нам свою машину, роскошную, как катапульта. Машина нелепо выглядела на нашем обширном дворике и манила к себе, как посул, как обещание приобщить меня к новой, прекрасной жизни. И не академические дачи были пунктом нашего назначения, нет — мы ехали на Олимп, на современный пир богов, где гудят реакторы и синхрофазотронны, где люди веселы и гениальны и знают что-то такое, чего нам, простым смертным, не понять, не осмыслить, не охватить.

В таком ожидании чуда я представилась перед Аркадием, держа на поводке Сида.

— Как, и он с нами? — удивился Аркадий.

— Мне не с кем его оставить, а пес не может жить один двое суток.

Аркадий с сомнением покачал головой, что-то прикидывая в уме и разглядывая Сида, словно видел его впервые.

— Ну, ну... А подстилка? Он же испачкает сиденье.

Нина Соротокина была участницей позапрошлогоднего семинара молодых писателей в подмосковном Софрине. Семинар оказался на редкость щедр на открытия новых имен, и Нина Соротокина — одно из таких радостных открытий.

Считается, что Америка открыта Колумбом, но ведь огромный материк существовал и жил своей жизнью до того, как на горизонте появились круевые посы испанских кораблей. То же и с «открытыми» на семинаре молодыми писателями. За каждым был немалый жизненный опыт, работа в какой-то профессии, горы изведенной бумаги и довольно прочный навык к литературному ремеслу. Нина Соротокина не исключение. Уральская уроженка, а ныне жительница подмосковного научного городка, инженер-строитель по образованию и преподаватель строительного техникума по профессии, мать двух беспокойных парней и автор многих, нигде не печатавшихся рассказов и большого исторического романа из времен императрицы Елизаветы, она представлена на семинаре не робким новичком, а настоящим литератором со своим кругом тем, своим установившимся почерком, своим видением мира. И нет ничего удивительного, что вскоре после окончания семинара она дебютировала двумя большими рассказами в «Нашем современнике», журнале строгом и выскакательном к слову.

Меня радует, что вторая ее публикация, которая, на мой взгляд, еще важнее первой в судьбе писателя, состоится на страницах «Смены» с ее огромным тиражом и популярностью у молодежи — самого лучшего и заинтересованного читателя.

Публикуемый рассказ открывает новые грани дарования Нины Соротокиной. «Майский жук» и «Фокусник» («Наш современник») были серьезны и несколько грустноваты, «Скажите, пожалуйста, можно у вас лаять?» — освещен умной, добрым, проницательной улыбкой. А ведь Марк Твен недаром говорил, что юмор — это визитная карточка таланта.

Юрий НАГИБИН

НОВОЕ ИМЯ

Нина СОРОТОКИНА

Рисунок Ольги Воликовой

СКАЖИТЕ, П

Пока я бегала за одеялом и забытой миской, Сид успел обежать двор, заглянул настройку, вывалился в грязь и извести и, удовлетворив свое любопытство, забрался под машину и принял грызть шину. Аркадий безучастно наблюдал за суетой Сида, продолжая машинально вытирая влажной тряпкой, будто погла-живая, глянцевые бока дядиного «катафалка». Я отобрала у Аркадия тряпку и принялась за Сида — он только посыпалась.

Наконец мы с грехом пополам расположились на заднем сиденье. Как ни мала моя комната, машина показалась Сиду еще теснее, и он стал рваться в заднее окно, царапая кожу обшивки. «Ох, не стоило его брать», — подумала я.

Но мы уже ехали.

Москва подмигивала нам светофорами, мы подолгу стояли у каждого, и мне казалось, что их слишком много, потому что каждая остановка, повизгивание тормозов, чужие лица, мелькавшие в пристроившихся рядом машинах, беспокоили Сида, и на вопросы Аркадия я отвечала невпопад, короткими фразами. Разговора не получалось.

Когда проехали окружную, наступили сумерки, и начал накрывать дождь. Вначале маленький, он потом пропустил вовсю и уже не каплями обозначался на стекле, а сплошной водяной завесой закрыл от нас деревушки, прижавшиеся к обочине, и поле и лес. Фары освещали небольшой кусок шоссе, на котором плясали струи воды.

Мы озабоченно молчали. Аркадия беспокоила дорога, а меня Сид. Он, казалось, спокойно лежал под рукой, но глаза его, как у кошки на ходиках, с механической точностью двигались туда-сюда, объединившись в одном ритме с шаркающими дворниками. Боясь этих поблескивающих восторгом глаз, я слишком крепко прижалась к себе собаку. В ответ на мою непрошенную нежность тело Сида вдруг напряглось, и в следующий миг лапы его легли на плечи Аркадия. Не поймай я взметнувшийся перед лицом хвост, пес перемахнул бы через спинку прямо на руль.

— Держи его, держи! — отчаянно крикнул Аркадий. Машина вильнула задом, грязь выскочила на обочину. — Ты что, с ума сошла? В кювет захотелось?

— Аркаш, это же не я на тебя прыгнула. Это Сид.

— Сид, Сид... Корнель, Расин! Представление устроили!

Шоссе мокрое, говорил Аркадий, а он не профессиональный водитель. У него нет безусловной реакции. Видимость ни к черту, добавлял он, а я удивительно безответственна. Собак вообще нельзя возить в автомобилях, и я могла бы это сама сообразить.

Машина катилась осторожно, будто ощупью. Я молчала, глядя на Сида. «Мы виноваты, виноваты, господи, как мы виноваты, а ты прав, но зачем так долго говорить об этом?»

— Больше он не прыгнет, Аркаш. Далеко еще? Может, ему надо выйти...

— Пусть терпит.

И опять Аркадий говорил, а я слушала. Выяснилось, что у дядя был раньше пес Рем. Он погиб на охоте. Дядя очень любил Рема, и теперь любой лай его травмирует. И вообще дядя пожилой человек и плохо спит. Его сон надо беречь. За стеной у меня будет спать двоюродная сестра Аркадия с двумя дочками. Та, которой шесть лет, тяжело больна, у нее предполагают астму. Если она просыпается ночью, то кашляет до утра. У сестры скоро защита диссертации, и она приезжает на дачу передохнуть. Ее сон тоже надо беречь. На даче живет бабушка Наташа, дядина мама. На вид она еще крепкая, но у нее диабет и повышенное кровяное давление. Спит она очень чутко: мышь зашуршит — она просыпается. В поселке почти на каждой даче есть собака, но они не лают, потому что воспитаны...

— Мы не будем лаять, — сказала я дрогнувшим голосом.

Приехали мы совсем ночью. За мокрыми деревьями уютно светилось окно. Дождь кончился. Приятно ехать, ехать и приехать к светлому окну в лесу. Там сухо, тепло, кипящий чайник ждет на плите.

— Неприятности нас ждут, — ворчливо сказал Аркадий, закрывая гараж. — Одна большая неприятность и две маленькие.

Я рассмеялась. Что делает с человеком дорога! Сид не лаял, радость моя. Суетился, все обнюхивал, нервничал, но молчал.

На кухне действительно ждал нас горячий чай. Аркадий отослав солнечную домработницу и стал накрывать на стол.

— Бери маринованные грибы. Тебе с чем сделать бутерброд? С рыбой? Ты понравишься дяде. Это я понял. Когда ты хочешь, ты всегда умеешь понравиться. На дне рождения у Льва ты всех очаровала. Бери масло. Здесь чудное масло. С рыбы. А Лев, между прочим, очень башковитый парень, от него в лаборатории много зависят.

Мы ели, улыбались друг другу, наши руки, как бы невзначай, все время встречались. Мир был прекрасен, но он затрахал по швам, этот радужный мир, когда я встретила кричакий Сидов взгляд. Он хотел есть. Я ненавидела его в эту минуту.

Аркадий поближе пододвинул стул, теплая рука его легла на мой затылок. Сейчас он поцелует меня... Что же делать с Сидом? Выбрав момент, когда ласковые губы отстранились чуть-чуть от моего лица, я, судорожно глотнув слюну, все еще находясь во власти любовной истомы, но панически боясь пустого Сидова желудка и потенциально повисшего в воздухе лая, прошептала:

— Я миску забыла в машине. А пес хочет есть.

— Что? — Он не понял. Он не мог так быстро вернуться на кухню из сладкого небытия.

И, осмыслив вдруг всю неуместность своих слов, смущившись, похолодев от стыда, я суетливо начала лепетать про собачий режим, просить супчику, или молока, или кефира. Я рассказывала, как трудно с собакой, как он еще мал, даже встал на колени перед Сидом, как бы наглядно показывая право щенка на мое внимание.

Успокоенная своими словами, я наконец подняла глаза на Аркадия и испугалась. Ничего не сказав, он повернулся и вышел. Остолбенела смотрела я, как в темноту коридора удалялась неестественно прямая спина.

— Куда ты? — Мне показалось, что он совсем уходит от нас.

— За миской, — ответил он тусклые.

Это легенда, что охотничьи собаки аккуратны в еде. Сид обычно вытаскивал вкусные куски из миски и ел их с пола, кости прятал в кресле и в углу за шторой. Супчик ему явно понравился: он обрызгал все вокруг.

— Теперь спать, — прошептал Аркадий. — Завтра длинный день. Спать...

Мы уже пробирались на цыпочках в свои комнаты, когда Сид тихо заскулил.

— Аркаш, его надо прогулять.

Темнота обдала нас сыростью и запахом цветов. Калитка мягко открылась, приглашая приобщиться к тайнствам ночного леса...

Вот оно какое, счастье — оно пахнет цветущими липами и укутывает ноги теплым туманом. Мокрый асфальт блестит, как лунная дорожка на морской глади, небо очистилось от туч, и звезды сияют: одна Медведица, другая Медведица, где-то распушила волосы Вероника, есть еще созвездие Гончих Псов... Псов... Кстати, где Сид?

Он только что вертелся под ногами. В кустах раздался шорох. Я бросилась туда, но опоздала. Длинная тень выскоцила на дорогу и большими скачками понеслась прочь от меня.

Вы бегали когда-нибудь за ирландским сеттером? Легкое поджарое тело, которое не бежит, а парит в воздухе, легко перебирая лапами, не касаясь земли. И если бы в тишине не стучали лапы по асфальту, я решила бы, что гоняется за ускользающим миражем, несущимся сквозь стволы, мокрые листья, и только мелькают лужи, в которых на секунду, на доли секунды закрывается собачьей тенью отражение луны.

— Фу, Сид, фу, — бессильно шептали мои губы.

Мне казалось, что мы бежим не по дачному поселку, а по огромному дому, которому нет конца, и дом этот набит спящими людьми. Их много. Одних академиков, наверно, полсотни. А у них еще родственники — старые, больные, малолетние. И за их сон я в ответе перед Аркадием, перед своей совестью, перед высшим судом. Я должна поймать и придушить Сида, потому что его бег непременно кончится звонким лаем во славу природы. Ужас охватил меня при этой мысли и уже не оставлял всю эту проклятую ночь.

Вдруг Сид остановился около низкой калитки.

— Бух, бух, бух, — залаяла за калиткой собака и загремела тяжелой, словно якорной, цепью. Сид подпрыгнул и ответил звонкой пулеветной трелью. Я схватила его за ошейник, сунула руку в пасть и поволокла прочь.

Но где я? Куда идти? Я оглянулась по сторонам. Рано мне было самоопределиться. Кровь опять отхлынула от сердца. Маленькая шавка-блондинка, казавшаяся розовой в свете фонаря, сидела за редким забором, а перед ней, царственно подняв голову и лениво поигрывая хвостом, лежал опрометчиво отпущеный мной Сид.

Как он попал туда и как мне забрать его назад? Я стала искать какой-нибудь лаз, проверяя прочность досок, но напуганная мной шавка тявкнула истерически и скрылась в кустах.

— Сид! Где ты, Сид? — тихо взывала я в ночи.

Сид возник неожиданно. Он стоял за забором, явно потеряв дыру, через которую проник в чужой сад, и теперь заискивающе просил у меня помощи.

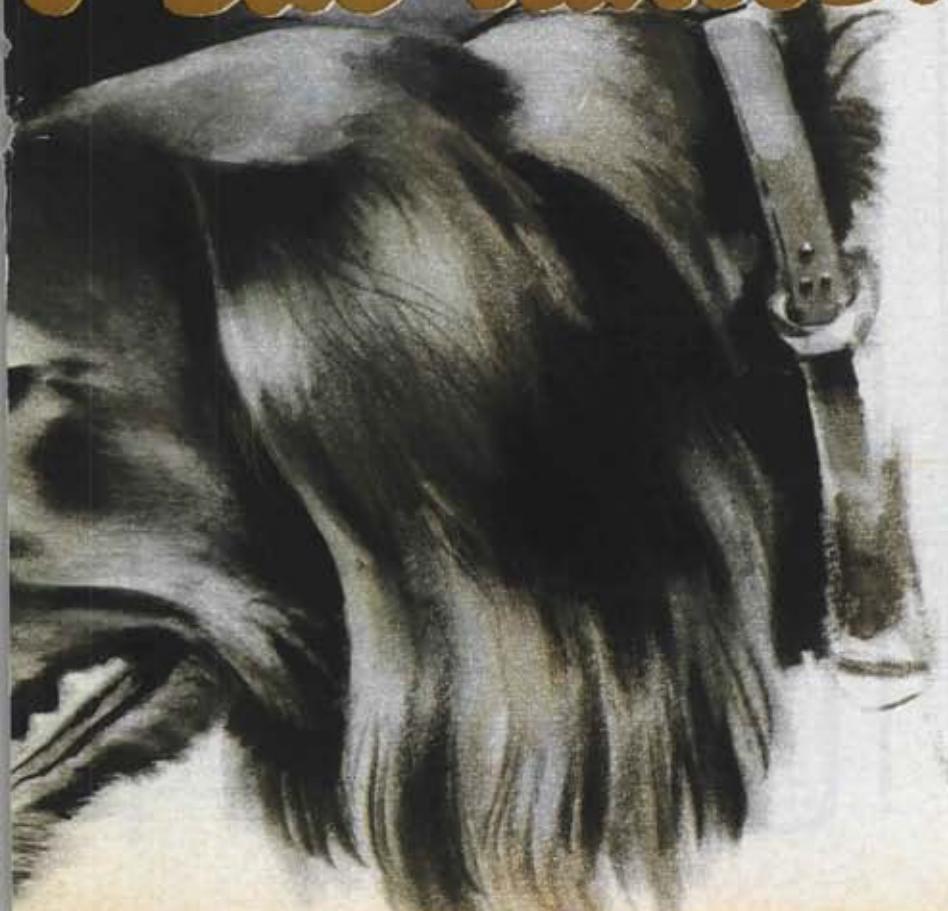
— Ты дрянь, Сид! Ты бессовестная дрянь. Ко мне, негодяй! Тебе рано еще интересоваться блондинками. Кней ты сразу нашел дорогу. Ко мне!..

Голос мой перешел на крик, и пес рванулся ко мне наобум. Бедный маленький Сид! Он рывком пролез через узкую щель, слабо пискнул, и вот он стоит передо мной, а по лапе течет густая и липкая кровь.

Мало того, что у них нельзя лаять, мало того, что наставили кругом заборов, так еще набили гвоздей.

ожалуйста, можна у вас лаять?

РАССКАЗ

Почему нельзя и ему. Сиду, немного порадоваться жизни? Люди настроили серых домов, залили траву асфальтом и считают, что так и надо жить на свете, а когда попадают в лес, то пьянеют от запаха листвы, от свежего воздуха и проклинают свои серые дома. Так что же требовать от охотниччьего щенка?

Я стаскиваю косынку с головы, затягиваю изо всех сил его лапу, и мы бредем неведомо куда. Кажется, это уже другой поселок, заборы вроде пониже. Помнится, мы бежали лесом и лугом, и речка была.

Холодно... Ой, как холодно! Сид трется о мою ногу, я вытираю кулаком слезы и выговариваю ему шепотом:

— Мы должны вести себя естественно и понравиться дяде. А ты что делаешь? Мы должны обязательно понравиться. Когда мы хотим, мы это умеем. Мы уже очаровали Льва, а от него многое зависит. Теперь нам надо понравиться дяде, а ты ведешь себя, как ошалелый щенок.

Среди кромешной тьмы блеснул огонь, и мы пошли на него. На подоконнике сидел человек.

— Простите... Вопрос застрял у меня в горле. Что, собственно, я могу узнать? Мы бежали со скоростью «сеттер в час», а теперь спрашивать, где живут академики?

Сидящий на окне мужчина лет пятидесяти курил и внимательно рассматривал нас через очки.

— Простите, я хотела узнать, где я нахожусь.

— Это вас интересует в философском плане или конкретно?

— Простите, но...

Видно, разладился мой слезоточивый канал, слезы полились сами собой, и казалось, что они не сохнут, а кристаллизуются от холода. Коленки мои стучали друг о друга, как кегли, а человек уютно устроился на подоконнике и швырял в меня витиеватыми, заумными фразами. Оказывается, все люди и собаки—братья, и не просто, как всё сущее, а как-то посложнее. Я перестала его слушать только на мгновение, а он уже перешел к захоронениям где-то в древней Ниневии. Можно было только диву даваться, как от сомнений в чистопородности моего пса можно так уверенно шагнуть в глубь веков.

— Почему вы не хотите указать мне дорогу? — Я всхлипнула. — Мы так устали.

— Дорогу куда?

— Куда-нибудь... На электричку. Мой пеен ранен.

— Ночью не ходят электрички. Что вы ревете? Лезьте в окно. Я перевяжу вашего пса.

— Я вам его лучше подам, если подниму. А у вас можно лаять?

— Не знаю, не пробовал, — сухо ответил человек. — Странная вы, право. Не хотите в окно, идите в дверь. Я дам вам чаю. Потом спрошу у наших, где находится то, что вам нужно. Сам я не знаю, я гость.

Чай принесли быстро, словно в этом доме всю ночь кипел самовар. Сонная хозяйка объявила не только, где находятся академические дачи, но даже та, которая мне нужна, — я сообразила назвать фамилию академика. Ориентиром мне должна была служить гигантская клумба. Если идти по прямой, то это в трех километрах.

Человек перевязал Сиду лапу и предложил себя в провожатые, но я отказалась. Зачем так утруждать чужих людей? Спасибо им за чай и за то, что мертвцы Ниневии успокоили меня и согрели душу.

С Аркадием мы встретились на подступах к клумбе. Видно, он пробежал с наше, разве что с меньшей скоростью. Ни вопроса, ни удивления. Так мы и молчали до самой раскладушки, на которой мне предстояло провести остаток ночи.

— Понимаешь, Аркаш, — я не решилась пожелать спокойной ночи, — он удрал, а я его ловила. Не сердись...

— Ну, ну... Если что, я за стеной. — И он ушел.

Сид залаял на рассвете, и лай этот можно было сравнить только с набатом, которым возвещают о войне или о пожаре. В полуночье слабо охнула белая фигура, похожая по очертаниям на домашнее привидение, за стеной мужской голос закричал спросонья: «Тубо, Рем, тубо!» И все смолкли для меня, потому что я уже стояла на лужайке перед домом, рядом дрожал и рвался от возбуждения Сид, а Аркадий совал мне в руки платье и кеды, которые успел прихватить. Сам он был полностью одет.

— Я не мог уснуть. Я работал. Я знал, что он залает, — ответил он на мой немой вопрос.

— Ты работай, а мы пойдем погуляем, — сказала я неестественно бодро, напяливая задувшие кеды.

— Пойди. Здесь очень хороший лес. Только не опаздывай к завтраку.

Я стояла, смотрела ему в глаза и пыталась сообразить, когда завтракают в этом большом доме. Даже если в девять, то в моем распоряжении четыре часа. Где, по каким дорогам, Аркадий, будет бродить твоя любимая этим холодным утром? Куда мне идти? А может быть, ничего не случилось?

Тяжелый вздох Аркадия был мне ответом.

Я не сразу уехала. Еще часа два мы с Сидом бродили вдоль тихой речки, то у самой воды, то поднимаясь вверх по заросшему корявыми соснами склону. Сид тащился лениво и все норовил лечь и спать. «Мне нельзя ехать, — уговоривала я себя. — Это будет конец. Аркадий не виноват, что пес залаял». Я понимала, что меня будут ждать, потом искать, но было ясно — нет такой силы, которая заставила бы меня вернуться в проснувшийся дом.

Аркадий пришел через неделю. Обида еще нестерлась с его лица. Он был озабочен и раздражен. Целоваться как-то не хотелось.

Потом наши чувства быстро пошли на убыль. Он так и не смог простить мне неудачную поездку на дядину дачу. Правда, выяснилось, что травмированный когда-то собачьей смертью академик очень хотел посмотреть на моего пса и сам помогал Аркадию искать нас в лесу. Девочка с предполагаемой астмой даже не дрогнула во сне, а ее мать, измученная работой над диссертацией, просто увидела во сне собаку и утром нашла сон приятным. Бабушка Наташа, причина ночного лая, целый день подозрительно поглядывала на Аркадия и приговаривала: «Неспроста она сбежала... Ох, Аркадий, неспроста. Знаю я тебя».

Все это обстоятельно и грустно он сам мне рассказал, но это был подтекст, а главное — дядя после утренних поисков пил валидол, все были возбуждены и огорчены моим поступком, и всем я испортила субботу и воскресенье.

— Как ты могла? Я не понимаю, как ты могла? — причитал он, а я молчала и слушала.

Я смотрела на Сида, который лежал у моих ног и грыз обмахенный угол ковра, смотрела на крышу соседнего дома, по которой важно расхаживал голубь, на букет завядшей травы, — я сорвала ее в то утро. «Каждый живет, как умеет, — думала я. — Ты прости нас, Аркаш, но ты сам просил нас быть естественными. Вот так».

Соседка шила за стеной, и в тант стрекотанию машинки я повторяла: «Вот так... вот так...»

EX LIBRIS
СМЕНЫ

литер

В связи с 60-летием Ленинского комсомола секретариат правления Союза писателей СССР присудил нашему журналу диплом и премию за литературно-критические выступления, опубликованные в 1977 году в рубрике «Экслибрис «Смены». Этой наградой отмечен вклад журнала в воспитание творческой молодежи. Редакция решила передать часть денежной премии на приобретение книг для библиотеки в Уренгое, где работает отряд имени XVIII съезда ВЛКСМ.

Выполняя постановления ЦК КПСС «О литературно-художественной критике» и «О работе с творческой молодежью», редакция организовала «Мастерскую молодого критика «Смены». Лучшие работы ее участников журнал постоянно печатает на своих страницах.

Сообщая об этой награде, мы представляем читателям самых молодых авторов «Мастерской».

Итак: Елена Сетунская и Ирина Гусева — школьницы, им по 17 лет; Елена Любовикова делает первые шаги в журналистике; Игорь Жеглов — студент I курса Литературного института.

ПРОЗА

Разгадка «Круглой тайны»

Известный поэт, прочно завоевавший признание на литературном Олимпе, поэт, известный философичностью и в то же время осознанной «вещественностью» своего стиха, вдруг взялся... за фантастику. Причем за фантастику необычную — «полувироятную», по словам самого автора.

«А вдруг?» Для прочитавшего сборник фантастических повестей В. Шефнера (изд-во «Детская литература», 1977) вопрос этот снимается. Не вдруг, а закономерно. И с большой пользой для всей нашей литературы, в том числе и для фантастики.

Только, признаюсь, фантастика эта временами больше похожа на сказку. Разве не сродни «семимильным сапогам», например, изобретенные Сергеем Кладезевым водяные коньки? Или его же изобретение — ОСЭПСОН, агрегат, возвращающий молодость? Или холодный чудо-шар, «круглая тайна»?

Известно: сказка — ложь, да в ней намек... И, кому надо, урок. Поэтому попробуем разобраться, на что намекает мудрый «сказочник», какие уроки и для кого извлекает из своих «полувироятных» историй.

Заметим для начала, что две из трех повестей (кроме «Девушки на обрыве») посвящены нашим сегодняшним земным делам, нашим современникам. Они развернуты постарше годами, чем читатели «Детской литературы». Основной фон повествования, его «загрунтованный холст» предельно реалистичен. Свободные, дерзкие, «шутейные» даже, фантастические штрихи по «холсту» дают неожиданный, наверняка искомый автором эффект «высвечивания» реальных духовных и нравственных ценностей, эффект «проявления» черного и белого цветов нашей повседневности.

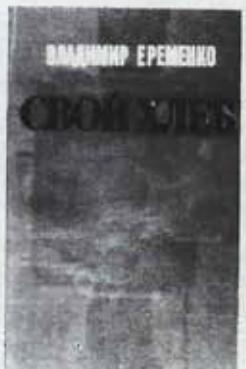
Вообще все три повести буквально пронизаны антимещансским пафосом. Поэт Шефнер помогает Шефнеру-прозаику высвободить величие человеческой души; фантастические «добавки» помогают ему рельефнее оттенить бескрылость мещанства. И наверняка поэтому бескорыстие празднует победу над корыстолюбием, талант — над сексностью, благородство — над низостью. Повести открыты полемичны, автор швыряет перчатки мелким людям, зовет их на открытый бой, а они трусливо прячутся.

В повестях немало юмора. Шефнер щедро выдумывает всякие смешные автоматы, дает посмеяться нам и сам улыбается: не в автоматах соль, не умножение их — главное в движении к коммунизму. Главное — сохранять и приумножать «наших душ золотые россыпи».

Не все, наверное, безупречно в историях, рассказанных В. Шефнером. Но, честное слово, об этом как-то не хочется говорить, поскольку куда важнее, что повести хорошо работают на повышение «нравственного ресурса» каждого из читателей этой веселой и грустной, смешной и серьезной книги.

Спасибо, Вадим Сергеевич!

Ирина ГУСЕВА

Чтобы настало утро

Книга Владимира Еременко «Свой хлеб» (изд-во «Московский рабочий», 1977) как бы перекидывает мост от юного поколения героических лет Великой Отечественной войны к сегодняшней подрастающей смене. В самом деле, из трех произведений, включенных в сборник, два — это повести, объединенные личностью Андрея Чупрова — главного героя: в повести «Дождаться утра» мы знакомимся с детством героя, а в «Своем хлебе» — с юностью его сына.

литурно-критическая мастерская

Ирина ГУСЕВА.

Елена СЕТУНСКАЯ.

Елена ЛЮБОВИКОВА.

Игорь ЖЕГЛОВ.

Андрей Чупров, детство которого совпало с годами невиданных в истории сражений, было мальчишкой из Сталинграда. Трудно поведать обо всех потерях, муках и лишениях, которые довелось вынести и пережить в ту пору сталинградским детям. Старший брат Андрея ушел на фронт в первые же дни войны, а вскоре получил повестку и отец... Рано, очень рано пришло к ребятам тогда чувство ответственности за матерей, за младших братьев и сестер. Несмотря на свой юный возраст, они ощущали жгучее чувство ответственности за все, чем жила страна, за исход того главного, что совершалось на ее израненных просторах.

«Советскую Родину люби не словами — трудом люби» — эти строки из письма к сыну матроса-комсомольца Александра Грязева, погибшего на Мамаевом кургане осенью 1942 года, стали эпиграфом к третьему произведению, включенному в сборник, — «Завещание сыну». Но они могли бы стать эпиграфом и ко всей книге, высокая правдивость которой определяется, я думаю, и тем, что сборник во многом автобиографичен. Мы понимаем: судьба юных сталинградцев — это и судьба самого автора книги.

Страдания и труды юных и взрослых героев были не напрасны: пришло утро на советскую землю, сгинула ночь фашистского нашествия.

И вот, через многие годы, Андрей Чупров, уже ставший отцом, стремится вырастить своего сына настоящим гражданином, достойным памяти всех, кто отдал за нынешний мирный день свою кровь и жизнь.

Отец хочет, чтобы честность и благородство сопутствовали каждому жизненному шагу мальчишки.

Об этом — повесть «Свой хлеб». В ней поднимаются большие проблемы формирования молодой личности, но уже сегодняшнего, мирного времени.

Мы видим, что мост, перекинутый от поколения к поколению, надежен и прочен.

В третьем произведении — «Завещание сыну» — Владимир Еременко обращается к жанру документальной прозы: перед нами образы героев Великой Отечественной войны, имевших которых доподлинны и подвиги которых пришли на страницы сборника из самой истории: ни слова вымысла, ни одного эпизода, рожденного писательской фантазией.

Утро — это символ света, символ молодости. Счастливое утро человеческой жизни, торжество сил гуманизма над силами зла. Его ярко и взволнованно воспевает книга Владимира Еременко.

Елена СЕТУНСКАЯ

ПОЭЗИЯ

«Сине утречко»

Писатель Виктор Боков, предваряя новый сборник стихов кировской поэтессы Валентины Коростелевой («Сине утречко», «Современник», 1977), писал так: «В этом небольшом авторском зеркальце отразилась душа поэтессы, душа светлая, нежная, верящая».

Почти все стихи из книжки «Сине утречко» о любви. О верности родному краю, о симпатии к его людям, о преданности самому близкому человеку.

Многое из вошедшего в сборник навеяно поэтессе вятской земли. «Окрулившие сердце края» — так называет Коростелева родные места. И пишет о них не восторженно, а с любовью и пониманием:

Люблю я всю мою Россию,
Но только в северных краях
Так откровенно небо сине,
Так сладок ветер на губах.

Близость к родине, к природе, к змейкам дымы над заснеженными домами, к утонувшему в небе жаворонку подсказывает автору искренние, лирические строки.

Особенность стихов Валентины Коростелевой о природе в том, что это не моментальные снимки, не просто красивые пейзажи, а это всегда попытки раскрыть взаимоотношения человека и природы, рассказать о настроении, о чувствах, которые в процессе этих взаимоотношений возникают. И еще. Наблюдая жизнь природы, поэтесса видит в ней отражение людских судеб, столкновений, тревог и радостей.

Считается, и, наверное, справедливо, что короткие стихи писать сложнее, чем длинные. Дело в том, что лаконизм стиха требует большой точности и выразительности. В. Коростелева

пишет в основном стихи небольшие по объему и нередко однажды словами создает у читателя определенное настроение, почти живописный образ. Вот, например, взошло солнце — «и с голубой большой поляны, как одеяло, тянет тень». В весеннем лесу — «кочки оттаявших полянок». Тропинка «течет» под ноги. Во всех этих случаях Валентина Коростелева удалось найти свежие, интересные сравнения, которые обязательно тронут читателя, потому что несут на себе отпечаток авторской индивидуальности.

Говорят, сколько людей, столько и любовей. Читать о любви «вообще» малоинтересно. Зато мы восхищаемся и преклоняемся перед любовью Тютчева, Маяковского, Блока...

Отрадно то, что и Валентина Коростелева пытается создать образ своей любви, с особым характером, миропониманием, выражением. Любовь герини имеет множество оттенков: то она с «грустинкой», то тревожна — «какая-то неясная тревога во всем живом отчетливо видна»; то горька, а то радостна:

Бывает на свете такое!
Да как же ему не бывать.
Вот ты прикоснулся рукою —
И счастье пошло танцевать!

Когда сердце полнится счастьем, то и весь мир вокруг видится счастливым, новым, ярким, потому что острее, зарче становится зрение. Героиня замечает на первый взгляд мелочи, на которые она в обычное время, наверное, не обратила бы внимания. А тут любая травинка, деревце, порыв ветра, речная волна поддерживают лиующее настроение, обязательно наводят на какие-то сравнения, ворочают воспоминания.

Часто говорят, что подготовить к печати вторую книжку зачастую бывает сложнее, чем первую. Трудность состоит в том, что автор расходует на свое первое детище накопленное за многие годы — впечатления, размышления, любопытные эпизоды. И, выполжив все, что было за душой, он уже идет ко второй книге как бы заново, все для него впервые. У истинного поэта творческий источник никогда не иссякает. Истинный поэт трудится постоянно — думает, пишет. А вышедшая в свет его вторая книга подтверждает, что первый шаг в поэзию не был случайным, и обнадеживает, кроме того, что будут написаны новые стихи, изданы новые книги.

Так оптимистично смотрим мы на книжку «Сине утречко». Вторую в поэтической биографии Валентины Коростелевой. И в целом удачную, искреннюю, добрую.

Елена ЛЮБОВИКОВА

КРИТИКА

Черты современной прозы

В книге известного критика Евгения Сидорова «Время, писатель, стиль» (М., «Советский писатель», 1978), с которой интересно будет ознакомиться как писателям, литератороведам, так и читателям художественной прозы, разговор идет о состоянии нашей литературы, ее характерных чертах и особенностях. Высказывая собственное мнение, автор не наставляет его, а больше размышляет и доказательствует приводимый вывод; порою мы присутствуем при полемике Евгения Сидорова с другими литератороведами. Интересны его раздумья о стиле, о языке, его лексических особенностях. Критик постоянно проводит мысль о необходимости целистного идеально-художественного анализа прозаических произведений. С этой позиции, а также обращаясь к нравственной проблематике и художественному мировоззрению, Е. Сидоров анализирует творчество мастеров советской прозы наших дней.

Леонид Леонов. Художник, уделяющий большое внимание взаимоотношениям современного мира и современного человека. В любом жанре у этого мастера прозы присутствует постоянная тревога за судьбу эстетических и нравственных ценностей современности... Слово Леонова — это, отмечает Сидоров, неотъемлемая часть биографии и духовной жизни писателя. В масштабных произведениях Леонова явственна «национальная природа русского писателя».

Анализируя послевоенную прозу, критик обращается к трилогии Федора Абрамова «Пряслины». Высокая нравственность образа, его немудрость, реализмический пейзаж, любовь к северной русской земле — над этим размышляет критик. Он с полной ответственностью, совершенно справедливо называет трилогию эпопеей народной жизни.

Подчеркивая углубленный ис-

торизм, социально-нравственные проблемы и их решение, говорит Сидоров о романе С. Залыгина «Соленая падь». Критик утверждает, что в большом строю подобных произведений, основанный на опыте «Железного потока», «Чапаева», «Разгрома» и других, роман является произведением, несомненно, индивидуальным, отличающимся яркими, неповторимыми образами, объективностью, основанной на документальном материале. Иное дело другой роман писателя — «Южноамериканский вариант». Залыгин — историк, социолог, летописец, и вдруг — совершенная новая сфера творчества. В этом критик видит тяготение писателя к исследованию литературных проблем. Интерес к жизни, анализ актуальности того или иного художественного образа — этим обусловлены поиски и находки С. Залыгина в литературоведении.

Внимание критика привлекла работа Сергея Антонова «От первого лица». Антонов обращается к произведениям Тургенева, Бунина, Достоевского, Гоголя, рассматривая проявление личности писателя в слове. Сидоров отмечает способность исследователя вскрывать «сложные взаимоотношения авторской позиции и словесного высказывания героя». Точны также замечания критика о драматизме и диалогах в произведениях Антонова, о его мастерстве портретиста.

Евгений Сидоров — многоязычный критик. Поэтому его интересно читать, когда он пишет и о сатире Фазиля Искандера, о его лирических героях, «закаляющих душу смехом», из книги «Тринадцатый подвиг Геракла». Оригинальные, свежие тенденции иронической прозы с философскими отступлениями отмечает автор у писателя.

В статье о «текущести прозы» Е. Сидоров вскрывает недостатки произведений, которые проходят мимо нас без внимания. И добавляет, что оценки некоторых критиков не всегда объективны. Вопрос о текучести прозы крайне серьезен, ибо наш читатель не один раз встречался с монотонными произведениями, где возможности автора исчерпываются умением повторять сказанное или неумением достаточно ярко и определенно выразить свои взгляды.

Трепетательный критик, Евгений Сидоров смело и объективно дает оценку важнейшим фактам, определяющим глубину и содержательность художественного творчества. Его книга непременно найдет своего вдумчивого читателя, которого волнует состояние и развитие советской литературы.

Игорь ЖЕГЛОВ

ИЮНЬСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

СХВАТКА С ТАЙФУНОМ

Тайфун, которому метеорологи дали порядковый номер «3», достиг Хайфонского порта. Ветер становился все сильнее и сильнее, а потом налетел смерч. Камни и комья грунта обрушились на причалы и склады. Ветер вышибал громадные двери складов, весившие сотни килограммов. И хотя утром, после предупреждения метеорологов, были приняты меры безопасности, пакгаузы не выдержали. Металлическая крыша склада № 10 была смята в гармошку. Тысячи тонн риса, сои, шерстяной пряжи оказались под угрозой.

«Закрывайте двери! Следите за крышами!» — послышалась команда, и дюжина молодых людей, среди которых были члены Коммунистического Союза молодежи Хо Ши Мина из Третьего района порта, бросилась спасать народное добро. Они пытались закрыть двери, привязавшие ремнями, карабкались на крышу, но неистовые порывы ветра сбрасывали ребят вниз. Ин-

женер До Виет Хау, который принял на себя руководство этой схваткой комсомольцев с тайфуном, предупреждал товарищей, чтобы они не забывали об осторожности. И сам Хау и его друзья Куанг, Хань, Винь все-таки смогли забраться на крышу. Кровь сочилась из их рук, по лицам, но тяжестью своего тела они прижимали листы железа, закрывающие щели в крыше. Сотни мешков с песком были подняты за три часа схватки наверх. Одежда смельчаков была разодрана в клочья, лица, ноги, руки порезаны и покалечены; но ни один из них не испугался, не поспешил в укрытие.

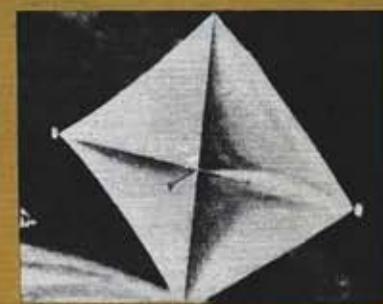
Дождь и ветер стихли. Тайфун ушел. И тогда с десятков судов, переживших тайфун в гавани, раздались бурные аплодисменты. Иностранные моряки рукоплескали мужеству вьетнамской молодежи.

ВЬЕТНАМ ЮСС, СРВ

НА ОДНОМ ЛИТРЕ ГОРЮЧЕГО

Двадцать четыре энтузиаста автомобильной техники признали участие в организованном в ФРГ конкурсе на самый дальний пробег машины на одном литре горючего. Победил семнадцатилетний Юрген Рапп, который проехал 674 километра. Его автомобиль трехколесный, а дизельный двигатель имеет рабочий объем 200 кубических сантиметров. Второе место заняла конструкция подобного же типа, но четырехколесная — длина ее пробега составила 615 километров. Участники соревнования применили в своих мини-автомобилях различные новшества, экономящие горючее: транзисторное зажигание, электронный карбюратор, легкие материалы, обтекаемые формы кузова...

«МЛОДЫ ТЕХНИК», ПОЛЬША

К ЗВЕЗДАМ ПОД ПАРУСОМ?

Много столетий парус был надежным помощником человека в его морских странствиях. Но теперь, в эпоху атомных судов и космических кораблей, многим кажется, что историческая миссия паруса если не кончилась, то, во всяком случае, сильно сузилась. В общем это так, но есть признаки, что древний парус на нашем витке спиралей исторического развития возрождается в новом качестве — как средство движения космических кораблей. Используя давление «солнечного ветра», космический корабль или исследовательский зонд может двигаться по Вселенной, подставив под «ветер» свой парус и меняя при надобности его положение.

Наиболее удобно использовать космические паруса при длительных полетах космических зондов, а небольшая скорость в данном случае вполне компенсируется высокой стабильностью движения и отсутствием необходимости иметь на борту громоздкие и малоемкие аккумуляторы. При этом следует заметить, что многие научные наблюдения целесообразно выполнять как раз на «малом ходу».

Космические парусные зонды выгодно использовать при полете к кометам. Стоит, например, применить паус для исследования кометы Энке, которая возвращается к Земле каждые 3,3 года. Зонд может встретиться с кометой через 490 дней после старта с нашей планеты, во время максимального приближения кометы к Солнцу. При этом могут быть взяты образцы вещества кометы.

Конечно, площадь паруса должна быть достаточно большой. Для упомянутого выше зонда (его оптимальный вес — 4800 килограммов) площадь паруса составит 640 тысяч квадратных метров. Материал «парусины» должен быть прочным, гибким и противостоять действию резкого колебания температуры. Лучше всего для этой цели подходит пластмассовая пленка с напыленным на нее слоем алюминия, причем общая толщина должна быть около 2,5 микрона. Конечно, не исключена опасность повреждения паруса метеоритами, но сейчас, после полетов советских и американских спутников и кораблей, установлено, что раньше степень такой опасности сильно увеличивалась.

Первенство остается за конструкциями космических кораблей, ставшими уже классическими, но в будущем свое место в исследовании Вселенной найдет, вероятно, и космический парус.

«ВЕДА А ЖИВОТ»
ЧЕХОСЛОВАКИЯ

САМОЛЕТ СЪЕЛА ПЛЕСЕНЬ

Самолет стоимостью в 4 миллиона фунтов стерлингов был разрушен в апреле... плесенью. Самолет стал жертвой того типа плесневого гриба, который ест металл и среда обитания которого — пары бензина.

Это случилось в американском штате Джорджия, в городе Атланта. Баки для бензина не были хорошо высушенны, и реактивный самолет был безвозвратно потерян.

Плесневые грибы, как известно, и убивают и лечат. Они дают нам пенициллин, усиливают процесс брожения при изготовлении пива, помогают готовить сыр и печь хлеб. Но вместе с тем плесень становится причиной разрушения многих созданий человеческих рук, ущерб, причиненный ею, измеряется шестьюстами миллионами фунтов стерлингов в год, плесневые грибы вызывают серьезные заболевания легких, поражают суставы человека. В тропических странах разнообразные виды плесени портят примерно половину продуктов питания. А в Британии в прошлом году плесень принесла владельцам домов убытки, измеряемые суммой в 6 миллионов фунтов стерлингов.

«УИКЭНД», АНГЛИЯ

Тайна Колизея

Пока существует Колизей — будет существовать и Рим. Когда падет Колизей — падет и Рим. Когда падет Рим — наступит конец света. Так гласит легенда. Но почему Колизей, простоявший без малого почти два тысячелетия, до сих пор не развалился?

Колизей возведен на эллипсовидном фундаменте из блоков туфа и известняка, его высота 13 метров, а диаметр наиболее широкой части — 188 метров. Конструкция этого уникального фундамента решена настолько продуманно, что специалисты в области строительной техники утверждают: Колизей смело может рассчитывать еще на пару тысяч лет жизни.

Долговечность древнего сооружения пережившего землетрясения, войны и прочие катаклизмы, обеспечена именно наличием этого эллипсовидного кольца, на которое опираются несущие колонны и соединительные элементы. Под самим же фундаментом находится не туф, как считали до последнего времени, а компактные сплошные отложения озерного и морского происхождения, то есть разные виды пластичной глины.

Известно, что Колизей был построен на дне небольшого искусственного озера, сделанного по приказу Нерона. При Веспасиане озеро было осушено, и на его месте построили грандиозный стадион на 50 тысяч мест. Озеро Нерона было использовано, чтобы не производить выемки 125 тысяч тонн грунта. Глинистая же почва озерного дна, на которую лег фундамент, стала превосходной амортизирующей подушкой, веками спасавшей здание от подземных толчков.

Величественный Колизей немало пережил за две тысячи лет, и время, конечно, оставил на нем свои следы. Но максимальный ущерб понес он не от стихии, а от рук человека. В средние века из него изымали блоки туфа и известняка для сооружения вилл богатых римлян, а после камень брали для постройки оборонительных укреплений.

И все-таки Колизей не рухнул...

«НАУКА И ТЕХНИКА»,
БОЛГАРИЯ

Юбилей Микки Мауса

Микки Маусу, знаменитому диснеевскому мышонку, исполняется в этом году 50 лет. Юбилей будет в октябре — именно в этом месяце в 1928 году состоялась премьера первого звукового рисованного мультфильма, главная роль в котором была отдана мышонку, ставшему вскоре одной из ярчайших звезд Голливуда. История рождения Микки Мауса известна по рассказам самого Уолта Диснея. Как-то в своем кабинете он оказался лицом к лицу с мышью. Дисней сделал «портрет» мыши с пуговицей вместо носа, а потом добавил белые перчатки, желтые туфли и красные брюки. Карьера Микки Мауса началась бурно. Сначала он был пианистом и виолончелистом, затем — пожарником, солдатом, охотником, ковбоем, арестантом и даже... молодым премьер-министром. После появления в 1935 году двадцатого фильма о Микки Маусе на него обрушился поток международных премий. Однако в начале сороковых годов его затмевают другие диснеевские персонажи: Плuto, Динго, утенок Дональд. Во время войны Микки Маус выступает на стороне союзников, у которых даже появляется пароль: «Микки Маус». 1955 год — новый успех мышонка, связанный с телепередачей «Клуб Микки Мауса», вышедшей в свет 5 раз в неделю. А еще 4 года спустя, устав от кинематографа, он становится официальным хозяином «Диснейленда» и «Диснейпарка» — двух гигантских парков в Калифорнии и Флориде. Создатель Микки Мауса — Дисней — так определил причину этих феноменальных успехов: «Микки настолько прост, настолько легок для понимания, что не полюбить его невозможно».

«ЛУМЯ», РУМЫНИЯ

ГДЕ ЛЕЧАТСЯ АКУЛЫ

В нескольких подводных пещерах у берегов Мексики аквалангисты обнаружили «сонных» акул, которые не проявляли никакой агрессивности, даже когда люди приближались к ним. Вначале аквалангисты подумали, что это кладбище морских хищников, куда они призывают, чтобы спокойно умереть. Вскоре, однако, заметили, что акулы лишь засыпают, чтобы позднее проснуться.

Сообщение о феномене было послано сотрудникам Мэрилендского университета (США), которые после трех лет исследований разгадали загадку. Как удалось выяснить группе ученых во главе с Юджином Кларком, упомянутое явление называется необычным составом морской воды в пещерах. Благодаря меньшему содержанию соли паразиты, которые в обычных условиях покрывают кожу хищников, здесь отлипают от них. Таким образом, подводные пещеры представляют собой естественные больницы для акул. Летаргическое же состояние вызывает повышенное содержание углекислого газа в воде пещер.

ЭЛЕТ ЭШ ТУДОМАНЬ,
ВЕНГРИЯ

УТОЧНЕНИЕ К ТЕЗИСУ О ПОЛЬЗЕ СПОРТА

До недавнего времени в Америке роль активных занятий спортом в предотвращении инфарктов не столько обосновывалась научно, сколько принималась как нечто само собой разумеющееся. Но вот исследования, проведенные среди 17 тысяч выпускников Гарварда, показали, что инфаркту меньше подвержены те, кто регулярно занимается каким-либо видом спорта, например, плаванием или бегом. Был составлен индекс физической активности (подъем по лестнице, ходьба, различные виды спорта и т. д.), выраженный в калориях, которые расходуются в среднем за неделю. Обнаружилось, что у тех, кто тратит менее 2000 калорий в неделю, угроза инфаркта на 64 процента выше, чем у тех бывших студентов этого самого привилегированного университета Америки, кто ведет более подвижный образ жизни. Если человек уделяет не менее трех часов в неделю активной физической деятельности, то даже при тех факторах, которые чаще всего приводят к самым серьезным неприятностям с сердцем, инфаркт угрожает ему в меньшей степени, чем коллеге, ведущему малоподвижный образ жизни.

Однако есть весьма существенное уточнение к общизвестному тезису о пользе регулярных тренировок. Выпускники университета — спортсмены чаще страдают от инфарктов в зрелые годы, если они отказываются от активных занятий физкультурой: спорт изменяется, к сожалению, не прощает. И, напротив, мужчины, которые в студенческие годы были далеки от спорта, могут уменьшить угрозу инфаркта, если обращаются к плаванию, бегу или другому виду энергичной физической деятельности.

«РИДЕРС ДАЙДЖЕСТ», США

Африка пока отстает

Со своими 30 миллионами квадратных километров Африка — второй после Азии континент.

По статистическим данным 1974 года, население Африки насчитывает 403 миллиона жителей. Средняя плотность здесь невелика — всего 13 человек на квадратный километр. Кстати, такая же плотность населения и на американском континенте. Но это всего лишь едва половина европейской (27 человек на кв. км) и немногим менее трети общемировой плотности населения.

Даже исключая пустыни, можно заметить, что Африка — явно недостаточно населенный континент. Африканский уровень рождаемости — один из самых высоких в мире (он колеблется между 3 и 3,5 процента), однако на этом континенте и самая высокая смертность — 137 на тысячу. Из пяти континентов мира именно в Африке самая низкая продолжительность жизни, примерно 42

года. Напомним, что средняя мировая продолжительность жизни в начале семидесятых годов составляла около 57 лет на американском континенте — 60, а в Европе еще больше — 68 лет.

Особенно разительно отставание Африки в экономическом плане. Общий валовой национальный доход континента едва достигает 147 миллиардов долларов, что составляет 2,7 процента от валового мирового дохода. Это дает в среднем по 365 долларов на каждого африканца и является самым низким доходом в мире.

Добавим, что весомая часть валового национального дохода падает на привилегированные государства этого самого бедного в мире континента, прежде всего на африканские страны, добывающие нефть — 43 миллиарда долларов.

— ЖЕН АФРИК, ТУНИС

Голод в Чили

В декабре 1977 года цена на хлеб — один из основных продуктов питания — взросла в Чили почти вдвое. Если раньше один килограмм хлеба стоил 8, то теперь уже 10—15 песо. А это означает, что 220 тысяч чилийцев, получающих официальный минимум заработной платы, равный 750 песо в месяц, вынуждены тратить на покупку килограмма хлеба половину своего однодневного заработка.

Голод стал для чилийцев обычным явлением. По сути дела, здесь едят один раз в день. Завтрак чаще всего пропускают, иногда заменяя его порцией мороженого (летом) или стаканом фруктового сока. А основная еда — ужин — состоит из овощей и хлеба.

Число безработных в Чили достигло 60 процентов от числа всех трудоспособных, что составляет почти миллион восемьсот тысяч человек. Для этих людей практически единственная возможность не умереть с голоду заключается в том, чтобы попытаться обеспечить

себе место в одной из 520 благотворительных столовых (в Сантьяго, например, их 320), которые распространяют ежедневно почти 50 тысяч бесплатных обедов. Сначала эти столовые были созданы только для детей, но теперь ими вынуждены пользоваться и взрослые. На детях особенно сказывается недостаток. Ведь вместо необходимых им ежедневно 2500 калорий, определенных по нормам ФАО (Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН), чилийские подростки получают едва полторы тысячи калорий.

Из-за недоедания родителей дети рождаются уже ослабленными. Сейчас Чили занимает одно из первых мест в мире по детскому смертности. Так, на каждую тысячу детей 26,5 умирают, едва родившись, 34 — в течение первых 28 дней, 66 не достигают года и 30 умирают до достижения ими четырех лет.

— ЕУРОПЕО, ИТАЛИЯ

Обзор зарубежной печати.
Материалы печатаются в изложении.

посадочная полоса 08

Артур ХЕЙЛИ, Джон КАСТЛ

Перевод Марии БОГДАНОВОЙ

ПОВЕСТЬ

Выходя, Байард почти столкнулся в дверях с худым, длиннолицым англичанином по прозвищу «Пейдодна».

— Могу ли я чем-нибудь помочь, доктор? — спросил он озабоченно.

Байард не мог не улыбнуться.

— Спасибо. Но прежде, что вы ели на ужин?

— Слава богу, мясо, — поспешил ответил англичанин.

Хорошо. Тогда нам незачем беспокоиться хотя бы о вас. Не помогает ли вы в таком случае стюардессе раздать заболевшим пассажирам питьевую воду? Нужно, чтобы они выпили по крайней мере три стакана, а если могут, то и больше.

Пейдодна вошел в кабину и подмигнул стюардессе.

— Не волнуйтесь, мисс, все будет хорошо.

Джанет ответила ему со слабой улыбкой.

— Я тоже в этом уверена, спасибо. Вот посмотрите, здесь чашки, а вот тут кран, мистер?..

— Ребята зовут меня Пейдодна.

— Пейдодна? — недоверчиво переспросила Джанет.

— Ну да. Я из Ланкашира. Там меня и прозвали так.

— Вот оно что! — Джанет рассмеялась.

— Так-то лучше. Где эти ваши чашки? Давайте, детка, начнем. Что ли. Ну и хорошенчик же у вас самолет! Сначала дают обед, а потом требуют его обратно.

Внести суматоху в работу современного аэропорта может только какое-то из ряда вон выходящее событие. Но даже если бы там вдруг и возникла паника, что почти исключено, то она была бы тут же жестко подавлена. В противном случае это привело бы к страшным последствиям.

Как только стало поступать срочное сообщение Дана, в диспетчерском пункте Ванкувера атмосфера наэлектризовалась до предела.

На радиостанции принимали сообщение. Радист прервался только на секунду, чтобы нажать на сигнал тревоги. В то время, как он в полной невозмутимости продолжал работать, к нему подошел человек и, перегнувшись через плечо радиста, начал читать то, что возникало на листе бумаги, вставленном в машинку. Этот человек, вызванный сигналом тревоги, был руководитель полетов, знавший все воздушные трассы в северном полушарии, как дорожки в своем саду. Или, наверное, даже лучше, потому что в его саду вечно все зарастало и перезревало. Дойдя до половины сообщения, он вдруг резко оторвался от него и, обратившись к телефонисту в другом конце комнаты, властно отчеканил:

— Срочно свяжите меня с командно-диспетчерским пунктом. Затем дайте мне внеочередную телетайпную связь с Виннипегом.

Отдав распоряжения, руководитель полетов взял телефон и через несколько секунд заговорил невозмутимым голосом:

— У телефона руководитель полетов. С самолета рейса 714 компании «Мэпл Лиф Чартер» получено чрезвычайное сообщение. У них на борту несколько случаев тяжелого отравления пищевой. Среди заболевших — второй пилот. Освободите все воздушные трассы под ними на случай срочной посадки.

Нажав на рычаг телефона и не убирая с него руки, он крикнул оператору на телетайпе:

— Ну как, свяжитесь с Виннипегом? Хорошо. Отправьте сообщение. Начинайте. «Руководителю полетов аэропорта Виннипег. Срочно. Самолет рейса 714 компании «Мэпл Лиф Чартер» сообщает, что у них на борту несколько случаев тяжелого отравления пищевой. Считают, что причиной явилась рыба, поданная на ужин во время полета. Немедленно проверьте поставщиков и наложите запрет на все продукты из того же источника. Учтите, на этот раз был случайный поставщик».

Продолжение. Начало в №№ 10—11.

Обернувшись к телефонисту, он потребовал:

— Соедините меня с местным агентом компании «Мэпл Лиф Чартер». Его имя Бёрдек. Затем мне нужно связаться с полицией.

Распорядившись, он продолжил чтение радиограммы Дана. Закончив, он сказал радисту:

— Подтвердите получение, Грег. Передайте им, что все трассы под ними свободны и вскоре мы их проинформируем о возможной посадке. Пусть они постоянно ставят нас в известность о состоянии больных пассажиров.

Этажом ниже диспетчер канадского главного управления полетами западного направления, разко развернувшись в кресле, крикнул через всю комнату:

— Проверьте обстановку в зеленом коридоре № 1 между нами и Кэлгари!

— В восточном направлении движется самолет военно-воздушных сил «Северная звезда», высота 18 тысяч метров. Сейчас он над Пенктионом. Затем самолет 714 компании «Мэпл Лиф».

— 714-й в чрезвычайном положении. Требуется, чтобы все трассы под ним были свободны.

— «Северная звезда» летит далеко впереди. Позади чисто. В восточном направлении готовится к взлету «Констелейшин».

— Взлет разрешаю. Но все другие самолеты восточного направления пока задержать. Дайте посадку «Северной звезде» тотчас, как он прибудет.

Наверху руководитель полетов снова взялся за телефон, свободная рука его потянулась к галстуку: узел, казалось, душил его. С раздражением дернувшись, он сбросил галстук на стол.

— Хэлло, Бёрдек. Говорит руководитель полетов. Мы получили сообщение о чрезвычайном положении на одном из ваших самолетов — 714-й Торонто — Виннипег. Что? Нет, самолет в порядке. Сказал им, чтобы выяснили, откуда были получены продукты. Известно только, что это не был постоянный поставщик авиалиний. Что? Было бы гораздо лучше, если бы вы пришли сами к нам и как можно быстрее.

Нажав на рычаг, он обратился к телефонисту:

— Связались с полицией? Хорошо, соединяйте. Хэлло, это руководитель полетов аэропорта Ванкувер. Простите, с кем я говорю? Вот что, инспектор, на одном из прибывающих самолетов случилось несчастье. Несколько пассажиров и один член экипажа отравились пищей. Нам нужны машины «Скорой помощи» и врачи. Что? Да, три серьезных случая, возможно, будут еще. Надо быть готовыми. Самолет должен прибыть после пяти по местному времени. Это примерно через два с половиной часа. Подготовьте места в больнице, вызовите машины и дорожную охрану. Ясно? Мы снова свяжемся с вами, как только получим новую информацию.

Через несколько минут в комнату ворвался Гарри Бёрдек. Управляющий местным отделением компании «Мэпл Лиф» был полным, небольшого роста мужчиной с вечно лоснявшимися лицом. Тяжело дыша, он остановился посреди комнаты, перекинув пиджак через руку и вытирая лицо огромным носовым платком в горошек.

— Где сообщение? — задыхающимся голосом проговорил он. Пробежав глазами по бумаге, которую протянул ему радист, он спросил: — Какая погода в Кэлгари? Ведь туда для них гораздо быстрее.

— Это невозможно. Там туман вплоть до Манитобы. Им ничего не остается, как продолжать полет.

Один из сотрудников, оторвавшись от телефона, громко сказал:

— Из отдела перевозки пассажиров. Интересуются, когда мы возобновим полеты в восточном направлении. Спрашивают, держать ли пассажиров в городе или везти сюда.

— Пусть держат их в городе. Незачем здесь устраивать столпотворение. Мы тотчас сообщим, когда аэропорт будет снова открыт, — отозвался руководитель полетов.

— Вы вроде бы уже позаботились о медицинской помощи? — спросил Бёрдек.

— Этим занялась городская полиция. Они предупредили больницы и организуют доставку больных.

Бёрдек прищёлкнул пухлыми пальцами.

— Постойте! В сообщении сказано, что второй пилот тоже слег. Об этом, вероятней всего, сообщил сам командир? А если и он отравился? Вы лучше спрячьтесь сейчас у них об этом. А я пока выясню, нет ли на борту врача. Вдруг все-таки есть. Перерайтите им, что, если есть необходимость, мы можем организовать медицинскую консультацию по радио.

Руководитель полетов кивнул и взял со стола радиста микрофон. Но не успел он начать, как Бёрдек снова обратился к нему:

— А что, если командир действительно заболеет? Кто же тогда...

Но докончить ему не дал холодный и спокойный взгляд руководителя полетов.

— Лучше всего без этих «если», — сказал он. — Все, что мы можем, — это уповать на господа Бога. Это делают, наверное, и те, наверху.

Шумно вздохнув, Бёрдек начал шарить по карманам в поисках сигарет.

— Джо, — обратился он к радисту. — Соедини меня с доктором Дэвидсоном. Его номер в списке для экстренных случаев.

ГЛАВА IV

Примерно в четырех милях над землей самолет продолжал лететь своим курсом.

Повсюду, насколько хватало глаз, под ним расстипалась волнистый покров облаков. Они уходили назад настолько незаметно, что казалось, самолет висит над ними неподвижно. Это был холодный пустынный мир, в котором сердцебиение двигателей гулко отдавалось в отливающем серебром пространстве.

При ясной погоде этот мощный пульс двигателей разносился бы по безлюдным долинам Скалистых гор. Но этой ночью звук пролетающего самолета был смягчен наземным туманом и лишь слегка проникал сквозь его толщу в тишину редких фермерских усадеб, никого там не тревожа. Но если кто-нибудь и услышал бы вдруг звук самолета, то отнесся к нему как к обычному явлению, не стоящему особого внимания. Или, может быть, ему пришло бы в голову, что неплохо бы оказаться там, наверху, летящим куда-то далеко-далеко в полном комфорте. Но он никогда бы не смог вообразить себе, что любой на этом самолете с великой радостью поменялся бы с ним местами.

Как семя чудовищного сорняка, страх начал распространяться среди большинства пассажиров. Конечно, были и такие, до которых все еще не доходил смысл происходящего. Остальные же, особенно те, кто видел мучения заболевших, ощущали, что происходит нечто ужасное.

Байард дал Джанет две таблетки.

— Отнесите их командиру, — сказал он ей, понизив голос. — Скажите, пусть пьет как можно больше воды. Если я проник к нему в организм, вода разбавит и ослабит его действие. Затем ему следует принять эти таблетки. Они вызовут рвоту, но это как раз и нужно.

Когда Джанет вошла в кабину пилотов, Дан заканчивал радиосвязь. Он со вздохом откинулся назад и устало усмехнулся.

— Привет, Джэн, — сказал он. Его рука слегка дрожала. — Ну и рейс! Ванкувер только что запрашивал все подробности. Я так и думал, что мы наделаем там шуму. Ну, как дела?

— Пока ничего, все так же, — сказала Джанет с такой легкостью, на которую только была способна. Она протянула таблетки. — Доктор сказал, что вы должны выпить как можно больше воды, а потом принять вот это. От них вас станет тошнить.

— Прекрасная перспектива? — Он потянулся к

Рисунок
Валерия
СМИРНОВА

карману у ручки кресла и достал оттуда бутылку воды.— Ну, где наша не пропадала!

Сделав несколько больших глотков, он проглотил пилюли.

Джанет озабоченно смотрела на командира, сидевшего у мигающей панели приборов. Рядом два штурвала управления, подчиняясь таинственной воле автопилота, двигались рывками то вперед, то назад.

— Как вы себя чувствуете? — спросила она, прислонившись к плечу командира. От ее настороженного взгляда не ускользнули ни его бледность, ни бисеринки пота на лбу. И она молила бога, чтобы это было лишь признаком перенапряжения.

— Я? — Голос командира звучал с нарочитой бодростью и непринужденностью. — Прекрасно. А как ты? Приняла уже таблетки?

— Они мне не нужны. На ужин я ела отбивную.

— И не просчиталась. А я становлюсь с сегодняшнего дня вегетарианцем — так безопаснее всего.

Он обернулся и посмотрел на своего помощника, распростертого прямо на полу.

— Бедняга Пит, — пробормотал коммандир. — Но я уверен, что все обойдется.

— Это зависит от вас, — проговорила Джанет с жаром. — Чем быстрее вы пригоните нашу старушку в Ванкувер, тем скорее мы доставим его и других в больницу.

Она подошла к Питу, получше подоткнула вокруг него одеяло и, едва сдерживая неожиданно навернувшиеся на глаза слезы, быстро отошла. Дан с тревогой наблюдал за ней.

— По-моему, он тебе очень нравится. Верно? — сказал он.

Она нервно тряхнула своей золотистой головкой и тихо проговорила:

— Да... наверное. Он мне сразу понравился, как только пришел в наш экипаж. А теперь... этот ужас... Я просто...

С трудом справляясь со слезами, она направилась к двери.

— У меня столько дел! Придется подержать некоторых молодцев, пока доктор им будет влиять в горло воду. Ведь они привыкли не к такой жидкости.

Она бросила Дану быструю улыбку и исчезла за дверью.

Байард стоял в проходе у среднего ряда кресел и разговаривал с пожилой супружеской парой.

— Доктор, — с возбужденной настойчивостью продолжала женщина. — Я же видела, как эта молоденькая девушка, стюардесса, то и дело заходила в кабину пилотов. Что с ними? Все в порядке? А если и они заболеют, что же тогда со всеми нами будет? — Она вцепилась в мужа. — Гектор! Мне страшно. И зачем мы только поехали...

— Ну, ну, дорогая, успокойся! — откликнулся муж, стараясь придать голосу как можно большую уверенности, которой на самом деле ему самому явно не хватало. — Нет никакой опасности, я уверен. Ведь ничего катастрофического до сих пор не произошло. — Его выпуклые глаза, увеличенные еще больше стеклами очков в роговой оправе, испуганно взглянули на доктора. — А что если пилоты? Рыбу?

— Совсем не обязательно, чтобы вся рыба была испорчена, — уклончиво ответил Байард. — Кроме того, мы не можем утверждать наверняка, что всему виной была рыба. Вам не о чем беспокоиться. Мы надлежащим образом позаботимся об экипаже. А теперь, пожалуйста, скажите, что вы сами ели на ужин? Рыбу или мясо?

Глаза мужчины, еще больше округлившиеся от ужаса, казалось, вот-вот выкатятся из орбит.

— Рыбу! — воскликнул он.—Мы ели рыбу. Но ведь это же позор.

Теперь он начинал весь закипать от возмущения.

— Позор, что случается такие вот вещи! Они обязаны произвести расследование.

— Я вас заверяю, что так оно и будет, какая бы тут ни крылась причина.—Байард вручил им по таблетке, которые они приняли с такой осторожностью, будто это было что-то взрывоопасное.—Теперь вам принесут воду, и вы постараитесь выпить три стакана воды каждый. А еще лучше четыре. Затем примите эти таблетки. От них вас будет рвать, но так и нужно. В карманах сидений вы найдете бумажные пакеты.

Пройдя дальше вдоль рядов, он добрался наконец до своего кресла.

— Мясо! — быстро проговорил Спенсер прежде, чем Байард успел задать вопрос.

— Вам повезло,—сказал Байард.—Да и мне тоже — на одного пациента меньше.

— Достается же вам сейчас, доктор,—отметил Спенсер.—Может быть, я чем-то могу помочь?

— Какой тут от вас толк! — проворчал доктор.—Разве что помочь мисс Бенсон раздать воду.

— Я готов! — И, понизив голос, он добавил:—Кажется, кому-то там сзади здорово не по себе.

— Да. Им очень плохо. Черт бы все это побрал! — проговорил с горечью Байард.—Ведь у меня ничего нет с собой, что на самом деле могло бы им помочь. Когда едешь на футбольный матч, как-то не думаешь, что по пути тебе придется лечить десяток людей от отравления. У меня есть лодинден и морфий — никогда не езжу без них. Но в данном случае от них может быть больше вреда, чем толку. Но надо же, бог меня все-таки надумил взять с собой рвотные таблетки, хотя гораздо большее пользы было бы от драмамина.

— А для чего он?

— При таком сильном отравлении самым опасным является то, что человек теряет воду в большом количестве. Инъекция этого лекарства помогла бы предотвратить обезвоживание.

— Слава богу, что я ел мясо. Я как-то не чувствую себя готовым отдать всю свою воду.

Байард мрачно посмотрел на него.

— Если вы находите в этой ситуации что-то смешное, то я, простите, нет! — произнес он резко.—Единственное, что я сейчас ощущаю, это абсолютную беспомощность в то время, как другие страдают все больше и больше.

— Не нападайте на меня, док, — запротестовал Спенсер.—Я ничего плохого не хотел сказать. Я просто страшно рад, что мы не заболели, как те другие, бедняги, от этой рыбы.

— Да, да, вы, наверное, правы.—Байард провел рукой по глазам.—Я скорей всего становлюсь уже стар для таких ситуаций.

— О чём это вы?

— Да так просто. Так.

Спенсер поднялся с кресла.

— Вы молодец, доктор, так и надо. Вы делаете большое дело, ваше присутствие здесь — самая большая в жизни удача для этих бедняг.

— Ну-ну, юноша, — отпарировал Байард не без сарказма.—Приберегите ваши красивые слова для торговых сделок. Я ведь не собираюсь подписывать с вами контракт.

Спенсер слегка покраснел:

— Браво, доктор! Так меня! Ну, хорошо. Скажите мне только, что делать. Я тут, можно сказать, только штаны протираю, пока вы там трудитесь. Устали, наверное?

— Усталость здесь ничто! — Байард положил руку на плечо Спенсера.—Не обращайте на меня внимания. Просто мне надо было немного разрядиться. Теперь полегче стало. А ведь это все из-за того, что знаешь, чтоб нужно делать, и не можешь.

— Все хорошо, — сказал Спенсер, улыбаясь.—Рад, что хоть чем-то пригодился вам.

— Я скажу мисс Бенсон, что вы хотите помочь, если ей нужно. Но воду как будто уже раздали, так что лучше оставайтесь на месте. В проходе и так уж слишком оживленное движение.

— Как прикажете. Но я всегда в вашем распоряжении.

Спенсер снова сел в кресло.

— Скажите, Байард, все это очень серьезно?

Байард пристально посмотрел ему прямо в глаза.

— Настолько серьезно, что вам даже трудно это себе представить, — сказал он.

Доктор поднялся и подошел к уже притихшей компании мужчин, которые в начале полета с большим усердием прикладывались к спиртному. Одному из них было совсем плохо. Он распростерся в кресле и дрожал всем телом, хотя сверху на него было накинуто плотное одеяло.

— Надо все время держать его в тепле, — сказал Байард.—Он много сегодня пил?

— Вы шутите? — откликнулся мужчина позади

доктора.—Он осушил не меньше двух бутылок виски, уж я-то знаю.

— Перед или после ужина?

— И до и после.

— Верно, — подтвердил его собутыльник.—Но я всегда думал, что Гарри может удержать то, что влил в себя.

— Ну, если не смог, то в данном случае это только ему на пользу: уменьшилась концентрация яда. У кого-нибудь из вас осталось еще бренди?

— У меня ни капли, — ответил один.

— Подождите, — откликнулся другой и, наклонившись вперед, потянулся к заднему карману брюк.—У меня должно было остататься что-то во фляжке. Правда, мы отдали ей должное, когда ждали самолет в Торонто.

— Дайте ему несколько глотков, но очень осторожно, — наставительно произнес Байард.—Ваш друг очень ослаб.

— Бедняга Энди, — жалостливо проговорил тот, откручивая пробку.—Ему вечно в чем-то не везет. Э-э-э... доктор! — воскликнул вдруг он, будто какая-то мысль страшно поразила его.—Вы говорите, что он очень плохо, но ведь он поправится, верно?

— Думаю, что да. Но вы должны стараться следить за ним, как я вам сказал, и чтобы он ни в коем случае не сбрасывал с себя одеяла.

— Кто бы мог подумать, что такое случится со стариной Энди! А этот наш английский чудак, Пейдодна, вы его взяли на службу?

— Он любезно вызвался помочь нам.

Пройдя дальше по проходу, Байард увидел Джанет, озабоченно склонившуюся над мисс Чилдер. Приподняв веко больной, он убедился, что она без памяти. Ее муж в какой-то безумной надежде ухватился за присутствие доктора.

— Как она? — умоляюще спросил он.

— Сейчас, когда она без сознания, ей лучше переносить боль, — произнес Байард, надеясь, что это звучит достаточно убедительно.—Когда организм уже не в состоянии больше терпеть, природа приходит на помощь и опускает занавесу.

— Доктор, я боюсь. Я никогда не видел, чтобы ей было так плохо. Но она же поправится, верно?

— Конечно, — ответил мягко Байард.—Постарайтесь не волноваться. На аэропорту нас будут ждать санитарные машины, и ее тотчас доставят в госпиталь. И тогда дело за лечением, пройдет некоторое время, и она поправится.

— Боже мой, — прошептал Чилдер с тяжелым вздохом.—То, что вы говорите, успокаивает нечто.

«Да, — подумал Байард, — ну, а если бы у меня хватило духу сказать всю правду, что тогда?»

— Так вы полагаете, что причина отравления — рыба, доктор?

— В настоящий момент я не располагаю никакими средствами для точного диагноза, но мне кажется, что я прав. Отравление пищей может быть вызвано либо тем, что она испорчена, либо каким-то ядом, попавшим в нее во время приготовления.

— А что же в этом случае, доктор? — спросил пассажир в следующем ряду, напряженно вслушивавшийся в разговор Байарда с мужем больной.

— Не могу сказать с уверенностью, но, судя по некоторым признакам, можно предположить скорее вторую причину — какое-то токсикозное вещество.

— А какое?

— Не представляю себе. Мы не можем знать этого до тех пор, пока не будут произведены лабораторные исследования. Современные методы приготовления пищи — и особенно та осмотрительность, с какой это делают на авиалиниях, — должны были бы исключить такую возможность. Но нам не повезло: продукты были доставлены на самолет не от постоянного поставщика. Что-то там произошло из-за нашего позднего прибытия в Виннипег.

Чилдер кивнул, обдумывая слова Байарда. «Странно, как легко люди находят утешение в словах врачей, — отметил про себя доктор не без сарказма.—Даже если врач говорит какие-то не приятные вещи, одно то, что их произносит человек с медицинским образованием, делает их менее страшными. Всегда есть надежда на доктора с его волшебной сумкой, откуда он достанет спасение для больных». Большую часть жизни Байард лечил, ухаживал, выхаживал, спасал, успокаивая напуганных и беспомощных людей, обнадеживая их силой своих знаний и каждый раз веря, что его умение не подведет. Но вот настал действительно решающий момент, серьезный вызов его мастерству. Он должен был когда-нибудь наступить. Байард это знал.

Он почувствовал, что рядом появилась Джанет. Одного взгляда было достаточно, чтобы Байард понял: она на грани истерики.

— Еще двое пассажиров заболели, доктор. Там, сзади.

— А вы уверены, что это не от пиллюль?

— Да, совершенно уверена.

Хорошо. Сейчас иду. А вы пока взгляните на второго пилота. Может быть, ему надо дать воды.

Он успел лишь подойти к двум новым больным и начать осмотр, как вернулась Джанет.

— Доктор, я очень беспокоюсь... Мне кажется... Сирена сигнала внутренней связи оборвала ее на полуслове, как удар ножа. Она замерла на месте, а сирена продолжала звучать. Первым двинулся Байард.

— Не беспокойтесь! — быстро проговорил он пассажирам.—Скорее!

С проворностью, которой он раньше за собой не знал, Байард побежал вдоль прохода и ворвался в кабину пилотов. Там он на секунду приостановился, вбирая глазами открывшуюся картину и пытаясь ее осознать, и в следующее мгновение как-то издавательский, но угрожающий голос произнес внутри него: «Ты был прав — вот оно!»

Командир застыл в неловкой позе у себя в кресле, пот покрывал все его лицо и стекал струйками за воротник. Одна рука была прижата к животу, другой он нажимал на кнопку сирены.

В два прыжка доктор оказался около него и, подложив руку под спину командира, стал вытаскивать его из кресла. Дан тихо и злобно выругался сквозь стиснутые зубы.

— Ну, ничего, командир, — сказал Байард.—Давайте мы вас вытащим отсюда.

— Я сделал... как вы сказали... — Дан задохнулся, прикрыл глаза. Он с трудом выдавливал из себя слова.—Было уже слишком поздно... Дайте мне что-нибудь... Надо держаться... Посадка... Самолет на автопилоте, но... нужно посадить... Передайте на командный пункт... Скажите... — Рот его едва двигался. С отчаянным усилием он пытался продолжать. Но глаза его закатились, и он потерял сознание.

— Быстрее, мисс Бенсон, — позвал Байард.—Помогите мне вытащить его.

Тяжело дыша от напряжения, они вытащили отяжелевшее тело Дан из кресла и положили его на пол. Байард вынул стетоскоп и быстро осмотрел пилота. В это время Джанет достала пальто и одеяло. Как только доктор кончил, она устроила командиру подушку и тепло его укутала. Когда она поднялась на ноги, ее всю колотило.

— Вы можете сделать то, что он просит, доктор? Можете ли вы дать ему что-нибудь, чтобы он смог посадить самолет?

Байард засунул свои инструменты обратно в карман. Он взглянул на блоки циферблотов и переключателей, на самопроизвольно движущиеся штурвалы. В сгущенном свете приборов его лицо показалось гораздо более старым и страшно измученным.

— Вы член экипажа, мисс Бенсон, поэтому я буду говорить прямо.

Его голосозвучал настолько сурово, что Джанет невольно подалась назад.

— Вы в состоянии выслушать довольно неприятные вещи?

— Да... да... — запнувшись помимо своей воли, ответила Джанет.

— Прекрасно. Если я не доставлю этих людей в больницу в скором времени, в самом скором... я не могу быть даже уверенными, спасем ли мы их вообще.

— Но...

— Им нужны соответствующие инъекции. И командиру тоже. Он слишком долго держался.

— Ему очень плохо?

— Его положение скоро станет критическим, как, впрочем, и всех остальных.

— Доктор, что нам делать??

— Позвольте мне задать вам вопрос. Сколько пассажиров на борту?

— Пятьдесят шесть.

— Сколько вы подали порций рыбы?

— Что-то около пятнадцати. Большинство ели мясо, а некоторые вообще ничего, так как было уже слишком поздно.

— Ясно.

Байард посмотрел на нее в упор. Когда он снова заговорил, его голос был резок, почти неприятен.

— Мисс Бенсон, вы когда-нибудь слышали, что такое ставить на темную лошадку?

— Темную лошадку? Да, что-то слышала. Но я не знаю, что это такое.

— Я объясню вам, — сказал Байард.—Это значит, что у нас один шанс спастись, зависящий от того, есть ли на борту самолета среди пятидесяти шести человек один, который не только смог бы посадить самолет, но и к тому же еще не ел рыбу на ужин.

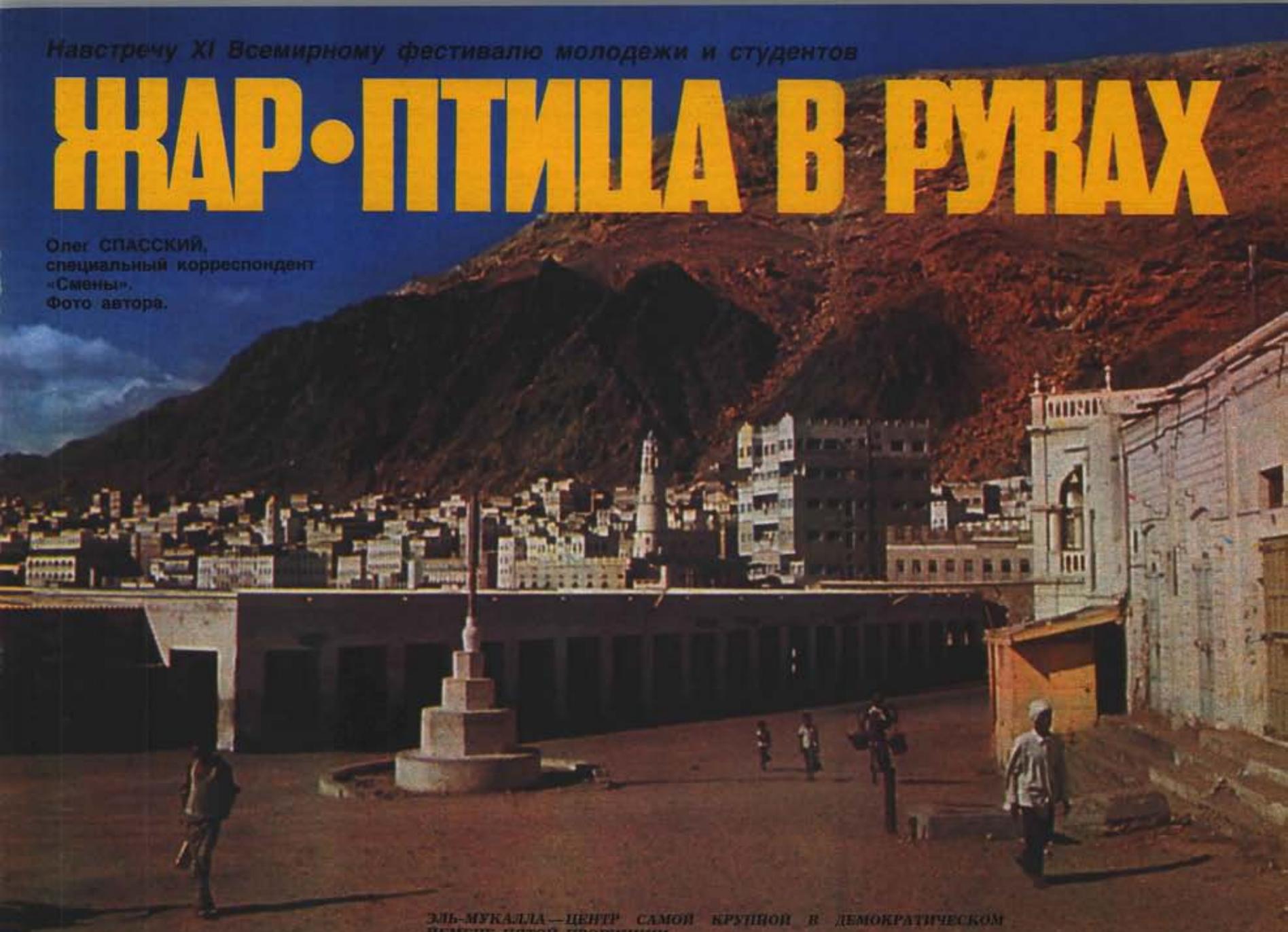
Его слова тяжело повисли в тишине, в то время как они молча смотрели друг на друга.

Продолжение следует.

Навстречу XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов

ЖАР-ПТИЦА В РУКАХ

Олег СПАССКИЙ,
специальный корреспондент
«Смены».
Фото автора.

ЭМЬ-МУКАЛД — ЦЕНТР САМОЙ КРУПНОЙ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ
НЕМЕНЕ ПЯТОЙ ПРОВИНЦИИ.

В СОЮЗЕ МОЛОДЕЖИ
ВСЕ БОЛЕЕ ЗАМЕТНУЮ РОЛЬ
ИГРАЮТ ДЕВУШКИ.

К востоку от Суэца

День-ночь-день-ночь — мы идем по Африке,
День-ночь-день-ночь — все по той же Африке,
(Пыль-пыль-пыль-пыль — от шагающих сапог!) —
Отпуска нет на войне!

Печет, как в аду. Дышать нечем. Термометры, кажется, взбесились, и ртутные столбики ползут, ползут, черт бы их побрал, вверх, как будто силятся выскочить из стеклянной своей тюрьмы.

Иссушающее дыхание великой Аравийской пустыни Руб-эль-Хали душит жизнь. Песок застилает солнце, проникает в дома, в казармы, рвется в глаза и рот, в душу человека, и спрятаться от песка невозможно.

ЗДЕСЬ ЖДУТ ГОСТЕЙ ИЗ СОВЕТСКОГО СОЮЗА.
РОВЕСНИКИ РЕВОЛЮЦИИ.

Африка — рядом, за Баб-эль-Мандебским проливом, за узкой полоской Красного моря, и британские солдаты завидуют сейчас тем, кому повезло быть в Африке. Тропическое солнце палит, сжигает, но когда объединяет оно свои силы с ветром с севера, из пустыни, то даже жаркая, душная Африка кажется здесь, на юге Аравийского полуострова, благостным временем.

Конец века девятнадцатого, начало века нынешнего. Солнце не заходит над Британской империей. Послушны приказам королевы Виктории и ее наследников Индия, жемчужина британской короны, и Египет, Бирма и юг Аравии...

И офицеры ее величества, не дожившие еще до спасительных кондиционеров, напоминают солдатам строки «железного Редьярда», знаменитое стихотворение Киплинга «Бремя белого человека». Строки эти читают, цитируют, ими восхищаются и их проклинают к северу и югу от экватора, к западу и востоку от Гринвича.

Неси это гордое Бремя —
Родных сыновей пошли
На службу тебе подвластным
Народам на край земли —
На каторгу ради угрюмых,
Мятущихся дикарей,
Наполовину бесов,
Наполовину людей...

«Keep right», — напоминает дорога. «Держитесь справа», — предупреждает дорога.

Всего полтора года назад, в январе 1977 года, в Адене перешли на правостороннее движение.

Сто двадцать девять лет колониального господства напоминают о себе и сегодня. Даже в такой «мелочи», как эта, — в следовании в течение десятилетий английским традициям левостороннего движения: и сейчас еще едва ли не в половине автомобилей, бегущих по дорогам, ползущих по пескам демократического Йемена, руль расположен с правой стороны.

Здесь, в Йемене, — и в душном, закрытом для ветра Кратере, старинном районе столицы страны, и в морском порту, гордости молодой республики, и в Мукалле, центре Пятой провинции, нет-нет да и всплывала в памяти тихая лондонская улица Гайд-парк гейт, где обрел вечный покой сэр Уинстон Черчилль. Политический деятель, бывший последним символом империи. Он с гордостью и, пожалуй, с обидой произнес знаменитые слова о том, что никогда не будет председательствовать на распродаже Британской империи, и поскольку эффектная эта фраза из памяти не стирается, я снова и снова вспоминал ее в НДР, куда приехал вместе со своими товарищами в дни Третьей недели дружбы советской и йеменской молодежи.

И в школе имени Революции, где три тысячи учеников встречали гостей из Советского Союза в просторном дворе, замкнутом кирпичной стеной бывшей британской тюрьмы, — всего лишь чуть более десяти лет назад маячили напротив школьных классов направленные наряд «Томми». И в техническом институте, где сразу же бросился в глаза лозунг — «Третья неделя дружбы — прекрасная молодежная традиция», где стены украшены портретами В. И. Ленина и трех руководителей Народной Демократической Республики Йемен.

Снова, в четвертый раз в этот день, звучит по-русски «Катюша», песня-символ, песня-приветствие, песня-рукопожатие, и Яхья, коллега-журналист, улыбается и то ли утверждает, то ли спрашивает: «Могли ли англичане представить себе такое?»

Вопрос риторический, и ответа не требуется. Нет, конечно же, не могли. Те, кто, по их понятиям, достоин был образования, получал его в Англии, и не только «Катюша», но и самая идея колледжа для детей бедуинов-кочевников казалась нелепостью.

Яхья Биняхъя Осман рассказывает:

— Я из той семьи, которые в Англии, говоря о колониях, стремились отнести к «мидл класс», к среднему классу, но, в сущности, мы скорее бедняки, едва ли не нищие. И потому я вскоре должен был бросить школу — нужно было идти работать. Но и тех знаний, что я приобрел, по йеменским категориям хватало для того, чтобы стал я учителем.

Преподавали в нашей школе на английском языке. Мы учили английскую грамматику, английскую литературу, Шекспира и Киплинга, английскую историю, но ничего не знали о нашей родине...

Путь к высшему образованию был открыт только для представителей компрадорской буржуазии, для детей султанов и тех чиновников, которые были тесно связаны с британскими империалистами.

Меняется карта земли. Становится страницей истории время колоний и протекторатов. Черчилль и

силы, стоявшие за ним, не в состоянии были остановить ход Истории.

Страна избавилась от колониальной зависимости. Страна идет по пути завершения национально-демократической революции и перехода к строительству социализма.

Яхья стремился к знаниям. Однако только победа революции дала ему возможность учиться. Он работал и читал, читал, читал. Тянулся к журналистике. Национальных кадров в печати и на радио практически не было. Да и сейчас в газете Союза молодежи демократического Йемена (СМДИ) всего три сотрудника.

Моего собеседника дважды посыпали на краткосрочные курсы в ГДР, а русский язык Яхья учил в Советском культурном центре (сейчас он стал Домом дружбы с СССР).

Журналистом мечтал стать потому, что уже сама эта профессия заставляет учиться, познавать мир, здесь более всего очевидна отдача — народ стремится к информации, к знаниям, к правде.

Начинал работать на радио. А радиоприемники, пусть чаще всего скромные, надо заметить, в демократическом Йемене есть у всех.

Яхья мне рассказывал, что однажды в редакцию Би-би-си пришло из одной арабской страны письмо с вопросом: «Что нужно делать, чтобы постоянно быть в курсе всего, что происходит и в своей стране и во всем мире?»

Лондонская редакция ответила:

— Собирайте вещи и переезжайте в демократический Йемен...

Песня о хлопке

Голые мрачные скалы серого цвета, первая примета Адена, на глазах становятся темно-серыми, а затем и черными. Сумерки, вечер — эта часть суток здесь почти неуловима: день сразу же переходит в ночь.

Стремительно, одна за другой, загораются звезды. Месяц замирает рогами вверх, и на привычном месте нет Большой Медведицы.

Разноцветными огнями праздничной иллюминации освещена выставка, рассказывающая о десятилетии независимости Народной Демократической Республики Йемен.

Десять тысяч зрителей, наслаждаясь вечерней — относительной — прохладой, смотрят концерт художественной самодеятельности.

Крестьянин из Второй провинции, а страна разделена на шесть мухафаз — провинций, читает собственную поэму. Он стоит на сцене, у микрофонов, в традиционном одеянии — в бело-синей клетчатой юбке-футе, босиком, белые зубы сверкают под черными усиками, и выкрикивает под одобрительный гул слушателей: «Мы избавились от господ, от султанов, в нашем Совете только люди народа, осуществившего революцию. Крестьянин, борись, работай каждый день, и хлеб твой будет сладок, и никогда не вернется султан, и ты пойдешь вперед, к благополучной жизни. Учись, работай. Работай, учись. И ты будешь жить рядом с братьями, и повсюду будут царить любовь и согласие, а империалисты и их прислужники ничего не смогут сделать. Работай, работай, крестьянин, работай!»

Потом начинается песня о хлопке. На сцене девять музыкантов и семь певцов. Впервые вижу скрипача-левашу. Тон задает ударник. Только рядом с ним не привычные нам барабан и литавры, а тарбук, ударный местный инструмент, внешне похожий на телевизионный кинескоп.

Солисты поют: «Как хороши наши нитки, как много замечательных вещей сможем мы сделать из этой ткани. О, этот хлопок, он дороже нам плодов пальмы!»

Последняя строка повторяется шесть раз.

Пары девушек, сменяя друг друга, пританцовывают на сцене. Все они босиком, все в брюках и разноцветных красочных кофточках, как бы призванных показать все возможности хлопка, все разнообразие цветов.

«О, этот хлопок, мы соберем, соберем его для нашего народа, для людей, победивших всех врагов...»

Слушаю песню, смотрю танец и вспоминаю утреннюю поездку на «Голд Мор», фешенебельный пляж, созданный много лет назад для иностранцев, на который йеменцев прежде не пускали и где сегодня живут жители Адена так же много, как и зарубежных специалистов, работающих здесь по контрактам. На пляже этом — благодатная тень, высокий кустарник, белые, розовые и красные олеандры, прохладные

души с пресной водой. Так вот, растет здесь и хлопковое дерево, которое хлопка, однако, не дает. Дерево, название которого звучит как напоминание о долгих годах обмана, о тех обещаниях и заверениях колонизаторов, которые они и не думали выполнять.

А песня продолжается: «Где же ты, моя любимая? Где твои глаза, в которые мне так хочется заглянуть? Мы должны быть рядом, работать вместе, вместе собирать наш хлопок для нас».

Песня эта перекликается с поэмой крестьянина из Второй провинции: нам нужно работать, вместе работать, старательно работать, хорошо работать.

Нетрудно догадаться, что эти ансамбли — по форме своей, по задачам, которые они решают — в сущности, те же «синие блузы», что создавались у нас пять с лишним десятилетий назад, только перенесенные в тропики, в пустынные пески аравийской земли. Три года назад я уже совершил такое же путешествие в «машине времени» назад, в прошлое, в историю «синих блуз», только на другом континенте и по другой стороне экватора, когда побывал в одном из лицеев Пунт-Нуара, в Народной Республике Конго. Меняется география, социальные и культурные условия, традиции страны, но использование самых популярных форм народного искусства — песни, танца, пародийного изображения власти имущих — притягательной силы своей не утрачивает.

На следующее утро мы беседуем с Риад Аль-Акбари, вторым секретарем Центрального Комитета СМДИ, и он, рассказывая о задачах, которые стоят перед Союзом молодежи, говорит, что один из самых страшных и опасных пережитков прошлого — неверное отношение к работе. И проявляется оно не только в неумении, но и — нередко — в нежелании работать так и столько, сколько нужно.

Мы хорошо понимаем, что важен не только правильный лозунг, но и его выполнение. Сто двадцать девять лет колониального господства наложили свой пагубный отпечаток на нашу жизнь, на отношение людей к собственности (не сразу все понимают, что теперь — это наша страна, наша собственность), к технике, к промышленному оборудованию.

Не забывайте, что перед нами, перед Союзом молодежи, стоит задача борьбы с идеологией не только капитализма, но и феодализма. Вот почему мы считаем, что идеологическая, воспитательная работа среди молодежи — для нас самое главное.

Мы укрепляем классовый состав Союза молодежи демократического Йемена, работаем как помощники Объединенной политической организации Национальный фронт (ОПОНФ). В стране идет подготовка к созданию авангардной партии. Она станет ведущей общественной силой, которая возглавит движение демократического Йемена по пути завершения национально-демократической революции и перехода к строительству социализма.

Наш союз — резерв и помощник ОПОНФ, и у нас немало молодых людей, которые могут быть да и стали уже достойными членами Объединенной политической организации: три четверти ОПОНФ составляют молодежь в возрасте до 30 лет. Мы участвуем в создании трудовых лагерей, в организации соревнований на предприятиях, стараемся повысить роль СМДИ на заводах, в кооперативах, учреждениях, в учебных заведениях, чтобы внести свой вклад в повышение уровня и объема производства.

Необыкновенно важны в наших условиях и субботники, ибо они не только помогают выполнять планы пятилетки, но и — что еще существеннее — показывают, как надо относиться к общественному долгу.

Мы стремимся изучать опыт Ленинского комсомола, мы хорошо используем то, чему научились у ВЛКСМ, у могучего молодежного союза, обладающего богатейшим опытом...

СМДИ родился сравнительно недавно — на учредительном съезде в начале февраля 1973 года. На съезде были представлены Национальный фронт, Организация йеменской демократической молодежи имени ас-Саляхи и баасистская группа. Как гласит программа СМДИ, союз представляет собой массовую общественно-политическую организацию молодежи, в рядах которой передовая часть рабочего юношества, бедных крестьян, рыбаков, бедуинов, солдат, революционной интеллигенции, учащиеся — одним словом, вся молодежь, воодушевленная стремлением принять участие в построении нового общества, в проведении социально-экономических преобразований, направленных на улучшение жизни трудящихся страны.

Республика в начале пути.

Республике досталось тяжелое наследие. Сто двадцать девять лет английской колонизации привели к одностороннему, откровенно уродливому развитию экономики — метрополия проявляла интерес лишь к укреплению Адена, этой важнейшей военной базы Великобритании. Колонизаторы не создавали в этом районе промышленности, не исследовали недра, не

развивали сельское хозяйство, препятствовали формированию рабочего класса: ко времени завоевания независимости в полуторамиллионном Южном Йемене было всего лишь пять тысяч рабочих. На промышленность, сельское хозяйство, рыболовство приходилась лишь 1/4 валового национального продукта.

Нам рассказывали о выступлении Генерального секретаря ЦК ОПОНФ Абдель Фаттаха Исаила, в котором было сказано, что наследие колониализма проявляется, помимо всего прочего, и в том, что империалисты готовили не столько промышленных рабочих, сколько работников сферы обслуживания — развитие экономики Адена и Южного Йемена колонизаторов не интересовало. Более того, установлением системы беспошлинной торговли Англия мешала своей колонии создавать собственную промышленность, ибо здешние предприятия в таких условиях не могли выдержать конкуренции иностранных фирм.

Проблема формирования национального рабочего класса приобрела в НДРЙ жизненно важное значение.

Страна в начале пути. Нелегкого, полного надежд и испытаний пути. Успех придет в том единственном случае, если народ отдаст все свои силы построению нового общества, и потому СМДИ помогает Объединенной политической организации Национальный фронт убеждать каждого гражданина республики, что это его страна, что от усилий каждого зависит счастье и его и его семьи, и оттого-то и в песне о хлопке и в поэме, прочитанной крестьянином, звучит этот призыв: «Работай и учись. Учись и работай!»

Город пахнет рыбой

Запах рыбы преследует неотступно, куда бы я ни пошел. Жареной, копченой, соленой. Рыбу варят, жарят, вялят, сушат, пожалуй, в каждом доме, гирлянды посеревших рыбок протянуты над узкими улицами от дома к дому, в окнах, над балконами.

На улицах, ведущих к порту, поднимающихся от порта, тянувшихся вдоль порта (в этом городе все улицы связаны с портом) — бесконечные дары моря, и самый популярный сувенир — челюсть акулы, в которой сохранились все зубы опасной хищницы. Мясо акулы почитается деликатесом, а ее плавники, высушенные на солнце до твердости камня, удобны в дальних переходах через пески: бедуины, ведущие караваны верблюдов, в дорогу обычно берут рис и эти плавники.

Мукалла, второй по численности населения, по роли в экономике страны город НДРЙ, центр Пятой провинции, стоит у моря, и жизнь его неотделима от моря, от уловов, от удач рыбаков, от торговли рыбой, от переработки рыбы.

Стоит ли удивляться, что наш день в Мукалле начинается на море. Старенькие суденышки везут нас на рыбозавод, стоящий невдалеке от берега, и смуглые, широко улыбающиеся молодые люди протягивают нам руки, помогая перескочить на трап, по которому мы поднимаемся на палубу завода. Он стоит на якоре, и к нему причаливают «рыбаки». Завод рассчитан на прием шести судов и вырабатывает рыбную муку, часть которой идет в пищу, другая — на корм птицы и животных, остальное — на удобрения. Кроме того, здесь производят рыбий жир.

Улов рыбы растет. Если в 1968 году было выловлено 90 тысяч тонн рыбы, то по пятилетнему плану в 1978/79 году предполагается довести улов до 216 тысяч тонн, и потому и рыбаки и рабочие завода уверены в своем завтрашнем дне.

Перемены коснулись работы и быта рыбаков южного побережья Аравии. Сегодня значительная их часть объединена в кооперативы, насчитывающие в общей сложности около десяти тысяч профессиональных рыбаков.

Сидя на берег, мы, однако, не прощаемся с морем — путь наш лежит в кооперативах, специализирующихся на строительстве лодок. Нам сказали в Адене, что поедем мы на судостроительный завод, но я не стал бы называть тот временный цех, куда мы попали, заводом. Работают здесь пока все-таки не корабельные, а плотники. Семьдесят пять рабочих, в том числе и женщины, делают «самбуки», а из отходов древесины — стулья и другую несложную мебель.

«Самбуки» — истары популярные в Йемене рыболовные лодки, отличающиеся острой кормой и удлиненной носовой частью. Лодки эти кажутся легкими и, пожалуй, не слишком надежными, но внешность обманчива: «самбуки» пользуются заслуженным уважением именно благодаря превосходным мореходным качествам — остойчивости, скорости (хотя это достоинство, разумеется, во многом зависит от мощности мотора), маневренности.

Абдель Азиз Таха, один из работников ЦК Союза молодежи демократического Йемена, который вместе с нами прилетел из Адена в Пятую провинцию, поясняет:

— Молодежь приобретает профессии. Завод будет расширяться, и нам вскоре потребуется немало специалистов и квалифицированных рабочих. Члены СМДИ понимают, как важно быстрее овладеть специальностью, как важно выполнять планы...

— Мы даем возможность десяткам молодых людей овладеть важнейшими для экономики страны профессиями, — повторяет спустя полчаса слова Азиза товарищ Ома, директор комплексного технического учебного центра. Центр этот буквально на глазах его учащихся превращается в тот тип учебного заведения, который мы привычно называем профессионально-техническим училищем. Он создается усилиями двух стран — молодой республике помогают Советский Союз. Здесь готовятся квалифицированные рабочие по четырем специальностям: слесари-ремонтники промышленного оборудования, слесари по ремонту тракторов и сельскохозяйственных машин, электрики широкого профиля и станочники — фрезеровщики и токари-механики по металлообработке, осваивающие работу на шлифовальных станках. Принимают сюда молодых людей, имеющих неполное среднее образование. Изучаются математика, физика, специальности. Целенаправленную идеологическую работу ведет в училище и Союз молодежи демократического Йемена.

В центре работают восемь советских специалистов — два преподавателя, четыре мастера производственного обучения и два переводчика. Приходится нелегко. Учащиеся, особенно те, кто приезжает сюда из глубинки, приходят с невысоким уровнем подготовки. И потому обучение начинается со знакомства с техникой, с терминологией, едва ли не каждое слово — новое и оттого кажется трудным. Не хватает ни методических пособий, ни учебников, ни схем на арабском языке. На станках и оборудовании все надписи сделаны на английском. Да и преподаватели, освоивших арабский язык, не хватает.

Старшему преподавателю Николаю Петровичу Касьянову тридцать шесть лет, прежде он работал в Львовском сельскохозяйственном профтехучилище № 1.

Касьянов рассказывает:

— Сейчас на втором курсе сорок учащихся, а на первом — уже свыше восьмидесяти. Прием растет. Занимаются ребята старательно, хотя и трудно достаются им знания, профессия. Училище чрезвычайно популярно, престиж у него, как у нас в стране у самых лучших вузов. На работу выпускники направляются во все провинции.

Здесь есть общежитие, столовая. Выплачиваются стипендии — десять динаров (динар — 1,98 рубля). Стипендию ценят, но еще больше ценят то, что в руках, как у нас говорят, будет дело, профессия. Наша задача, как мы ее понимаем, готовить не только рабочих для нужд рождающейся промышленности, но и мастеров, преподавателей, которые смогут потом сами учить своих соотечественников.

Николай Петрович знакомит меня с Хусейном. Выпускник группы электриков стал мастером производственного обучения. Родился и вырос здесь же, в Пятой провинции, в Южной мудирии (каждая провинция делится на несколько мудирий), в Гейль-Бавазир. Братья уже опередили Хусейна. Один стал экономистом с высшим образованием — он учился в Киеве, второй брат занимается в Ленинграде.

Будущие рабочие радостно улыбаются. Жар-птица профессии в руках, я радуюсь за ребят, но радость эта все-таки не полна, не может быть полной, потому что наши новые друзья из Союза молодежи демократического Йемена объяснили мне по дороге в техническое училище:

— Пока мы работаем, так сказать, впрок. Промышленность страны делает только первые шаги, и оттого трудно найти место выпускникам. Но ребята верят в будущее своей страны, и потому мечтают как можно скорее приобрести профессии, стать квалифицированными специалистами...

Наследие колониализма многогранно. И совсем не просто разорвать зловещий замкнутый круг: нет рабочих, потому что нет промышленности, а промышленности нет, потому что нет рабочих.

Светлое завтра в наших руках

...Вслед за «Катюшей», песней-приветствием, звучит Гимн демократической молодежи, и строки, вынесенные в название этой главки, кажутся полными особого смысла.

Технический институт Адена создан 26 мая 1973 года на базе технического колледжа. Тогда, в год основания, здесь было пятьсот студентов. Сорок преподавателей, говорят, вполне справлялись с учебными нагрузками. А сегодня...

— Сегодня — рассказывает мне Самира, будущий строитель — здесь только девушки-студенток уже более четырехсот. Институт готовит широкий круг специалистов — от инженеров-электротехников до геологов. Тысяча двести студентов, сто двадцать преподавателей, в том числе восемь из вашей страны, — вот наш нынешний размах...

Имя Самира можно перевести на русский и как «смуглую» и как «вечерняя собеседница». Эта смуглая девушка и вправду замечательная собеседница, хотя беседуем мы не вечером, а днем, и сотни студентов прервали лекции и семинары, лабораторные занятия, чтобы приветствовать делегацию Ленинского комсомола.

В институте учатся дети феллахов, дети бедуинов, дети кочевников — «цветные», как презрительно называли коренных жителей юга Аравийского полуострова колониальные чиновники, служащие нефтяной компании «Бритиш Петролеум Компани», этого государства в государстве, или телеграфной и радиотелефрафной компании «Кейбл энд Уэйлресс», помнятые, знающие наизусть облетевшие весь мир строки Редьярда Киплинга: «За Сузу попасть хочу я: зло с добром в одной цене, десять заповедей силы не имеют в той стране».

И снова улыбается Яхья, склонный к обобщениям: «Кто бы мог подумать, что будут так здесь, в аравийских песках, встречать делегацию ВЛКСМ?»

Третья неделя дружбы советской и юемской молодежи стала, как заметил секретарь ЦК СМДИ Риад Аль-Акбари, началом кампании подготовки к XI Всемирному фестивалю молодежи и студентов в Гаване.

Насыщенна и увлекательна, хотя и непроста, нелегка жизнь молодежи демократического Йемена. Напряженные занятия в школах, в институтах, в технических училищах и центрах, подготовка к обороне страны, служба в вооруженных силах, первые добровольные студенческие отряды, работа с пионерами, концерты, переустройство быта на новых началах, решительно невозможное без нового отношения к девушкам, к женщинам, к материам и сестрам, без полного равноправия женщин, воспитание молодежи на революционных традициях, зарождавшихся в горах Радфана, на славных традициях борьбы за национальную независимость, дополняются работой, направленной на укрепление сотрудничества с социалистическими странами, с прогрессивными силами Арабского Востока и всего мира. Представители СМДИ принимают живое участие в работе ВФДМ.

В делегации юемской молодежи, которая направлена в Гавану, будет представлено новое поколение юношества, сформировавшееся, выросшее в независимом, свободном, демократическом Йемене.

Будут в этой делегации, как надеется Самира, и девушки.

Встреча в институте близится к концу. Девушки приглашают гостей танцевать.

Обычная встреча, обычный танец — стоит ли вспоминать о них?

Стоит! Ведь нас приглашают танцевать девушки, чьи мамы и старшие сестры не решались даже на такую «вольность», как узкие прорези в чадре для глаз.

Равноправие, подлинное, не показное — задача, решаемая нелегко, путь к нему измеряется скорее всего не годами, а десятилетиями, и потому-то не могу не вспомнить отчаянно смелых девушек, танцующих с впервые увиденными ими сегодня мужчинами.

■ Аэропорт на окраине Адена. Сюда прилетали мы из Москвы и Мукаллы. Отсюда летели в Пятую провинцию. Воздушные ворота страны. Отсюда, из аэропорта Адена, 29 ноября 1967 года, за день до рождения нового государства, улетал подполковник Дэй Морган. Последний английский военнослужащий.

Интересно, был ли в его багаже томик Редьярда Киплинга.

Серая взлетная полоса аэродрома. Серые камни. Серые скалы Адена.

Неприветливый край, где человеку противостоят дикие силы природы: и испепеляющий жар солнца, и давящее дыхание пустыни, и нехватка пресной воды.

Серый и песочный цвета, соперничая с голубизнью моря, уступают, конечно же, в красочности могучему конкуренту, за спиной которого вся мощь Индийского океана.

— У нас много серого цвета, — соглашается Ахмет, с которым мы разговариваем около крошечной мастерской, где вулканизируют автомобильные камеры. — Но душу народа колонизаторы не смогли сделать серой. И мы, поверьте, сумеем построить новую, яркую и красивую жизнь.

Белая Воложка. Так называли ее в древности, не случайно ласково связывая с великой русской рекой. В это название, видимо, вкладывался двойной смысл: владая в Каму, Белая Воложка вместе с той несет свои воды в Волгу; значение ее для Башкирского Приуралья таково же, как Волги для всей России.

Теперь уж мало кто помнит это нежное имя — Белая Воложка. Теперь ее зовут просто Белая, а побашкирски — Агидель. Оба названия бытуют в народе равноправно.

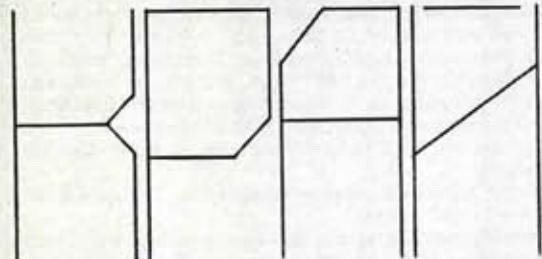
Край Белой Воложки — западный склон Южного Урала. Нет, я не говорю, что это самое прекрасное место в мире. Каждая земля прекрасна по-своему. Только нужно увидеть главное, что присуще этой земле, а «самого главного глазами не увидишь». Прекрасна по-своему и пустыня. Она учит нас ценить слова, делать их вескими, как свинец. В пустыне с ужасом замечаешь, как немолимо стремительно летит время, так же неумолимо, как волны песка, гонимые ветром в бесконечность. И становится страшно, что ты еще ничего не успел сделать. Каждая земля прекрасна по-своему. Но, наверное, все-таки не случайно, что южноуральский край дал России таких страстных певцов природы, как Сергей Тимофеевич Аксаков и Михаил Васильевич Несторов.

«...Прекрасен ты, чудесный край! — писал о Башкирском Приуралье Аксаков. — Светлы и прозрачны, как глубокие, огромные чаши, стоят озера твои... Многоводны и многообильны разнообразными породами рыб твои реки,

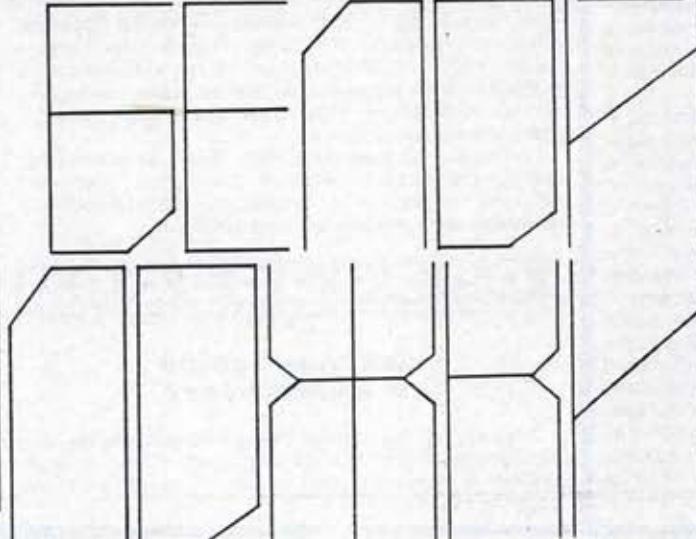
ЛЕТИИ ДАРЫ.

Красота родной земли

Михаил ЧВАНОВ.
Фото
Льва ШЕРСТЕННИКОВА.

то быстротекущие по долинам и ущельям между отрогами Уральских гор, то светло и тихо незаметно катящиеся по ковылистым степям твоим, подобным яхонтам, нанизанным на нитку... В твоих быстрых родниковых ручьях, прозрачных и холодных, как лед, даже в жары зноного лета, бегущих под тенью дерев и кустов, живут все породы форелей, изящные по вкусу и красивых по наружности, скоро пропадающих, когда человек начнет прикасаться нечистыми руками своими к девственным струям их светлых прохладных жилищ. Чудесной растительностью блестят твои тучные, черноземные, роскошные луга и поля... Свежи, зелены и могучи стоят твои разнородные черные леса, и роидиких пчел шумно населяют нерукотворные борти твои, занося их душистым липовым медом. И уфимская кунница, более всех уважаемая, не перевелась еще в лесистых верховьях рек Уфы и Белой!..

РЕКА БЕЛАЯ РОДИТСЯ НА южном УРАЛЕ.

ПОСЛЕ ДОЖДЯ.

БАШКИРСКИЙ МЕД ИЗВЕСТЕН
ВО ВСЕМ МИРЕ.

Как живописны и разнообразны, каждая в своем роде, лесная, степная и гористая твоя полоса, особенно последняя, по скату Уральского хребта, всеми металлами богатая, золотоносная страна!»

Родится Белая в массиве центральных хребтов Южного Урала, недалеко от границы с Азией, и бежит, как и все ее притоки, в Европу. На притоках, в складках горных увалов и обрамлении рыхких скал рассыпаны стариные заводские поселки и города. Как правило, они несут в своих названиях имена рек, на которых стоят: Белорецк, Сим, Усть-Катав, Катав-Ивановск, Юрзань, Инзер, Верхотор, Кана-Никольск... В центре каждого из них — самых причудливых очертаний стариный заводской пруд, протяженностью иногда в несколько километров, в который наряду с новостройками смотрятся, сбегая к нему по крутым склонам гор, которые здесь непременно зовутся шиханами, рубленные из кондовой сосны избы в кружеве разных наличников.

Совсем рядом с Белой рождается и ее брат, Яик, служащий границей между Европой и Азией, после Пугачевского восстания переименованный Екатериной II в Урал, чтобы больше никто не напоминало ей о страшном времени. Рождаются в каких-то двадцати километрах друг от друга и расстаются на долгое время — до самого Каспийского моря. Но не всегда было так. В далеком прошлом Пра-Белая (прабабушка Белой) была притоком Пра-Урала. Но в более позднее геологическое время, на рубеже миоцена и плиоцена (примерно 14—15 миллионов лет назад) началось поднятие земной коры на участке, именуемом ныне Сакмаро-Бельским водоразделом, или Приуральским общим сырьем. Процесс проходил медленно, тысячелетиями, но со временем на пути Пра-Белой возникла невысокая холмистая гряда, разлучившая ее с Пра-Уралом, после чего она вынуждена была повернуть на север — к Пра-Каме.

Верховья Белой Воложки. Я вспоминаю, как на некоторое время онемели от ее красоты мои знакомые из Дагестана (Дагестана!): настоящая на хвое тишина, теплые туманы, звон перекатов, раскаленные от солнца скалы, словно в зеркало заглядевшиеся в задумчивые плесы, сотни пещер, среди них — таинственная Антонова, Калова с древнепалеолитической живописью, пропасть Кутук-Сумган.

Пропасть исследована уже на протяжении десяти километров: семидесятиметровые, напряженно гудящие колодцы, огромные подземные залы, словно готические храмы, хаос лабиринтов, задумчивый звон капели, самой причудливой формы сталактиты и сталагмиты, подземные реки и озера... И когда начинаешь дорогу назад, вдруг охватит волнение. Вот, наконец, появился вдалеке свет, ты уже успел соскучиться по нему. Вот дохнуло на тебя первым теплом. Уже видишь стебли травы, склонившиеся в пропасть, и трепещущую ветку осины. Первые земные запахи, густые и терпкие, отличаешь каждый в отдельности, а когда живешь на земле, их просто не замечаешь. Может быть, уже только поэтому иногда стоит спускаться в пещеры, чтобы по-новому — остро и трепетно — увидеть родную землю.

Потом стоишь на краю пропасти, щурясь от яркого-яркого света, который окружает тебя со всех сторон. Блаженное тепло обволакивает тебя — густое тепло томительного летнего дня. На все земное: на шелестящие кроны деревьев, на тонкую паутину на листьях, на начинающие по-осеннему рыжеть горы — на все это невозможно насмотреться. От плывущих облаков сладко кружится голова. Словно сам куда-то плывешь.

Потом выходишь к тропе. Березовыми перелесками она выводит тебя к ущелью, по которому круто спускается вниз. Вот сквозь передевшую листву осин, сквозь дроздовый переполох блеснула впереди Белая. Но потом ее от тебя на время снова закрывают скалы.

Под одной из них в густых зарослях черемухи — озеро со странной голубой водой. Наберешь ее в ладони, а она все равно голубая. И в ней отражаются красноватые громады скал. Из этого озера после долгого пути под землей берет свое второе начало небольшая речка с ломяще-студеной водой. Бежала-бежала речка и ушла под землю — и вот через много километров родилась снова.

Потом тропа выведет тебя на поляну, на крутой берег Белой, к избушке лесо-сплавщиков. Поскорее разденься и зажмуришься от предстоящего наслаждения — после промозглого мрака залезть в парную реку и плыть, плыть средь первых желтых листьев к гулкому перекату, за которым где-то тревожно шумят гуси, готовятся к предстоящему отлету. Их трубные крики и хлопанье крыльев о воду долго не тонут в широком лесов...

Вдоль Белой нередко встретишь ручьи с именами людей: Бакир, Бурнгул, Даалетбай, Альмухамет — может, эти люди раньше кочевали здесь или имели покосы. А вот уж совсем интересные названия: Кук-биз-ульген (гнедая кобыла пала), Кара-сыйер-ульген (черная корова пала), Кара-тэз (черный козел). Села, помнящие Пугачева и Блюхера. Легендарный рейд партизанской армии проходил как раз по тем местам, где полтора века назад полыхала пламя Пугачевского восстания: Кага, Верхний Авзян, Узян...

Деревни, от которых остались лишь имена: Журавли, Авашла, Покровка, Крутая речка, Скворчиха, Сосновый Лог, Липовый Лог, Токовушка, Калиновый куст, Тавлинка... — старые проселки выведут на грустные пустые поляны. Была такая карта Башкирии, года тридцать пятого. На ней была обозначена каждая деревушка. Если взглянуть на эту теперь уже давно пожелтевшую карту, может показаться, что западный склон Южного Урала в те времена был краем очень большой плотности населения. А все дело в том, что в тридцатые годы еще были рассыпаны по уральским речушкам и логам сотни и тысячи деревенек и хуторков — наследие деревенской переселенческой эпохи. Что ни деревенька, что ни хутор, то новый говор, другие обычаи. Если внимательно прислушаться, присмотреться, нетрудно догадаться, откуда пришли в этот звонкий край их предки: это Рязань, это пензенские, это курские...

Но с каждым годом этих хуторов и деревенек становилось все меньше и меньше: коллективное хозяйство прочно встало на ноги, хутора изжили себя, и их жители, оторванные от школ, магазинов, электричества, потянулись в крупные села. Сказалось и укрупнение населенных пунктов в последние годы.

Рассматривая старую карту, легко убедиться, как быстро под действием рук человеческих меняется лицо земли. Была глухомань, а через несколько лет на том месте вырос город, были разбросаны по лесам тихие деревеньки — а теперь на их месте глухомань.

Все на свете имеет свой век. Деревни тоже рождаются и умирают. У одних жизнь долгая — в много веков, другие, как люди, живут всего несколько десятков лет. Но и этим деревенкам мы должны быть благодарны. Люди, родившиеся в этих деревнях, разошлись по огромной стране и настроили много городов и заводов: спросите каждого второго горожанина, откуда он родом, где жили его деды?

Но на примере этой карты можно убедиться и в другом — с горечью: как много рек и речушек мы потеряли за эти годы. На карте голубая змейка, а на самом деле речки давно уже нет.

Мы порой все еще не задумываемся, что значит для нас реки. Белая! Сотни сел и деревень по ее берегам, три таких промышленных гиганта, как Уфа, Стерлитамак, Салават, поит она. Долгие годы мы много брали от реки, но мало давали. Река устала. Стерлитамак стоит на речке Стерле, притоке Белой Воложки. Это название не случайно, в

древности здесь было много стерляди. Последние десятилетия мы лишь читали о ней в книгах — чуть ли не о как ископаемой, ну, например, кистеперой, рыбе. Река погибла.

Помогите реке! Этот лозунг родился в шестидесятые годы. И вот первые, заставляющие верить в экологическое будущее результаты: в Белой, как в древности, снова водится стерлядь.

Верховья реки Белой — единственное место обитания знаменитой башкирской бортевой пчелы. Здесь она и ее оккультуры потоки собирают известный во всем мире мед. Кстати, в бассейне верхней Белой находится треть (!) липовых лесов страны, охрана которых осуществляется, к сожалению, пока еще далеко не лучшим образом.

Вода! Золото XXI века. С каждым годом мы ощущаем ее все большую ценность. Белая дарит свою воду великой Волге, а значит, и всей стране.

Самый большой приток Белой — река Черная, Карайдель по-башкирски. И если Белая сохранила оба названия, то Черная — лишь башкирское.

Карайдель — своеобразный «алмазный» водный фонд Южного Урала. На ней нет крупных промышленных предприятий, и она питает своими хрустально чистыми водами не только города и села Башкирии, но и Свердловск, Челябинск, другие города.

Особенно живописной сделало Карайдель Павловское водохранилище. Я знаю одну болгарскую семью, которая ежегодно приезжает сюда — и только сюда — отдыхать: елово-бересковые леса (без комаров!), грибы, лещи по поплавкам, ягоды, теплая хрустально прозрачная вода и по-северному томящие закаты.

Реку Черную слагают Ай и Юрзань. Они, как двойняшки, всю дорогу бегут рядом. Но характеры! Ай — река спокойная, тихая, глубокая. Юрзань? Этимология ее названия якобы такова: зурузань — большая река. Она далеко не самая большая из рек, питающих Белую,

но не зря, наверное, получила свое название. Вот так же звонко и журчаще, как само ее имя, бежит она по уральским переката. Юрзань взростила великого сына Башкирии, поэта и воина Салавата Юлаева. На ее высоком берегу — единственный в своем роде санаторий Янган-тау, природа термических явлений которого — выделение из недр горячего пара и газов вдали от современных вулканических областей — до сих пор до конца не разгадана...

Юрзань. Мне трудно писать о ней, потому что на ней я родился, на берегу ее — могилы моих предков, кроме тех, конечно, которые не вернулись с разных войн. Здесь я впервые узнал, что такое горе и что такое счастье.

Каждый раз я снова и снова удивляюсь ее светлой грусти, непрятательности и в то же время особому обаянию ее пейзажей. Каждый раз удивляюсь ее тихо-звонким рассветам, когда проснешься и вдруг замрешь от ощущения, что проспал что-то очень важное.

Последний раз до нынешней поездки я был на Юрзане года четыре назад — весной. Таило по-настоящему только второй день. Дымные поля пестрели большими лоскутами снега, северные склоны гор были еще совсем белыми. Но жаворонки уже ликовали над умирающими снегами, и их звон перекликался со звоном торжествующих ручьев. Дорога выскочила на пригорок, и впереди открылась Михайловка, деревня, в которой я родился. Одна из главных достопримечательностей ее — гора Сосновка на противоположном берегу Юрзаны. Само название говорит о том, что покрыта она светлым бором. Рябинники на полянах, тетеревинные тока, веселые пестрые дятлы, стушеные родники...

Снег умирает прямо на глазах. За день побурела вчера еще совсем белая кочковатая луговина перед Сосновкой. Скоро сойдет с нее вода, но еще долго, словно глаза, полные слез, будут смотреть в небо старые солдатские окопы.

Владимир СОКОЛОВ

Чуть-чуть есенинское

Синь да облако... Сияя,
Лес тант свои пути,
Это Русь моя родная,
Углич, Тверь, Москва, Путинль.

Лес, рябинами разгроздясь,
Предлагает свой размах...
Я ведь знаю, отчего здесь
Ключья сена на ветвях.

Это узкие проселки,
Где проехались года.
Это ели, это елки
Новогодние всегда.

Над рекой стоят чертоплы,
В чистом инее мосты.
Я ведь здесь не по дороге,
Не до дна, не до черты.

Я ведь все-таки крестьянин,
Если глубже поглядеть...
Я большой любовью ранен —
Хлеб, земля, железо, медь.

Храмы, белые от стужи,
Розовые от зари,
Невысокие снаружи
И огромные внутри.

Балканский сырой ветерок,
Снежок легче пуха и дыма,
Мелькающий, как между строк,
Меж ветками неуволимо.

Я в комнате свет погасил,
И сразу окно засветилось...
Гора заснеженная... Синь
Предутренняя проявилась.

Я не хочу дружить со стариками,
которые ровесники мои.
Что любят безмозольными руками
считать мозоли некие свои.

Ведь я же знаю: не было мозолей,
а был один блестательный порыв —
пройти, прорваться без особых болей
в ряд популярных лиц, плотин и нив.

Теперь они отечески печально
рассказывают очень молодым —
тепло, железо, устно и печально, —
как было трудно нам — считайте, им.

Но я люблю дружить со стариками,
которые не хващаются тем,
что рыли землю, а искали камень,
хотя не умели сочинять поэмы.

Сквозь все прошли...
И, слушая рассказы,
внимая им, улыбчиво седым,
я чувствую себя почти что сразу,
как и они, таким же молодым.

Ведь жизнь, как жизнь, не чувствуя
как тему,
чужой медалью густо не звеня...
Они такую сделали поэму,
которая всегда вокруг меня.

Прозрачный февральский туман
С горы потянулся к предмету...
Туман, а не самообман.
...И все это было мне вестью —

И снег, и зеленая вьюсь,
И белый цветок на столе,
И солнечный зайчик, как мысль
О том, что мы есть на земле.

Тихо-звонкая река Юрзань. Мало кто знает, что с ней связаны имена таких легендарных полководцев гражданской войны, как Тухачевский, Эйхе, Путна, Гайлит, что летом 1919 года здесь решалась судьба революции.

Мне трудно не привести отрывок из неизвестной широкому читателю статьи героя гражданской войны, командующего дважды Краснознаменной 5-й армии, в то время начальника штаба 26-й дивизии Г. Х. Эйхе. Рукопись статьи сохранилась у уфимца А. Ф. Хоменко, в сокращении она была опубликована в газете «Советская Башкирия» в 1973 году:

«Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной; напрягите все силы! — так писал В. И. Ленин 25 мая 1919 года в своей телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта.

Во второй половине июня ко мне в штаб неожиданно явились командарм М. Н. Тухачевский и член Реввоенсовета И. Н. Смирнов и под большим секретом сообщили, что Реввоенсовет фронта поручил освобождение Урала нашей армии, а главная роль в предстоящей операции отводится 26-й дивизии... Был принят следующий план действий: 3-я бригада моей дивизии продолжает энергично наступать в лоб на Ашу-Балашов, а две другие бригады форсированным маршем выходят на Уфимское плоскогорье, чтобы оттуда ударить на станцию Кропачево, в тыл группе Каппеля. На всем протяжении ни одной дороги, ведущей на перевалы. Единственная возможность — совершить марш-маневр главными силами дивизии вдоль горной реки Юрзань.

Ни до этого, ни после этого не было на всем Восточном фронте случая, чтобы главные силы стрелковой дивизии действовали таким образом: шесть ее полков, сосредоточенных в одной деревне, выстроившись в одну колонну, начали двигаться вдоль Юрзани без дороги, без связи с тылом, без связи с соседями

по фронту. Можно было заполнить много страниц описанием тех трудностей, которые дивизия встречала на своем пути. До этого лишь дикие звери да одинокие охотники ходили здесь. Не раз бывало, что тропинка, по которой мы шли вдоль самой кромки воды по сырому песку или щебню, вдруг обрывалась, исчезала. Впереди то теснина, в которой река кипела, как в адском котле, то тишь да гладь, но под зеркалом воды бездонные ямы, которых мы боялись больше всего.

Мне доводилось в жизни неоднократно воевать в горах: и в первую мировую войну и дважды в Уральских горах, потом в отрогах Саян, потом на Яблоневом хребте, в отрогах Гималаев на границе с Афганистаном. Везде были свои трудности, везде неожиданные препятствия. Но Юрзанский поход запомнился ярче всего и не может идти в сравнение с последующими военными действиями в горах...

Бойцы знали, куда и зачем мы идем. Знали, что наша задача — нагнать на противника неожиданно. Наступление нашего авангардного Карельского полка, которым командовал В. К. Путна, было настолько стремительным, что произошел весьма любопытный эпизод. В районе деревни Ахуново стоял какой-то белогвардейский полк из резервного корпуса генерала Войцеховского. Полк с полным основанием считал, что находится в глубоком тылу. Оба возможных пути наступления красных на Урал надежно закрыты. И надо же случиться, как раз в тот момент, когда Карельский полк вышел из Юрзанского ущелья, белогвардейский полк занимался строевой подготовкой восточнее Ахунова.

И Путна решился. Отдав строжайшее распоряжение не стрелять, он приказал полку таким же форсированным маршем идти в сомненную колонне прямо на Ахуново. Приняв карельцев за своих, белые спокойно продолжали свои занятия. Подойдя к самой окраине Ахунова, Карельский полк без единого выстрела,

без криков «ура», молча бросается в штыки... Следующий удар был нанесен двум полкам 12-й пехотной дивизии врага.

Сорванными оказались планы корпуса Войцеховского к наступлению. Появление на плоскогорье главных сил 26-й дивизии спутало все задумки «верхового правителя». Неделей позже начались сильные бои за переправы через реку Ай. 13 июля согласованными ударами войск 26-й и 27-й дивизий взят город Златоуст...

Тихо-звонкая Юрзань. Однажды, когда мне было очень нелегко, я целую неделю жил в избушке в Полуденных горах. Так называется один из хребтов с многочисленными лесистыми отрогами в ее верховых. Тогда мне просто нужно было на какое-то время оставаться наедине со своими мыслями, а теперь я знаю, что это была одна из самых счастливых недель в моей жизни.

Попал я в эту избушку случайно. Полупустой поезд подобрал меня под хмурый вильнюсским небом, чуткой ночью гулко простучал по Белоруссии и Смоленщине, долго тянул за собой бересковый разговор рязанских перелесков. Между Куйбышевом и Уфой были странные фиолетовые сумерки. В Уфе мне нужно было сойти, но я еще не готов был к этой встрече и вдруг вспомнил, что есть на свете звонкая и желтая от осенних берез река Юрзань.

Уже перевалило за половину сентября, но над землей томилось запоздалое лето, соседи по вагону так и говорили: «Вслед за августом пришел июль». И только за Ашой, когда поезд наконец нырнул в уральские скалы, в глаза первой проседью больно ударила осень. Через какие-нибудь четыре часа яшел долиной Юрзаны к синеющим вдали зубцам хребта Зигальга, за которым лежала заброшенная деревенька, где в это время грибы растут прямо на улицах.

В одном из распадков наткнулся на старую просеку. Она поднималась на хребет, по ней туда же, спортивно, тащились полусломавшие телефонные столбы с обрывками ржавой проволоки, там, на самом верху, на скалах, чернел какой-то большой крест. Этот крест показался мне очень странным, и я свернулся с тропы на просеку.

Крест оказался полусгнившей и покосившейся от времени деревянной вышкой, рядом на большой поляне приоткрылась крошечная избушка, к которой и тащились телефонные столбы. Отсюда в свое время следили за лесными пожарами, теперь эту заботу взяли на себя самолеты, и о вышке из избушки забыли.

Я открыл припертую посохом дверь, присел на нары. В избушке не было ни окошка, ни даже печки. На полке лежали спички, соль, махорка, начатая пачка «Беломора» и несколько окаменевших сухарей, в углу стояло помятное ржавое ведро.

Я поднялся по шатким, скрипучим перекладинам на вышку. Подо мной на все четыре стороны лежали горбатые хребты с желтыми и багряными мазками бересковых и осиновых перебродов, дальше, к горизонту, хребты были совсем синими, и я решил, что все оставшееся время буду жить здесь.

Посидев на вышке еще минут десять, я стал обходить свои владения. Первым делом — найти воду. Раз срубили избушку, где-то рядом должна быть вода. И правда, тропинка, выбитая среди витых корневищ вековых сосен, привела меня к маленькому родничку.

Возвращаясь с водой, остановился на опушке, отсюда избушка, уткнувшаяся в косогор, казалась совсем игрушечной. Вокруг нее по поляне рассыпались вразброс березы, а чуть дальше, по пригорку, холодно пламенили рябины. Они взирали даже на скалы, а за поляной стеной снова бронзовел сосновый лес.

Я открыл дверь настежь, сгреб с нар и выбросил старое, пыльное сено, ножом стал резать на постель жухлую траву. За этим и застала меня ночь.

В долинах на севере замерцали ред-

кие россыпи деревень, а с юга хребты по-прежнему были пустынными. Я устал с дороги и не стал разводить костра. Под нарами шумно возились мыши, почему-то мне снилось южное море, а утром я обнаружил, что мыши уничтожили половину моих съестных припасов.

Было по-горному гулкое холодное утро, желтые березы упрямо упирались в студеное небо. На траве, на рыжих скалах лежал густой иней, а вода в ведре покрылась льдом. Подняв воротник куртки, я пошел за хворостом. Было до того тихо, что звенело в ушах, но вдруг откуда-то из ущелья потянул ветер, и я остановился, пораженный. Было впечатление, что кто-то напролом помялся через лес: это, прихваченные морозом, густо сыпались листья. Сыпались как-то слишком торопливо, легко и отрешенно — без боли, без сожаления. С первым заморозком началась настоящая осень: еще вчера листья падали редко, как бы нехотя, а сегодня над поляной, над лесами, над всеми Полуденными горами висел их печальный шорох.

С трудом нашел родничок: он весь был засыпан листьями. Листья устилали и его дно, и когда я черпал воду, несколько холодных золотых пластинок прилипли к ведру.

Мороз убил грибы, одни лишь груды упорно поднимали на своих сильных шляпках прошлогоднюю хвою и листья. Я надевал их на бересковый прут и, густо посыпая солью, держал над костром, пока соль не топилась и не впитывалась в сочную мякоть. И терпкая горечь еще долго першила в горле, ее приходилось заедать черникой...

От избушки по самому гребню хребта тянулась тропа, время от времени выскакивала на голицы и снова вилась по смолистым корабельным лесам. В опавшей листве сновали веселые бурундучки, и дятлы осторожно выглядывали из-за стволов. Иногда почти из-под самых ног шумно поднимались глухари.

К вечеру снова начинал дуть ветер, холодные желто-пепельные облака тускло светились на горизонте — к морозу. Низкое солнце еще лежало на скалах между бересковых стволов, а на востоке над фиолетовыми хребтами уже нависала огромным диском луна. В ее магическом медленном свете тускло мерцали кварцитовые скалы, и тени от них таинственными провалами уходили в долины.

Возвращаясь по хребту домой, еще издали, с одного из гольцов, я увидел у своей избушки костер.

Осторожно вышел на поляну: меж бересков хрумкал травой стреноженный конь, желтые блики лизали темные стены избушки и скалы за ней, у костра спиной ко мне сидел широкоплечий мужчина. Медленно поднял голову, склонился.

— Сядись со мной пить чай. — Он подвинулся на чурбаке, уступая место. — А я думал, кто тут живет. Смолокур я. Сейчас работаю как раз вон на том хребте. Землянка у меня там. Увидел вчера костер, ну, думаю, надо съездить. Вдруг кто-нибудь из знакомых. Так считай, что в гости приехал.

Чай пах дыном, жестяная кружка жгла руки и губы, томительная луна поднималась все выше, мы долго молчали, шумно дули в крутой кипяток.

— Смотрю, ни ружья, ни даже портного ножа нет. На охотника не похож. Какая нужда привела сюда?

— Просто так, отдохнуть.

— Отдохнуть? — Он внимательно посмотрел на меня. — Это верно. Осень тут особенная. Вроде бы нет, нет ее, а чуть первый мороз — и зашумят листья. В день в два все обретают. И душу обретают, всю тяжесть выдуют... Вот еду я, к примеру, по тропе. Уж какой год я по этим лесам слоняюсь, а все словно в первый раз вижу. Разину рот, как дурак, и не могу оторваться. Как в сне.

Потом мы лежали в темноте избушки на нарах. Мой новый знакомый говорил о покосах, о надвигающейся зиме, и его глухой тягучий голос сквозь шепот ли-

Тверца

Здесь нет ни радости, ни горя,
А что-то русское и древнее,
Где, как хожденье за три моря,—
Поездка в ближнюю губернию.

Уж не такая это доблесть
Знать, канув в книжное варежество,
Что я Калининскую область
Люблю, как князь Тверское княжество.

Бродить бы мне в скрипучих валенках
Снегами неисповедимыми,
Со старицами на завалинках
Дымить задумчивыми дымами.

Колоть морозное полено,
Гулять на озеро к ракитине,
Дышать и сочинять поэму
Об Афанасии Никитине.

Музыка

А музыку я оставил на потом,
На позднюю молодость в доме пустом,
На то, чтобы с ней да с тобою,
мой стих,

Горячкой речей не смущать молодых...
Часы коротать да растягивать век
Под музыку, словно под дождь и под снег.

На завтра ее оставил, на вчера,
На те ожидающие вечера,
Когда нам известно, что снова никто
Ни с кем не придет, несмотря ни на что.
Но стол расцветает, как зелень зимой,—
То, снег отряхая, приходит домой

Она, наполняя дыханием дом,
Которую я оставил на потом.

Приходит, внушая нам запах цветов,
Приходит, а я, как всегда, не готов...
Она воскрешает и плачет притом,
Которую я оставил на потом.

Мне кажется, что этот год
Вас от меня скрывает.
Певец скрывает, что поет,
А птица, что летает.

Как будто выключили звук —
Одно изображение,
Но и оно живет вокруг
Без самовыраженья.

Мне кажется, что, как родня,
Деревья в дождь осенний
Скрывают слезы от меня
Из добрых побуждений.

Как хочется что-нибудь спеть,
Но я разучился уметь,
Но я научился внимать
Тому, чему жить-поживать.

Скрипит этот старенький дом
О том, что бывали и в нем,
О том, что он сделал свое,
Не вечно его бытие...

Почти одинаковый скрип
У этих ступенек и лип,
Скворечников, кранов и льда
В день, солнечный, как никогда.

Как хочется что-нибудь спеть
Под эту листяную медь
О том, как он людям служил,
Хоть мало им кто дорожил.

Придумать себе самому,
Как снится ему одному,
Что молод он был и красив
Не меньше, чем этот массив,

Что был он большим и резным,
Что каждому марта вослед
Скворцы будут реять над ним,
Которого более нет.

стопада, как древняя смутная песня, тревожил душу...

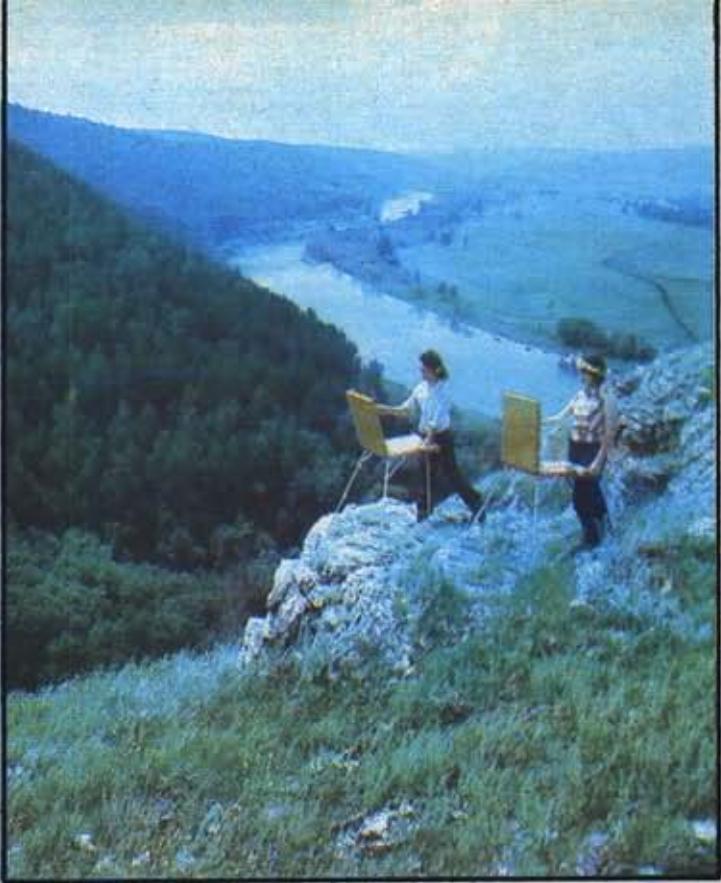
Утром снова пили чай. Поднялись на вышку, и он перечислял мне названия хребтов, полян и распадков.

Потом он уехал. Забираясь в седло, вспомнил:

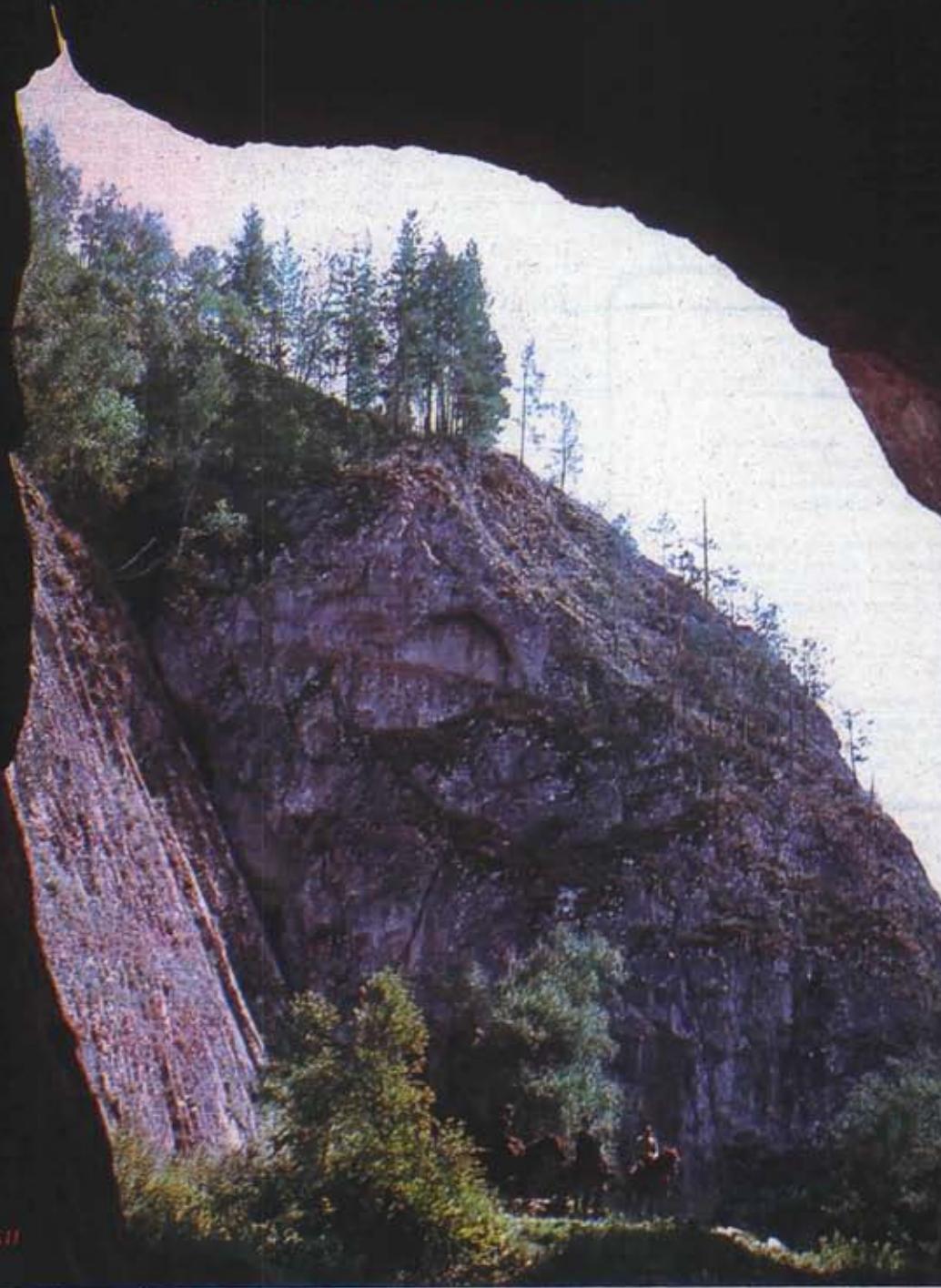
— Да, я хотел тебе рассказать об осеннем гоне лосей. Ну уж ладно, потом.

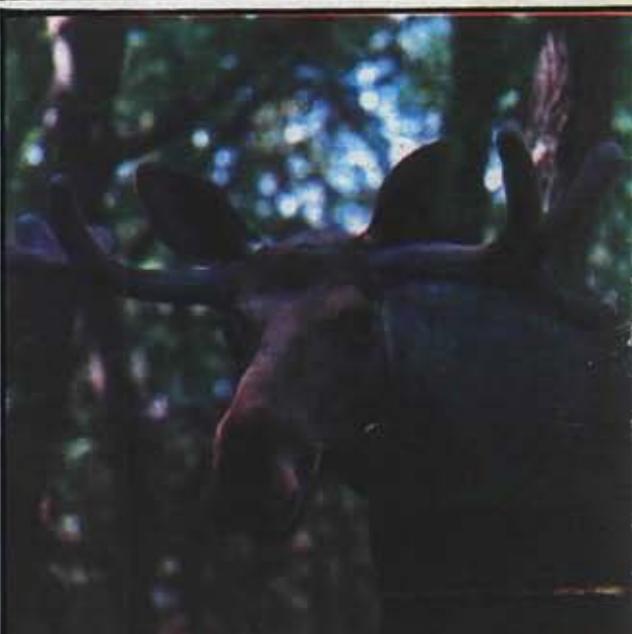
ЧУДЕСНОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТЬЮ
БЛИСТАЮТ ВОСКОВЫЕ ЛУГА И
ПОДА...

ПРИРОДА НЕ ОСТАВЛЯЕТ РАВНОДУШНЫМ

В КРАЮ
БЕЛОЙ ВОЛОССКИ
СОТИ ЧЕШЕР

БОГАТ ЖИВОПИСЬЮ МИР ЖИЖИ
ЗРАДА

Он сказал это так, словно через час-другой вернется в блокаду нас долгая совместная жизнь в этой изюминке, и мы молча улыбнулись друг другу.

Потом было еще несколько таких похожих и непохожих дней, слившихся в памяти в один—счастливый и немного горьковатый: желтый студенческий рассвет, инеи на жухлой траве, луна между деревьями и широкими сияющими листьями. С каждой ночью морозы становились сильнее: окраинные масти осинников внизу в долинах превратились в зелено-голубые с вишнями, даже в поденье сполнали студенистые сквозняки от них приходилось прятаться за скалы, и встало вопрос о встрече в дорогу.

Собрал в кучу лиловечки. Долго не мог уйти. Старался оставить в памяти все: и изюминку с высокой травой на крыше, и веткую скрипучую вишню, и желтую шелестящую вишню. Я знал, что никогда больше не увижу этой поляны. На светё слишком многое дорог, чтобы проходить каждую хотя бы дважды.

ДЛЯ ТЕБЯ

Слова Игоря ШАФЕРАНА.
Музыка Яна ФРЕНКЕЛЯ.

Для тебя, для тебя, для тебя
Самым лучшим мне хочется быть.
Все земные пути я готов обойти,
Все моря я готов переплыть.
Ты поверь, ты поверь, ты поверь,
Я сумею, всем сердцем любя,
С неба звезды достать,
Чтоб единственным стать
Для тебя, для тебя, для тебя!

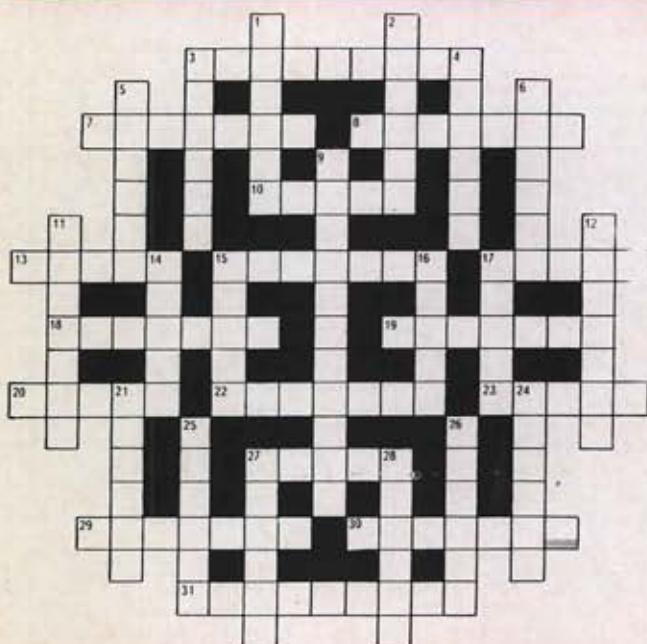
Будет радость
Ярче летних радуг,
И незлыми
Станут сразу зимы.
Сколько было
На земле любимых,
Но сумею
Я любить сильнее!

Для тебя, для тебя, для тебя
Мир прекраснее сделаю я.
И рассвет и зарю я тебе подарю,
Громче петь попрошу соловья.
Ты поверь, ты поверь, ты поверь,
Я сумею, всем сердцем любя,
С неба звезды достать,
Чтоб единственным стать
Для тебя, для тебя, для тебя!
Буду имя твое повторять
Бесконечно, бесконечно.
Буду слушать опять и опять
Я слова твои.
Только вечной должна быть
любовь,
Только вечной, только вечной!
А иначе зачем, а иначе зачем
Столько ждать любви?

Для тебя, для тебя, для тебя
Самым лучшим мне хочется быть.
Все земные пути я готов обойти,
Все моря я готов переплыть.
Ты поверь, ты поверь, ты поверь,
Я сумею, всем сердцем любя,
С неба звезды достать,
Чтоб единственным стать
Для тебя, для тебя, для тебя!

КРОССВОРД

Составила Л. ГУДРИТ,
Тихвин

По горизонтали:

3. Законодательный орган некоторых зарубежных государств. 7. Металл. 8. Специалист по вождению судов, самолетов. 10. Высокий мужской голос. 13. Духовой музыкальный инструмент. 15. Опера П. И. Чайковского. 17. Овощное растение. 18. Сатирический журнал, издававшийся с участием И. А. Крылова. 19. Сумка для географических и топографических карт. 20. Река, впадающая в Камское водохранилище. 22. Медицинский работник. 23. Лишайник, олений мох. 27. Порт на Белом море. 29. Краткое изложение содержания научной работы. 30. Римский поэт. 31. Клавишный музыкальный инструмент.

По вертикали:

1. Плод южного растения. 2. Мера земельных площадей. 3. Сезон лова рыбы. 4. Светильник на высокой подставке. 5. Духовой деревянный инструмент. 6. Персонажи поэмы М. Ю. Лермонтова «Демон». 8. Высшее учебно-научное заведение. 11. Транспортная железнодорожная тележка. 12. Вид живописи. 14. Город в Пермской области. 15. Бальный танец. 16. Бег лошади. 17. Приток Лены. 21. Немецкий композитор, дирижер XIX века. 24. Химический элемент. 25. Опера Д. Пучини. 26. Крупная дневная бабочка. 27. Действующее лицо оперы С. С. Гулак-Артемовского «Запорожец за Дунаем». 28. Точка лунной орбиты, наиболее удаленная от Земли.

ОТВЕТЫ
НА КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 11

По горизонтали:

3. Укроп. 6. Философия. 9. Полипин. 10. Латвия. 13. Широта. 14. Караев. 16. Этика. 19. Автомобиль. 20. Арифметр. 21. Сакрамент. 24. Скоростник. 26. Атлас. 27. Аммиак. 29. «Россия». 30. Пернач. 31. Мезень. 32. Диссонанс. 33. Аверс.

По вертикали:

1. Склонность. 2. Коноплянка. 4. Фиалка. 5. Чистяк. 7. «Золото». 8. Нихром. 11. Килограмм. 12. Геометрия. 15. Евлах. 16. Элита. 17. Аракс. 18. Стриж. 22. Мнишек. 23. «Отчество». 24. Саламандра. 25. Оксана. 28. Конник. 29. Розина.

Н

а поляне старого сада, окруженной кустами пожухлой сирени, росли цветы. Их было очень много! Чопорно стояли здесь усыпанные со всех сторон алыми звездочками болтливые мальвы.

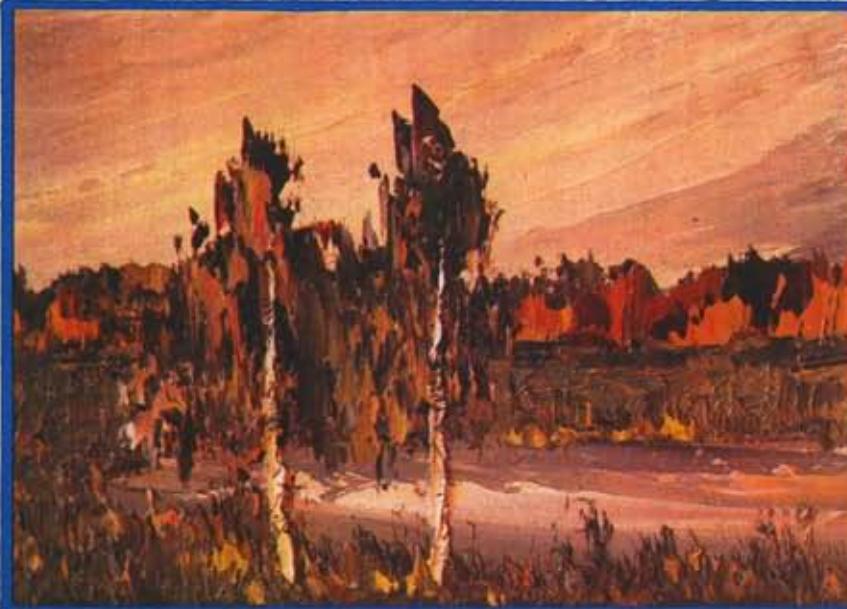
Плотно кустились белые задумчивые флоксы, рдели на солнышке приземистые ноготки. А там, в сторонке, совсем незаметно росла тихая чайная роза.

Хозяева сада были людьми добрыми, но ухаживать за цветами не умели, и росли они, как могли. Единственно, о чем заботились жившие здесь люди,—это о том, чтобы не допускать к цветам шаловливых мальчишек, которые не раз уж пытались поживиться их яркими и пышными головками.

Когда доводилось мне бывать на даче, я часами просиживал здесь с этюдником. Пожалуй, я был знаком тут с каждой травинкой! Цветы послушно позировали мне, лепетали забавные истории, иногда жаловались на гордое, заносчивое солнце, которого им всегда не хватало. Они нежно любили утреннюю прохладу, осыпавшую их бусинками из крупно-белых росинок. Обожали цветы теплый летний дождь, но очень боялись града. И еще больше страшились они лихих мальчишек.

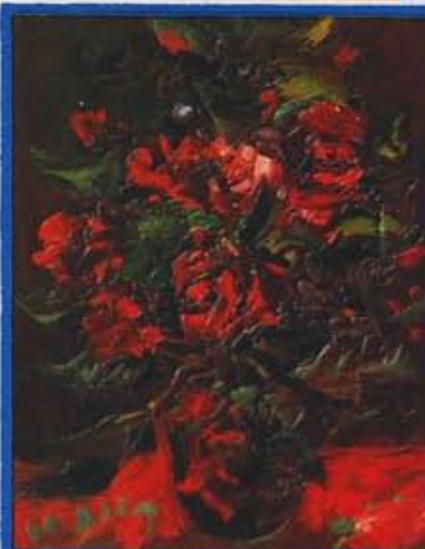
ПОЕДИНОК

ОСЕНЬ НА КЛЯЗЬЕ.

В один из теплых июльских дней сидел я в тени под кустами сирени и писал этюд. Было сонно и тихо. Вдруг калитка отворилась. В сад, озираясь, вбежал соседский малыш. Он остановился посреди поляны, увидел цветы и замер. Ему было годика два. И выглядел он словно большой игрушечный голышок. С минуту малыш стоял робко. Потом, убедившись, что вокруг никого нет, стал как-то издали осматривать пышные бутоны цветов. Я притаился. Хотелось увидеть, что же будет делать этот потешный розовощекий мальчуган.

Он ходил от одного куста к другому, как бы выбирая, на что опустить свои пухлые ручонки. Небрежно сорвал веточку флокса, осмотрел белые цветочки и бросил ее на землю. Потом протянул по грядке с рыжими ноготками и оказался у куста розы. С ходу сунул ручонки в сине-зеленые листья, но тут же резко отдернул их—накололся! Мне показалось, что роза вдруг как-то съежилась, побледнела в испуге. Она прятала под широкие листья еще не распустившиеся как следует кремовые бутоны.

РОЗЫ.

ИЮЛЬСКИЙ БУКЕТ.

СПЕЛЫЙ АВГУСТ. подсолнухи.

А мальчик не уходил. Он был мужчина! Робким сердечком своим чувствовал малыш неотразимую красоту молоденькой розы. Ручки его опять, теперь уже нерешительно, потянулись к цветку. Но невидимые иголочки снова больно ужалили. Тогда настойчивый похититель решил тронуть куст ногой. Однако роза опять ужалила его до боли. Раза три в недоумении обошел он вокруг куста розы—недотроги и громко заплакал. Не от боли заплакал, а оттого, что не одолел, не справился с кустом понравившихся цветов!..

Я сидел и думал о том, как нежна и неотразима истинная красота. Но как трудно взять ее бесхитростной, неогрубевшей рукой!

Алексей ОВСЯННИКОВ
Картины автора